

Русский Мир.ру

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АННА РУССКАЯ

АННА РУССКАЯ — КОРОЛЕВА ФРАНКОВ

КАК СОЗДАЮТСЯ И ЭКРАНИЗИРУЮТСЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

КАК НАКАЗЫВАТЬ ЗА ПРИЗЫВЫ К АНТИРОССИЙСКИМ САНКЦИЯМ?

НЕ ПРОХОДИТ И НЕДЕЛИ, ЧТОБЫ НА ЗАПАДЕ НЕ ПОДНИМАЛИ ВОПРОСА О НОВЫХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЯХ. НАША СТРАНА «ВИНОВАТА» ПРАКТИЧЕСКИ ВО ВСЕМ: И В БЕСЧИСЛЕННЫХ ХАКЕРСКИХ АТАКАХ, И В ОТРАВЛЕНИИ ОППОЗИЦИОНЕРОВ «ХИМИЧЕСКИМ ОРУЖИЕМ», И В ТОМ, ЧТО КИЕВ И ЮГО-ВОСТОК УКРАИНЫ НИКАК НЕ МОГУТ ДОГОВОРИТЬСЯ МЕЖДУ СОБОЙ, И ВО «ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ» ВО ВСЕ КАКИЕ ТОЛЬКО МОЖНО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ЗАПАДНЫХ СТРАН. СПИСОК ДЛИННЫЙ И СТАНОВИТСЯ ВСЕ ДЛИННЕЕ. НЕ ТОЛЬКО ОБСУЖДАТЬ АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ СТАНОВИТСЯ НА ЗАПАДЕ «МОДНЫМ», НО И КРИТИКОВАТЬ ИХ СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИ ВСЕ РИСКОВАННЕЕ.

На этом фоне некоторые российские оппозиционеры стали давать практически открытые советы о том, как побольнее ударить нашу страну и отдельных ее влиятельных граждан (что, в свою очередь, отразится на тех сферах и на тех предприятиях, которыми руководят или владеют эти граждане). Выглядит это гнусно. Представить себе такое, скажем, в США, Великобритании, Франции и Германии – чтобы публичные люди взывали к помощи иностранных держав для «показательной порки» собственной родины – решительно невозможно. Где-то (в США, например, еще по закону Логана начала XIX века) подобная деятельность на всякий случай – в порядке предупреждения – карается по закону. Где-то действует режим общественного порицания: такие люди сами себя делают практически моральными, едва начинают вести такие речи.

У нас кто-то предлагает ввести уголовную ответственность за такую работу против своей страны, кто-то – даже лишать гражданства (что невозможно, ибо Конституция такое запрещает).

Но, быть может, как раз путь общественного порицания был бы куда более перспективным, работая в том числе на сплочение нации против подобных вызовов извне? Мы просто еще не пробовали такое, по привычке возлагая на государство решение за нас даже тех задач, которые вполне решаемы в контексте общественной морали и нравственности, каковые все равно полностью не заменить никаким уголовным правом. В обществе следует создать обстановку нетерпимости к тем, кто призывает «наказывать» собственную страну.

ИНТЕРВЬЮ

06 За горизонт

14 «Отец умел
убеждать»

НАСЛЕДИЕ

40 Мира восторг
беспребдельный

48 Под знаком
мече и розы

ИСТОРИЯ

20 «Анна Русская –
королева
франков»

26 «Не входить
в Порт Чичагова!» 32 Коллекционер

МУЗЕИ

56 Сладкое
царство

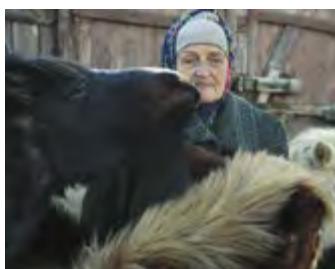
62 Здесь
ютился
разночинец

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

70 Голод мастера

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Мечта о Коньке-
Горбунке

СИТУАЦИИ

82 Остров лося

РЕПОРТАЖ

90 Зимний
вечер
в Вельцах

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЁВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СУСИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

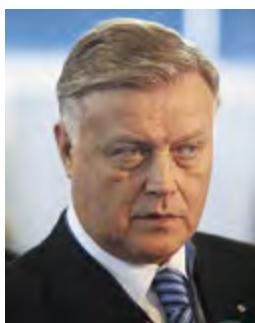
ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ФОТО АВТОРА

ЗА ГОРИЗОНТ

БЕСЕДОВАЛ
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

В 1998 ГОДУ, ПРОЙДЯ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ, ОНА В ОДИНОЧКУ ПЕРЕСЕКЛА ЧУКОТКУ. И ДО СИХ ПОР ПРОДОЛЖАЕТ В ТОМ ЖЕ ДУХЕ: ЧУКОТКА, КАМЧАТКА, ЯКУТИЯ, ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ. А ЕЩЕ МАРИНА ГАЛКИНА – МНОГОКРАТНАЯ ЧЕМПИОНАКА МИРА ПО СУПЕРМАРАФОНСКОМУ ОРИЕНТИРОВАНИЮ (РОГЕЙНУ), МОЖЕТ ПРОБЕЖАТЬ ЗА СУТКИ 130 КИЛОМЕТРОВ!

В МОСКОВСКОЙ КВАРТИРЕ МАРИНЫ Галкиной немалое место занимают велосипеды и разнообразные лыжи. Еще есть особые туристические коньки, на которых Марина прошла не одну сотню километров по льду Байкала. В комнате нам не разместиться: все

свободное пространство занимают книги, лодки, шкафы со снаряжением, призовые кубки, связки медалей... ну, и рабочий стол, заваленный бумагами, за которым Марина работает над книгой о прошлогодних странствиях. Так что разговариваем мы с хозяйкой на кухне, под старыми картами Чукотки.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

Снежные стены
в долинах
чукотских рек
местами не тают
даже в августе.
2018 год

– *Марина, я пытаюсь найти информацию о путешествиях, подобных вашим: в одиночку через Чукотку, или на север Якутии, или еще что-то аналогичное. Примеров не нашел...*

– Валентина Дмитриевна Шацкая зимой одна ходила по Ледовитому океану на лыжах. Доезжала до Воркуты на поезде и дальше сама проходила по 300 километров на лыжах, везя за собой саночки. Она была штурманом «Метелицы» – знаменитой женской полярной лыжной команды. Сейчас Валентине Дмитриевне около 80 лет, мы с ней общаемся – я вос

хищаюсь этой путешественницей. Недавно узнала, что Андрей Подкорытов несколько раз ходил в одиночку по Пutorане (горный массив на северо-западе Среднесибирского плоскогорья. – Прим. авт.). Екатеринбуржец Николай Рундквист много где ходил со своей командой, пересекал Чукотку, я его отчеты читаю во время подготовки маршрута. Но так, чтобы более тысячи километров в одиночку летом...

– *Откуда у вас стремление к таким странствиям?*

– Меня с детства тянуло пересечь пространство, узнать, что там – за горизонтом. Росла я в Москве, но лето проводила на даче с дедушкой и бабушкой. В 5 лет мне подарили велосипед, и я сразу поехала к горизонту. Доехала, а там лес... и снова горизонт. Сначала расстроилась, что не нашла никакого сказочного царства, хотя дремучий еловый лес и похож на него. Дедушка объяснял мне, что за горизонтом следует другой горизонт, за ним следующий и так далее. Любимая детская книжка – «По следам Робинзона» Николая Верзилина. Увлекало меня такое чтение – о выживании в дикой природе, использовании растений в пищу. Ну а потом биофак МГУ, экспедиции на Ямал, в Хабаровский край, Уссурийскую тайгу, на острова Японского моря, в горы Туркмении.

– *Групповые экспедиции вам не понравились? Почему стали путешествовать в одиночку?*

– После учебы я работала в Институте лекарственных растений. Один раз съездила в экспедицию

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

Марина Галкина
под наледью
в горном
массиве
Пutorана
(северо-запад
Красноярского
край). 2015 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

в предгорья Кавказа. А потом настал 1991 год. Денег нет, экспедиций тоже. Стали путешествовать с друзьями – в Карелию, на Урал, на плато Путорана. Первое одиночное путешествие у меня было на Камчатку в 1994 году. Так сложилось, что никто не смог составить мне компанию. Пошла сама. Из Петровавловска отправилась в Долину гейзеров и дальше на север – это порядка 500 километров. Тогда поняла, что могу самостоятельно пересекать северные просторы. И стала готовиться к поездке на Чукотку.

– То путешествие 1998 года кажется грандиозным: через всю Чукотку с юга на север, более тысячи километров пути – то сплавляясь по рекам на каркасно-надувном каяке, то пешком, с лодкой в рюкзаке. Подготовка заняла четыре года?

– Нет, конечно. Много времени ушло не столько на подготовку, сколько на поиск поддержки. Тогда я работала в лаборатории проблем выживания человека при Институте авиационной и космической медицины. Под Воркутой мы проводили эксперимент на выживание среди летчиков местной авиационной части. Ну, и я предложила свой маршрут в качестве исследования выживаемости человека. Начальник лаборатории отказался. Он заявил мне: будь я хоть мужчиной, тогда в эксперименте был бы какой-нибудь прок; ведь летчик в нашей стране, за редким исключением, профессия мужская...

Так все начиналось, а в конце путешествия, в поселке Мыс Шмидта – это на северном побережье Чукотки – я встретила настоящего волшебника, помога-

ющего путешественникам. Зовут его Юра Дунаев. Пограничники отобрали у меня паспорт, выбираться из поселка на Большую землю не было ни денег, ни перспектив. Зима начиналась. Юра решил все двумя звонками по телефону. Мне и паспорт вернули, и на самолет в Анадырь посадили. «Волшебник» рассказывал, что, случалось, он нашего брата и на Аляску отправлял. Времена, конечно, меняются: в 1998 году на Мысе Шмидта проживала пара тысяч человек, сейчас поселок нежилой, лишь рядом в национальном селе Рыркайпий есть несколько сотен жителей.

– На снаряжение для таких переходов нужно немало средств...

– Многое сама шила – снаряжение, каяк. Собственно, я тогда занималась изготовлением спальных

Перед началом сплава по реке Эргуевем на Чукотке. В переводе с чукотского «Эргываам» означает «шумная река»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

В чукотской яранге под меховым пологом. 2018 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

Покорение
безымянной
вершины
Верхоянского
хребта

мешков, байдарок, каяков – на это жила. И до сих пор туристы часто предпочитают самодельное снаряжение: рюкзак, палатка, штормовка, непромокаемые штаны, каяк – все своими руками сделано. Летом современным мембранным предпочитают брезентовую штормовку – она действительно дышит и от мелкого дождя защищает. Только брезент нужен качественный – старый советский. Так что на снаряжение у меня ушло больше времени, нежели денег. Много времени требуют подготовка документов и планирование маршрута. Просто так, не зная

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

Марина в гостях
у Василия
и Ирины –
счастливых
жителей
якутской тайги

брода, не лезу – ищу хорошие карты, изучаю местность, нахожу отчеты экспедиций и отдельных туристов, если там уже кто-то бывал. Иногда наличие нужных документов играет решающую роль. Первый раз, летом 1997 года, меня просто выгнали с Чукотки из-за отсутствия пропуска в погранзону. Местная администрация помочь с оформлением пропуска отказалась. Продержали меня несколько дней в погранчасти в Анадыре и отправили обратно в Москву. Подготовить документы и пересечь Чукотский полуостров получилось только в следующем году. Сейчас статус погранзоны с Чукотки снят – только у самого Берингова пролива требуется пропуск и для путешествий по берегу Ледовитого океана нужно оформлять разрешение. Зато в других регионах появилось много национальных парков, заказников, заповедников – и везде свои правила посещения. По-прежнему оформление документов непростая задача.

– Чем вас привлекают такие длительные одиночные маршруты в труднодоступных районах страны?

– Я очень ценю свободу действий. Когда сам маршрут выбираешь, идешь по нему, сам преодолеваешь препятствия, добываешь пропитание, каждый день цель ставишь, сам несешь ответственность. В таких путешествиях учишься обходиться малым, ценишь простую еду, узнаешь о возможностях своего организма, больше ценишь общение с любимиными людьми. Чувствуешь, что Вселенная благосклонна к тебе, если приходишь с добром, с душой. И получаешь все, что нужно в трудный момент. Появляется уверенность в себе и вера в этот мир... Само собой, меня вдохновляет первозданная природа. А встретить людей в этих затерянных просторах – невероятно интересно. Удивительная, например, встреча меня ждала на севере Верхоянского хребта в Якутии. Там уже тридцать лет живет семья глухонемых – Василий и Ирина. Совершенно счастливые люди. Василий родился в здешних краях, мама его якутка, отец – эвен. В 2 года после травмы он стал глухонемым. Василия воспитывала в тундре бабушка-оленеводка. В школу он впервые пошел в 11 лет. Свою любовь Василий встретил в Петербурге, когда учился там в техникуме. Ирина родом из-под Тулы, но все же не побоялась разделить с Василием суровую жизнь в Заполярье. Она научила Василия языку глухонемых, делилась своими культурными навыками. А Василий преподавал супруге премудрости таежного быта. Все в своем «поместье» они построили своими руками: дом, баню, сараи, своеобразную деревянно-каменную печь для хлеба. Раньше держали оленей и, случалось, зимой кочевали вдвоем на нартах в гости к Васиной маме в поселок Тикси. Это более тысячи километров по глухой тайге и тундре. Вот это путешественники! С возрастом за оленями стало трудно ухаживать, теперь у них лошади для поездок летом и снегоходы – для зимы. До ближайшего поселка около 180 километров через перевалы по

горам и долинам. На лошади неделю добираться. Раз в два года Василий с Ириной снаряжают снегоходы в Якутск – запасаются продовольствием и топливом. Я прожила у них несколько дней. Они абсолютно довольны своей жизнью – их лица светятся счастьем.

– Вам попадаются только гостеприимные, дружелюбные люди? Ведь говорят, что человек – самый опасный зверь. А тут девушка одна идет по тундре...

– У меня нет такого опыта. Люди, которые мне встречались, всегда помогали. Реальные опасности – иные. Пережидать непогоду, например. Делать нечего, сидишь в палатке, ждешь прояснения. Дрова не везде бывают. Я беру с собой газовую горелку и минимум баллонов на такие случаи. Продуктов – тоже минимальный запас. На выходе у меня общий вес рюкзака около 35 килограммов, из них 20 килограммов это каяк, снаряжение, газ. Голодать – самая большая опасность в таких путешествиях. Я, конечно, надеюсь на рыбу – ловлю там, где она есть. Первое путешествие по Чукотке длилось более трех месяцев, запасы пополнить было негде. Ближе к концу маршрута есть стало нечего. Оставил килограмм продуктов, снег засыпал палатку, а до ближайшего поселка 300 километров пути... Повезло, что встретила чукчей, они со мной поделились олениной, рисом. Угощали кымгытом – это мороженое моржовое мясо, закрученное в рулон в шкуре моржа. Едят его сырьим. Рыбаки иногда выручали меня с питанием.

Большую опасность представляют медведи. В общем, медведь в дикой местности людей боится, когда чует запах человека – убегает. Не так, как в обжитых местах, где медведи привыкают к соседству с человеком. И все же это зверь непредсказуемый. Медведей я встречала сотню раз, вела себя аккуратно, но вот на хребте Сунтар-Хаята в Якутии расслабилась и едва не поплатилась жизнью. Тихо подошла к прибрежным зарослям, а оттуда вывалились медвежата. Вслед за ними выскоцила медведица и бросилась на меня. Рюкзак был слишком тяжел, чтобы поднять его выше головы, как советуют. Убегать ни в коем случае нельзя. Выставила палку вперед и кричала изо всех сил. Медведица остановилась метрах в десяти от меня и повернула назад. Пришла в себя и думаю: может, это предупреждение такое было для меня – идти дальше не нужно. Вспомнились стихи Валентины Дмитриевны Шацкой: «Чтобы в наших сердцах // Огонь Грина не гас, // Мы себя вызываем к барьера». Боевой дух был восстановлен. А возле зарослей вперед я осторожна, еще издали кричу: «Эге-гей! Человек идет!»

– Я видел ваш фильм о восхождении на гору Берилл – высшую точку Хабаровского края. Вы шли одна по леднику. Группа идет по таким ледникам, связавшись веревкой: если один провалится в трещину, то товарищи его вытащат. А что делать в такой ситуации одинокому путешественнику?

из личного архива Мариной Галкиной

– Тот ледник был не такой опасный – трещины видны, перейти через них можно без особого риска. Был бы ледник засыпан снегом – другое дело. В этом смысле я веду себя осторожна. Заранее изучаю отчеты экспедиций: где безопасный подход на перевал, где можно идти в одиночку, где нельзя – много времени трачу, но это необходимо. Отчеты – отчетами, а состояние местности меняется. И проходимость, скажем, каньонов также зависит от уровня воды в них в данный момент. А где никто не ходил, сама оцениваю рельеф, выбираю маршрут – это особенно интересно. Например, каньоны Верхоянского хребта. Пройти через каньоны, как я думала, не получилось – уперлась в водопады. С трудом выбралась наверх по одному из распадков. Каньоны Нитканы и Снежника на хребте Сунтар-Хаята – это настоящее чудо природы! Вертикальные отполированные стены будто древние строения, выложенные из каменных ровных блоков. Высота стен в некоторых местах достигает 50 метров. А в верхней части каньона

Путешествие по горному хребту Сунтар-Хаята в Якутии. 2008 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

На коньках
по живописным
льдам озера
Байкал

Снежника стены сужаются и почти смыкаются, оставляя щель шириной полметра.

Вдвоем, конечно, значительно легче и быстрее проходить сложные места. В 2018 году на Чукотке я случайно встретилась с Ричардом – путешественником из Германии. Мы неделю сплавлялись вместе по реке Чаантальвэгыргын, о которой не было никаких сведений. Встречалось много порогов, и если бы я одна шла, то чаще бы выходила на берег, проводила каяк. А так я знала, что за мной идет Ричард, подстрахует, если что. Большинство порогов мы прошли с ходу.

В молодости, случалось, я вела себя очень рискованно. В 1992 году зимой ходили группой на Полярный Урал. В день отдыха мы с моим другом Володей Васильевым решили взойти на верши-

ну Колокольня. Дошли до крутого участка – а там твердый наст и лед. Нужны кошки. Приятель подниматься отказался, а я не смогла повернуть назад: поставила цель, значит, надо идти. Проковыривала ступени лыжной палкой. Группа мимо меня прошла на кошках – взошла и вниз спустилась. Выразили мне сочувствие. Полдня рубила ступени – так незаметно время прошло. Почти на вершине расплакалась – эмоции переполняли: вот она уже вершина, а сил идти нет... и сорваться вниз можно. Спускаться было еще опаснее. Смотрю вниз – пришли руководители нашей группы меня спасать. Лавинную лопату взяли – думали, вдруг меня лавина завалила. Сахар принесли, меня, обессиленную, подкормить. Перипетии опасного спуска ребята переживали больше меня. Сначала кричали, что зададут мне порку. Но Юрий Васильевич Бобков, старый опытный турист, простил меня, сказал потом: «Сам такой в молодости был».

– В списке опасностей ваших путешествий болезни значатся?

– Первый раз в пути я заболела в марте 2020 года. Ездила к друзьям-эвенам в Хабаровский край. Несколько дней мы рыбачили на таежных озерах, а потом я сама пошла на лыжах по заранее подготовленному маршруту, намеревалась несколько перевалов преодолеть. Но заболела. Температура поднялась под 40 градусов... И морозы стояли сорокаградусные. Вовремя решила вернуться на перевалочную базу Кетанда. Это было инфекционное

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

На чемпионате мира по рогейну 2013 года Марина Галкина и Нина Михеева были вторыми среди женских команд и чемпионами среди ветеранов

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРИНЫ ГАЛКИНОЙ

воспаление легких. До того также переболели мои друзья и вообще полпоселка Арка. В поселок меня вывезли на снегоходе, где врач Люда Поздеева лечила меня антибиотиками. Поправилась довольно быстро, но по приезде в Москву еще долго восстанавливалась. Физической подготовкой стараюсь заниматься регулярно, хожу в группу Дмитриева. По субботам мы проходим длинные дистанции – пешком, бегом, на лыжах. В последний раз ходили на коньках по замерзшим Шатурским карьерам.

– *А как ваш спортивный характер проявился? Как вы пришли в рогейн?*

– Я с детства любила соревноваться, занималась бегом, плаванием, лыжами. Мы учились в одном классе с Ириной Приваловой, бегали наперегонки. Потом Ирина стала «русской ракетой» в легкой атлетике, олимпийской чемпионкой.

Больше всего я любила плавать. Серьезных физических данных у меня для плавания не было, но амбиции – предельные. В 8 лет я заявила родителям: отдайте меня в бассейн, на следующей Олимпиаде я чемпионкой стану. Была уверена, что стану. Можно сказать, свои спортивные порывы я реализовала в рогейне. Впервые приняла участие в таких соревнованиях, когда мне было 40 лет. До того много раз участвовала в соревнованиях ММБ – Московского марафон-брюса. Это преодоление дистанции по лесной пересеченной местности с рюкзаком в течение двух суток. В рогейне практикуются суточные соревнования. Раньше я и не знала, что

могу вот так 130 километров за сутки пробежать. Рогейн – это парные соревнования. У нас команда с моей давней подругой Ниной Михеевой. Дважды мы побеждали в чемпионатах мира среди всех женщин и, кажется, раз семь среди ветеранов – это те, кому более 40 лет. Абсолютными чемпионками последний раз были в 2017 году в Латвии, когда нам с Ниной по 49 лет исполнилось. Наверное, это самое большое мое достижение в спорте. Тогда выступало много сильных участниц гораздо моложе нас. Мы рассчитывали занять пятое место. Но я была в отличной форме – только вернулась из большого путешествия по хребту Сунтар-Хаята в Якутии и Хабаровском крае.

– *Получается, рогейн нарочно пришел к вам поздно – в более молодом возрасте вы бы никого к чемпионству не подпустили...*

– Не знаю. Но вот удивительно: в период с 40 до 50 лет у меня более всего проявилась выносливость. И рогейном стала заниматься, и Чукотку в 2018 году пересекла с запада на восток. В сравнении с первым чукотским путешествием второе было гораздо сложнее. В 1998 году я просто шла по маршруту, на горы не забиралась, а второй раз – три серьезных восхождения сделала.

– *Как ваша семья относится к многомесячным «пересечениям Чукотки»?*

– Хорошо относится. Супруг тоже, бывало, один жил в лесу, он зоолог, понимает, что такое одиноч-

ФОТО АВТОРА

Переходящий «кубок» чемпионата мира по рогейну – бронзовый ботинок, на постаменте которого выгравированы имена победителей всех чемпионатов

ный поход. Помогает и советом, и делом. Когда сын был маленький, мы все втроем ходили в походы. Супруг больше под парусом любит ходить, а сын с 15 лет сам автостопом ездил: на север – в Архангельск, на юг – в Крым. Хотя не сказать, что сейчас он увлекается путешествиями. Близкие переживают за меня, конечно. Надолго я могу уехать летом, а зимой в основном дома – пишу материалы о путешествии, обрабатываю видео.

– Ваш ютуб-канал появился не так давно и набрал уже более 100 тысяч подписчиков. Когда вы взялись за видеокамеру?

– Снимала еще в юности – первая кинокамера была на 8-миллиметровой пленке с ручным заводом. Жаль, что потом долгое время денег не хватало приобрести хорошую камеру. Только в 2017 году, когда на Сунтар-Хаята пошла, решилась: за 16 тысяч рублей купила подержанную приличную видеокамеру. Выкладывала видео сначала для друзей. Число подписчиков росло медленно, потом быстрей – за последний год их стало вдвое больше. Лично мне это тоже многое дает. В одиночных путешествиях есть такая особенность, что не с кем поделиться впечатлениями. А с камерой я как будто своим друзьям рассказываю, чувствую, что не одна – от этого еще светлее на душе становится. Стараюсь передавать не только картинку, но и свои чувства, мысли.

– Дохода от канала на путешествия хватает?

– Изначально я не собиралась делать канал доходным. Считаю, что фильмы нужно смотреть без всякой рекламы, всецело погружаясь в кадр. Но в 2020 году сыну подняли плату за обучение в вузе. Денег таких я платить не могла, решилась подключить монетизацию канала. Дохода хватает как раз на оплату обучения.

– Как изменились путешествия с появлением гаджетов? В 1998 году у вас, наверное, никакой электроники не было.

– Я и сейчас ничего с собой не беру. Мои «гаджеты» – компас и карта. В соревнованиях по ориентированию за GPS-навигатор, например, сразу дисквалифицируют. Беру простой кнопочный телефон – в некоторых поселках мобильная связь работает. Вот, думаю, спутниковым трекером обзавестись – сообщения родным отправлять, не пропадать без связи на месяц.

– Значит, есть планы в очередное дальнее странствие отправиться... Куда собираетесь? Где еще хотите побывать?

– Западная Чукотка – там я еще не была, север Таймыра, Верхоянский хребет, Сунтар-Хаята, Якутия, Хабаровский край – эти регионы мне очень нравятся, первозданная, настоящая природа. О таких путешествиях я мечтаю. Для любого человека очень важно найти в себе силы жить по своей мечте. ●

«ОТЕЦ УМЕЛ УБЕЖДАТЬ»

БЕСЕДОВАЛИ

ЮЛИЯ СУСИНА, ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МЫ ГОВОРИМ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ. В ОКНА ДОМА ВЕТЕРАНОВ СЦЕНЫ ВПОЛЗАЮТ СИРЕНЕВЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУМЕРКИ. ЧАЙ ДАВНО ОСТЫЛ, КОНФЕТЫ ЗАКОНЧИЛИСЬ. А У НАС ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ МНОГО ВОПРОСОВ. ХОЗЯЙКА ВКЛЮЧАЕТ СВЕТ, И МЫ СНОВА РАССМАТРИВАЕМ ГРАВЮРЫ, РИСУНКИ И СТАРЫЕ ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ФОТОГРАФИИ НА СТЕНАХ. ОНИ ПРИТЯГИВАЮТ ВЗГЛЯДЫ КАК МАГНИТ. ЕЩЕ БЫ! НЕЧАСТО УДАЕТСЯ УВИДЕТЬ ОРИГИНАЛЫ ФОТО, ЗНАКОМЫХ ПО КНИГАМ О ВЕЛИКОМ ЧУДЕ – СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

«**Э**

ТА ФОТОГРАФИЯ ВОШЛА в историю и потеря ей не грозит». Так подписан один из снимков, на котором седой мужчина держит на руках черного кота. Хозяйка становится рядом и точно так же закидывает голову, как и мужчина на фото. Они очень похожи – отец и дочь: Борис Константинович Пронин, основатель «Бродячей собаки» и «Приюта комедиантов», и Марина Борисовна Пронина.

– *Марина Борисовна, а что это за кот?*

– Это наш Пекюше. Эта фотография сделана в Новосибирске, мы тогда там были в эвакуации. Родители работали в театре, папа – конферансье, мама – супфером. Кот тоже работал. Актером. Ему платили 3 рубля в месяц. Я носила его в театр, когда шел спектакль «Дворянское гнездо». До сих пор помню: начало спектакля, в центре сцены садятся Корчагина-Александровская, Мичурина и Самойлова. Я стою в кулисах. Как только занавес открывался, через всю сцену шла «воспитанница» с котом на руках. Вот это и был наш Пекюше. Сначала он вел себя хорошо, а потом ему надоело, видимо. И как только эта «воспитанница» выносила его под софиты, он начинал громко мяукать. Тогда я придумала перед самым выходом давать коту кусочек колбасы. Сработало.

– *А почему вы так назвали кота?*

– У нас дома была книга – роман Флобера «Буря и Пекюше». Вот кот и стал Пекюше. Папа сразу мне сказал: «Марина, никаких кис-кис-кис чтобы не было. Кот у нас слишком доверчивый, любой сможет его так подманить». Папа приучил Пекюше к свисту. Заодно и я научилась свистеть. Но это не помогло. Его все-таки украли у нас в эвакуации.

– *Когда вы уехали в эвакуацию и как жилось в Новосибирске?*

– Мы успели сесть в последний поезд из Ленинграда. Ехали в теплушке. Это было в сентябре 1941 года (блокада началась 8 сентября. – Прим. ред.). На следующий день после нас должна была уехать родственница мамы, но... Возможности

больше не было. Она умерла потом в блокаду... В Новосибирске мы спокойно жили, хотя было сложно, как и всей стране. Нам дали комнату, 12 метров, в огромном доме железнодорожников. Хозяйке квартиры мы не нравились. Проходя мимо нашей двери, она все время ворчала: «Вот, приехали... Ведро картошки 10 копеек стоило, а теперь – рубль!» Это правда, цены действительно поднялись после того, как в городе появились эвакуированные. Ленинградским актерам отдали театр «Красный факел». За театром был большой двор с постройками, где хранились декорации. И был большой сарай, в нем была бутафорская мастерская. Театр был пустой,

Борис Константинович Пронин
и кот Пекюше

В 2020 году
Марине
Борисовне
Прониной
исполнилось
95 лет

некому было работать, кто на фронт ушел, кто в театральные фронтовые бригады.

В Новосибирске я окончила десятый класс. Попала учиться на осветителя. Ну, как учиться? Приходишь в театр, тебе говорят: включи это, поверни это, выйдет на сцену человек – направишь на него свет... А потом я начала учиться у бутафора – там в театре был такой хромой старичок. И он начал учить меня с азов. Ну, вот так я и определилась со своей профессией – художник-технолог сцены. В 1944 году вернулась в Ленинград и пошла работать в театр.

– *Марина Борисовна, а как ваши родители познакомились?*

– В 1919 году, когда закрыли «Приют комедиантов», папа переехал из Петрограда в Москву. А годом ранее туда же приехала только что окончившая смоленскую гимназию моя мама – Мария Рейнгардт. Ее отправили к двоюродной бабушке, которая жила в Филипповском переулке. Не знаю, зачем отправили. Может, Москву посмотреть, может, замуж выдать... Отца мамы звали Эмиль Карлович Рейнгардт, он был немец, семья жила в своем поместье, как оно называлось, я, к сожалению, не помню. Кажется, Флущево. Из-за немецкой фамилии у мамы потом было немало проблем. В 1938 году родители решили расписаться, чтобы мама взяла фамилию Пронина. Но почему-то не получилось. Мама все равно осталась Рейнгардт.

Как они познакомились? У двоюродной бабушки, у которой мама жила в Москве, была дочь Евгения. Она увлекалась танцами, пыталась подражать Дункан. Неизвестно, на каком спектакле или выступлении она познакомилась с Борисом Прониным. И как-то он зашел в Филипповский переулок, хотел что-то передать Евгении. И тут увидел Марию Рейнгардт. Это была любовь с первого взгляда.

Папа и мама очень дружно жили. Они сняли какой-то чердак, в котором был заброшенный зимний сад: много растений в кадках, а посреди – бассейнчик с фонтанчиком. Папа называл это мансардой. Он сам устроил перегородки из фанеры, сколотил деревянный диван со спинкой и стол (в 1923 году Борис Пронин открыл в Москве клуб «Странствующий энтузиаст», а затем клуб «Мансарда» на Большой Молчановке, 32. – Прим. ред.). После того как заканчивались спектакли в Малом театре, здесь собирались актеры, поэты художники. Расходились в 4–5 часов утра. Папу арестовали в 1926 году и выслали из Москвы в Йошкар-Олу. Я родилась в сентябре 1925-го. Мама рассказывала, что ей тогда приходилось очень непросто. Сестра папы, тетя Лена, помогала, однажды подарила мне крохотные красные валенки. Потом папа как-то устроился в Йошкар-Оле и вызывал нас туда. Это было зимой. Тетя Лена привезла большую меховую муфту, они с мамой прорезали в ней дырки снизу и сверху

и одели меня в нее как в шубу. Мама рассказывала, как папа нас встречал в Йошкар-Оле. Он отрастил бородку, пришел в черном пальто. Шел снегок, и мама запомнила эти снежинки на черном... Мама устроилась на работу картографом. Папа дома по вечерам помогал ей делать карты. Маме платили 90 рублей в месяц, так что жили мы вполне сносно, хотя папа не мог никуда устроиться на работу. В Йошкар-Оле мы прожили три года. А потом папе разрешили переехать в любой город, за исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Минска. Тогда мама вспомнила, что в Батуми живет одна из ее бабушек. И мы поехали в Батуми.

— *Вам там понравилось?*

— Там было чудесно! Море! Или вот, к примеру, наступает время сбора мандаринов, и у нас дома — целая груда мандаринов. Я запускаю в нее руку — и завтракаю!

Мама устроилась работать на нефтеперерабатывающий завод в Батуми. А мы жили не в самом Батуми, а в пригороде — Махинджаури. На работу мама ездила на рабочем таком поезде, если опоздаешь на него, идешь на работу пешком. Хозяйка, в доме которой мы жили, приторговывала контрабандой. Там же граница рядом. По ночам контрабандисты оставляли в условном месте фольдекосовые и фольдеперсовые чулки — это тогда был жуткий дефицит. Хозяйка продавала их и тоже по ночам часть денег оставляла в том самом услов-

ном месте... А ночи там были очень темные, хоть глаз выколи. Никаких фонарей нет. У нас даже был такой забавный случай. Когда было совсем жарко, папа любил спать на лавке во дворе дома. И вот как-то раз ночью мама слышит, что кто-то по двору ходит. Она в окно выглянула и спрашивает: «Боба, Боба, это ты? Ты где?» Папа спит, не отвечает. А мама только видит какой-то силуэт. Она опять позвала: «Боба!» Человек, не отвечая, развернулся и ушел. Это вор был. Еще помню, как собирали чай. Там была огромная плантация, раньше принадлежавшая какому-то

С любимыми
книгами

Участники
«Товарищества
Новой Драмы».
Слева направо:
Ю.Л. Ракитин,
В.Э. Мейерхольд,
Б.К. Пронин,
Р.А. Унгерн.
Весна 1906 года

Литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака»

китайцу, который после революции вернулся в Китай. А на плантации продолжали выращивать чай. Верхние листочки собирали в большие мешки, мыли большую такую площадку, кажется бетонную, и на ней рассыпали чай. Чтобы сушился на солнце. Потом листочки снова собирали в мешки и начинали мять ногами. Потом чай полоскали и снова раскладывали сузиться на солнце. Управляющий разрешил нам с нескольких кустов собирать чай для себя. Мама этим занималась.

А потом началась эпидемия сыпного тифа. Сначала заболел папа. Потом мама. Их лечили в госпитале. У папы после болезни стала отниматься правая рука. Меня на время эпидемии отправили к бабушке в Батуми. У бабушки была забавная знакомая – Наталья Оттовна. Была похожа на мужчину, все время носила брюки и рубашки с накрахмаленными манжетами. Рассказывала, что, когда во время интервенции в Батуми пришли английские войска, она гуляла по набережной, знакомилась с британскими офицерами и кое-что выведывала у них: сколько человек прибыло, что за войска и так далее. И записывала все это незаметно на манжетах. Она была очень забавной. Я часами сидела на балконе, высматривала, когда мама придет. А она ходила сзади и напевала: «Марина пискнула слетка, увидев маму из окна». У нее был чудный пудель. Она брала его за передние лапки и начинала танцевать. И напевала: «Бончик мушку взял под ручку, пошел Бончик танцевать». Мне кажется, она пыталась меня развеселить.

– А в 1930-х годах вашей семье разрешили вернуться...

– Да. Папа поехал в Москву хлопотать о переезде и искать квартиру. В Москве он остановился у своей сестры. В столице он случайно встретился со старым знакомым Валентином Кангалари, который в тот момент был начальником Военно-медицинской академии. Его расстреляли в 1937 году. Ну, вот Кангалари и помог нашей семье перебраться в Ленинград. Он выхлопотал нам комнату на первом этаже в бывшем доходном доме на Загородном проспекте, маму устроил работать в мастерскую наглядных пособий при академии. Это был 1933 год, если не ошибаюсь. Я как раз должна была пойти в школу, тогда в первый класс в 8 лет поступали. Папа устроился работать в Александринский театр. Я потом в нем 51 год проработала...

– Марина Борисовна, а отец рассказывал вам о «Бродячей собаке»?

– Знаете, он не очень любил все это вспоминать. Помню, что когда я его спрашивала, зачем он этим занимался, он отвечал так: я мечтал, чтобы у людей искусства было место, где они могли бы свободно разговаривать, обсуждать увиденные спектакли и новые идеи, придумывать новые проекты. Но вообще, он редко со мной говорил о «Бродячей собаке». Как-то рассказал, что, когда готовились к открытию, он решил, что в «Собаке» обязательно должен быть камин. Ну, вот сделали камин, решили его затопить, проверить – скоро же народ придет. Затопили, а дым идет в обратную сторону. Видимо, неправильно сделали дымоход. В этот момент в подвал пришел один из друзей папы – Виктор Крушинский, он был директором какого-то большого завода. Папа к нему:

вот, мол, беда, камин дымит, что делать?! Тот ему отвечает: ну, подумаешь, потом починишь. А папа говорит: нет, это невозможно, камин должен быть! В общем, дошло до того, что Крушинский скинул пиджак и в своей белоснежной рубашке полез в камин – разбираться, что там не так. И починил! Понимаете, отец умел убеждать.

Еще папа часто вспоминал художника Сергея Судейкина. Очень его ценил. Судейкин расписывал стены в «Бродячей собаке». Говорили, что было очень красиво.

Иногда только он подробно рассказывал о своих клубах, когда дома собирались его друзья. Тогда он обычно говорил: «Маришка, не слушай!» Он вспоминал актеров, художни-

Мария Эмильевна Пронина,
мама Марины Борисовны.
Предположительно 1930-е годы

ков, поэтов, которые приходили в «Бродячую собаку». Вспоминал «Свиную книгу», в которой не только поэты расписывались, но и художники делили зарисовки. Правда, в такие моменты меня обычно выдворяли из комнаты.

— Как жаль! Марина Борисовна, у вас тут немало фотографий Ахматовой. И на столе лежит «Реквием»...

— Да, я люблю стихи Анны Андреевны. Жаль, что раньше я была такой глупой...

— Что вы хотите этим сказать?

— Когда мы вернулись в Ленинград из эвакуации в 1944 году, папа уже довольно плохо себя чувствовал. И вот как-то раз он сказал: «Марина, мы идем к Ахматовой. Ты меня отведешь». И мы пошли в Фонтанный дом, она тогда там жила. Помню, комната была очень узкая, с одним окном. Мы вошли, рядом с дверью — кресло. И она сидит в нем. Папа к ней кинулся, ручку целует. Она заулыбалась, усадила его. И они начали разговаривать. Мне бы, глупой, слушать внимательно. А я сидела и скучала, по сторонам смотрела. О чем-то своем думала. А теперь и не помню, о чем они говорили.

— Марина Борисовна, а вот эта фотография на стене... Это ведь в «Бродячей собаке»?

— Да-да. «Все мы бражники здесь, блудницы, // Как невесело вместе нам! // На стенах цветы и птицы // Томятся по облакам». Вот, видите, за столами меценаты сидят. Сейчас покажу, где папа. Вот он! А это, по-моему, Тэффи. А вот Судейкина-Глебова. Здесь Станислав-

ский и Немирович-Данченко. А вот видите? Знаменитая люстра — колесо от телеги.

Когда мы вернулись в Ленинград из эвакуации, папа сказал: «Пойдем посмотрим, что там в «Бродячей собаке». Мы поехали. Входим во двор, спускаемся по лесенке в подвал. Никаких замков, входи кто хочешь. Мы вошли. Кажется, там была заброшенная столярная мастерская. Конечно, от «Бродячей собаки» ничего не осталось. Стены были покрашены известью.

— Простите, Марина Борисовна, у вас на полке видна тонкая книжица, похожая на знаменитую брошюру, посвященную «Бродячей собаке» балерине Тамаре Карсавиной.

— А это она и есть.

— Та самая?! С обложкой, нарисованной Судейкиным, и факсимile стихов Кузмина и Ахматовой?!

— Да, конечно. Эта брошюра была посвящена выступлению Тамары Карсавиной в «Бродячей собаке» в 1914 году. Сейчас я вам ее покажу. Вот, видите, это папа своей рукой на последней странице написал. Я пока так и не разобрала до конца надпись.

— А из какой семьи был сам Борис Пронин? Он вам рассказывал о своем детстве?

— Родился он в Чернигове 17 декабря 1875 года. Его отец был банковским служащим. Моя бабушка была домохозяйкой. В детстве у папы был гувернер, который хорошо играл на волынке. Еще папа рассказывал, что когда он пошел в первый класс гимназии, то его мама сшила ему такой

Брошюра, посвященная Тамаре Карсавиной, изданная основателями «Бродячей собаки». Обложка, нарисованная Сергеем Судейкиным, факсимile стихотворения Михаила Кузмина и портрет Карсавиной

Карандашный портрет Б.К. Пронина

В Александринском театре
Марина
Борисовна
проработала
художником-
технологом
сцены 51 год

рюкзак или мешок – он его носил через плечо. А мальчишки на улице над нам посмеивались, кричали: «Мадам Проня с кошельком». Папа любил и хорошо знал древнегреческий и латынь. Рассказывал, что в Чернигове была какая-то знаменитая преподавательница по классу фортепиано, к которой родители его определили учиться. Он ходил к ней домой заниматься. Говорил, что жутко ненавидел эту учительницу и ее уроки. После окончания гимназии он поехал во Францию, поступил в Лионский университет на медицинский факультет. Мечтал побывать в Риме, но это ему так и не удалось. Потом вернулся в Россию, учился в Петербургском, затем в Московском университете. Из Москвы его выслали за участие в студенческих беспорядках. В 1901 году он вернулся в Москву и поступил в Школу МХТ.

– *Марина Борисовна, каким человеком был ваш отец?*

– Он очень любил жизнь. Был очень добрым. Очень любил животных. Любил цветы. Любил людей, сильно расстраивался, когда кто-нибудь делал ему гадости. Но никогда не отвечал тем же. Он меня никогда не ругал. Меня только мама ругала. Любил друзей. Очень любил общение, любил поговорить. Папа рассказывал, что однажды в «Бродячей собаке» устроили вечер Козьмы Пруткова. И было такое задание: к каждому конкретному человеку в кабачке подобрать цитату

из Пруткова. Так вот, по словам папы, он боялся, что ему подберут «Если у тебя есть фонтан, заткни его...». Он и сам понимал, что любит поговорить. Но в итоге к нему применили какой-то другой афоризм.

У него было немало друзей. Но больше всех он ценил «принца». Так папа называл Андрея Голубева, потому что тот играл роль принца в комедии Евгения Зноско-Боровского «Обращенный принц» в театре «Дом интермедий». Знаете, в нашем Доме ветеранов есть Савинский корпус – это дом, который был построен знаменитой актрисой Марией Гавриловной Савиной как убежище для актеров. Так вот, Андрей Голубев заведовал этим домом всю блокаду. Когда мы вернулись из эвакуации, папа первым делом встретился именно с «принцем».

Папа был очень красивый. Средний рост, интересное, непростое лицо. Он нравился женщинам, не раз был женат. И детей у него было много. Первой женой была женщина, имени которой я не знаю, знаю только ее прозвище – Гугаша. Мы с папой навещали ее еще до войны. У Гугаши был сын Юра – мой сводный брат. Мама не имела ничего против нашего общения. Юра погиб в блокаду. Второй женой папы была Вера Александровна Лишневская, дочь известного петербургского архитектора. У них родились две дочки – Душка и Лиля. Ну а потом папа встретил маму. И появилась я.

«АННА РУССКАЯ – КОРОЛЕВА ФРАНКОВ» РОМАН КАК ИСТОЧНИК

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

У МЕНЯ ИЗ ОКНА БЫЛА ВИДНА ОЧЕРЕДЬ.
ТАМ БЫЛ ПОДВАЛ И ЧТО-ТО ЗАПРЕТНОЕ, МНОЮ
НИ РАЗУ НЕ ОСВОЕННОЕ. ТАМ ПРИНИМАЛИ
МАКУЛАТУРУ, КОТОРОЙ В НАШЕМ ДОМЕ НЕ
ВОДИЛОСЬ. ТОЧНЕЕ, НЕ ВОДИЛОСЬ ДЛЯ ВЫНОСА:
ВСЕ КОПИЛОСЬ ИЛИ ПЕРЕРАБАТЫВАЛОСЬ – КНИГИ,
ГАЗЕТЫ, ТЕТРАДИ. БАБУШКИНЫ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
КОНСПЕКТЫ ЗАНИМАЛИ ЦЕЛЫЙ УГОЛ СТОПКОЙ
ДО ПОТОЛКА – Я ПОКУСИЛСЯ НА НИХ ТОЛЬКО
ПОСЛЕ ЕЕ СМЕРТИ. ТЕКСТ СЧИТАЛСЯ ЦЕННОСТЬЮ,
НEDОСТОЙНОЙ ПОМОЙКИ.

УЖЕ ТОГДА МНЕ ЭТО казалось крайностью. Тем более что, как я узнал, за сдаваемую макулатуру дают талоны на новые, недоступные в магазине книги. Среди них была та, которую я очень хотел заполучить. Она попалась мне раз у соседа на столе в библиотеке. Я прочел только название, которое сразу сразило: «Анна Ярославна – королева Франции». В школе нам про нее едва упомянули, а поиски полноценного исследования ни к чему не привели. Я воспринял этот ро-

ман как окно в неизведенное, почти запретное, обещающее ключи от недоступного, сочетающего несочетаемое – Русь и Францию, Ярослава Мудрого и заморскую королеву, географические кульбиты и политические загадки. Имя автора записал на клочке бумаги и спрашивал во всех библиотеках – Ладинский. Книгу было не достать. Много позже перехватил ее у знакомых. Потом, конечно, и купил, но это была уже другая эпоха. Привкус загадочности и вожделенности сохранился навсегда.

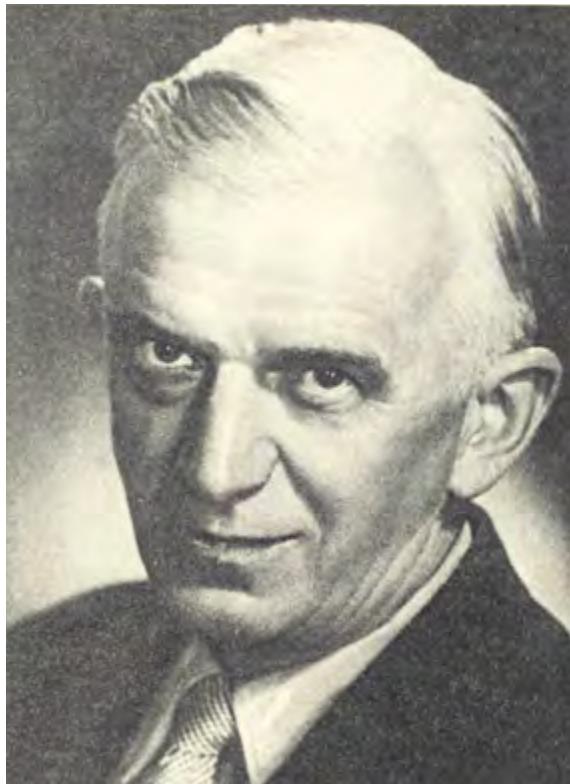
«БАРД ИСПОЛИНСКИЙ»

Во Францию за приключеньем
Торговый корабль отплынет,
И лебедь прекрасным виденьем
Под аркой моста проскользнет.

Придут белокурые дети
Кормить белым хлебом его,
Но больше не будет на свете
Ни Анны, ни слез, ничего...
На самом деле не во Францию,
а в Ост-Индию – так написано
в стихотворении у Ладинского. Впрочем, он часто менял
текст перед публикацией, а имя
Анна, кажется, ему особенно
нравилось. В его стихах оно по-
являлось и без оправдания:
Все ускользает странно –
Легчайший дым побед,
Прелестный лебедь Анны,
Прельщающий столько лет.

И вы, беглянки-музы,
Устали плакать вы
По северным медузам,
По пряникам Москвы.
Отдельные строки Ладинский
посвятил и Анне Болейн, и до-
ные Анне из «Дон Жуана». Все они,
конечно, далеки от дочери Ярос-
лава, но образы у поэта порой
имеют свою родословную. По-
миналась им и Ярославна – дру-
гая, которая ждала князя Игоря
из половецкого похода. Понят-
но, за ее плач: «И плач Ярославы // Над русским Ареем...» Плач
над погибшими воинами, в его
случае – русскими воинами
Гражданской войны. А потому
в другом месте: «Как Ярославна,
плачем мы в Париже».
Антонин Петрович Ладинский
родился в глухом селе под Пор-
ховом, учился в псковской гим-
назии, а в 1915 году поступил на
юридический факультет Петер-
бургского университета, откуда,
не успев отучиться и года, был мо-

билизован. В августе 1916-го после Школы прапорщиков оказался в запасном полку в Симбирске, болел и на фронт не попал. В Симбирске же встретил и провел 1917 год, в конце которого уехал в родной Псков, потом в Петроград, где был зачислен под чужой фамилией в Красную армию. В 1919-м под Купянском был взят в плен белыми и зачислен в офицерскую роту Марковского полка подпоручиком. В августе того же года получил тяжелое ранение в ногу, последствия которого лечил более тридцати лет. После многих месяцев в госпитале в начале 1921 года его эвакуировали из Новороссийска в Крым, потом в Салоники и, наконец, в Александрию. В Египте Ладинский, знаяший французский, стал делопроизводителем в суде. Долго искал возможности перебраться в Европу и только в 1924-м приехал в Париж, где сразу поступил в Сорбонну, рассчитывая завершить образование. С 1925 года он регулярно публикуется в эмигрантских изданиях. Выходят его стихи. Первый отклик на них – более чем благожелательный – Владимира Набокова в берлинской газете «Руль». Ладинского вообще привечают, он завсегдатай парижских литературных событий, участник различных клубов, объединений, союзов. Первый стихотворный сборник выпустил в 1930-м – «Черное и голубое». Затем еще четыре: «Северное сердце» (1931), «Стихи о Европе» (1937), «Пять чувств» (1938) и «Роза и чума» (1950). Все в Париже. Все отмечены похвалой ведущих критиков. Он поэт и известный журналист. Библиография его публикаций не составлена, но это постоянная череда – от передовиц на злобу дня до подвалов с путевыми заметками из экзотической страны. Он много путешествует. Рассказ о путешествии в Палестину в 1937 году вышел отдельным изданием. Еще в Египте он подрабатывал переводами детективов. В конце 1920-х начал писать собственную прозу, рассказы. Вскоре вышли два его исторических романа: «XV легион» (Париж, 1937) и «Голубь над

Понтом» (Таллин, 1938). Но даже успешный литератор – это случайные заработки и каторжный труд, на жизнь хватает едва-едва. Ему постоянно приходилось подрабатывать вне литературы. Едва приехав во Францию, Ладинский работал маляром, потом разнорабочим на обойной фабрике. И только в 1926 году ему, казалось бы, повезло: он получил постоянную ставку телефониста в ведущей газете русского зарубежья «Последние новости». На этом месте – то есть переключая входящие вызовы на внутренние и наоборот 48 часов в неделю – он служил четырнадцать лет. Ужас несоответствия личности и места отмечали многие современники. Георгий Адамович писал с

Антонин
Петрович
Ладинский,
автор
исторических
романов

Первая книга
Ладинского,
«Черное
и голубое», была
опубликована
в конце
1930 года
издательством
«Современные
записки»
в Париже.
Обложка
и титульный лист

Обложка рассказа Ладинского «Путешествие в Палестину». 1937 год

горькой иронией: «Судьбой к телефону приставлен Ладинский, // Всему человечеству, видно, на зло: // Он – гений, он – Пушкин, он – бард исполинский, // А тут не угодно ль – алло да алло!»

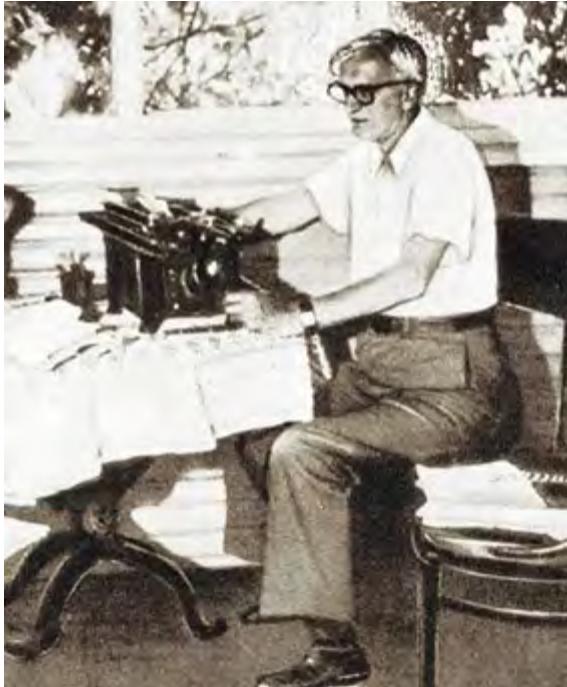
Нина Берберова вспоминала, что Ладинский считал свою должность «лакейской» и ненавидел Париж: «Он был озлобленный, ущемленный человек, замученный тоской по родине, всем недовольный, обиженный жизнью и не только этого не скрывавший, но постоянно об этом говоривший».

В 1940 году Париж был оккупирован, а «Последние новости» закрыты. Ладинский за газетой уехал на территорию «свободной Франции», в Пуатье, потом в Овернь, но от безденежья вынужден был вернуться в Париж. Позднее писал, что «на немцев ни дня не работал», числился безработным, получал пособие. Париж освободили в 1944-м, и Ладинский начал активно сотрудничать с просоветскими организациями, заведовал литературным отделом газеты «Советский патриот» (в 1943–1945 годах «Русский патриот»), готовил материалы для корреспондента «Правды» Юрия Жукова, организовывал мероприятия на волне эйфории от побед Советской армии. Он был совсем не одинок, но старался быть впереди. 30 июня 1946 года в числе первых получил советский паспорт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Это была заметная волна послевоенных возвращенцев, к которым другие эмигранты часто относились пренебрежительно. Впрочем, Ладинского это не касалось. Он был искренен; в этом не было сомнений. Тем более что советско-французский «амур» быстро закончился. В конце 1947 года во Франции был запрещен «Союз советских граждан», а в начале 1948-го закрыт «Советский патриот». Ладинский продолжал печататься в «нейтральных» изданиях, но в 1950 году был выслан из Франции. Однако в СССР его не пустили: пять лет он прожил в ГДР, работая корректором в бюро переводов при заводе «Кабель» в Дрездене. Только в марте 1955-го вернулся в Москву. Здесь последние шесть лет своей жизни он был писателем, востребованным свидетелем зарубежья, признанным высокооплачиваемым авторитетом. Но поэзия ушла, в Советском Союзе Ладинский стихов не писал, не издавал. Только публицистика. В аннотациях значилось: «автор исторических романов, переводчик, журналист». Поэт остался в эмиграции. Таким, внимательным исследователем романтических историй, представляя его я и большинство моих современников в 1980-е годы.

В СССР Ладинский почти сразу переиздал свои романы 1930-х годов, чуть переделав и сменив название: «Голубь над Понтом» стал «Когда пал Херсонес», а «XV легион» – «В дни Каракаллы». Одновременно он работал над новым. Сначала в его планах было занять нишу эмигрантской темы в советской литературе. Уже в 1953 году он переслал Константину Симонову отрывок романа о жизни эмигранта: несчастная судьба, тоска, возвращение домой. Однако завершить начатое не удалось. То ли время было упущено, то ли музя упорхнула. Ладинский вернулся к древней истории, которая его всегда интересовала. Теперь, судя по всему, он понял, что готов представить вопросы вынужденной эмиграции, гражданского долга и ностальгии на сцене времен Древней Руси: дочь

Антонин
Петрович
Ладинский
за работой.
1960 год

великого князя Ярослава Владимира держит путь в далёкий Париж к неведомому мужу, и знает она, что нет обратного пути. Исторические сочинения тогда было издавать проще, они выдерживали меньшее количество проверок. Роман об Анне был единственным написанным и напечатанным Ладинским в Советском Союзе. Он вышел в 1961 году в издательстве «Советский писатель». Его продолжением считается изданный посмертно роман «Последний путь Владимира Мономаха», в конце которого указана дата 20 декабря 1960 года. Писателя не стало

Обложка романа
Ладинского
«Анна
Ярославна –
королева Франции»
(М., «Советский
писатель», 1961)

4 июня 1961-го, и к печати, надо полагать, он его уже не готовил. В предисловии роман отмечен как последний в трилогии, охватывающей события русской истории с конца X до начала XII века, от Крещения до составления «Повести временных лет»: «Когда пал Херсонес» – «Анна Ярославна – королева Франции» – «Последний путь Владимира Мономаха». В 1973 году «Советский писатель» издал все три романа под одной обложкой. Так же переиздал в 1984-м. А в 1987 году вышло минское издание в трех томах, вобравших все четыре исторические повести Ладинского. Оно распространялось на знаменитые макулатурные талоны. Тираж «Анны Ярославны» в 1961 году составил 30 тысяч экземпляров, в трилогии 1973 года – 100 тысяч, в квадрологии 1987-го – 1,2 миллиона экземпляров. Суммарно в период с 1961 по 2014 год мне известны 24 переиздания романа «Анны Ярославны» общим тиражом более 3 миллионов экземпляров. Это – самое издаваемое сочинение Ладинского, это – его наследие и посмертная слава.

ЗАГАДОЧНАЯ АННА

Собственно, ничего сверхъестественного ни в этом, ни в других романах Ладинского не было. Просто литераторы редко пишут о древнерусских временах. А тут еще за дело берется поэт. Однако в романе можно заметить даже некоторое самоограничение Ладинским своих фантазий: он неизменно старался следовать доступным источникам, сохранять исторический контекст. Все выдуманные персонажи аккуратно интегрированы в фактический материал. Собственно, перед нами литературная реконструкция – от исторической она отличается лишь отсутствием научных ссылок. Неслучайно выход романа приветствовали профессионалы: «Своим трудом А.П. Ладинский опередил историков», – писал в 1963 году доктор исторических наук Владимир Пащута, который только в 1968-м выпустит монографию «Внешняя политика Древней Руси», где даст

краткую сводку русско-французских отношений того времени, то есть известий об Анне Ярославне. До Ладинского о судьбе княгини на русском языке монографически ничего издано не было – и так до сих пор!

У Пашуто справка объемом со страницу, а у Ладинского – целый мир. Сложные переговоры, трудное путешествие. Анна стала самым отдаленным брачным экспериментом князя Ярослава. Ладинский почти никак его не разъяснял, упомянув лишь возможности «завязать сношения с далеким Римом, чтобы при случае оказывать давление на заносчивый Царьград». Особый акцент на статусе: Анне несколько раз говорят, чтобы гордилась, что станет королевой. С французской стороны причиной выбора названа знаменитая «плодовитость» «русских принцесс». Ее сын, ставший позже королем, получил странное имя Филипп, которое прежде не встречалось у французских правителей. Ладинский пытался объяснить: то ли в честь апостола, проповедовавшего во Фригии, «недалеко от тех областей, где родилась супруга короля», то ли в честь македонского царя, от которого «русские правители ведут свой род». И у историков до сих пор нет этому единого разъяснения. Едва Филиппу исполнилось 7 лет, как его короновали (23 мая 1059 года), а муж Анны, Генрих, вскоре умер (4 августа 1060 года). Опекуном молодого короля были объявлены мать и граф Фландрини Бодуэн. Но Филипп быстро рос и нуждался более в опытных военных инструкторах, нежели в женской опеке. Анна перебралась из Парижа в Санлис, который, кроме того, что был передан ей во вдовью собственность, напоминал киевский пригород Вышгород, где прошло ее детство. Родилась она, по версии Ладинского, в Новгороде, а юность провела в столичных резиденциях киевского князя. Санлис соседствовал с землями могущественного графа Рауля де Валуа, с которым у Анны сложились более чем теплые отношения. Анна стала женой графа и коротала с ним старость до

его смерти в 1074 году. Она была почти старухой тогда – ей было более 40 лет – и засобиралась на родину. Узнала, что брат Изяслав прибыл в соседнюю Германию, и бросилась навстречу. В Майнце его не застала, поехала в Вормс, но Изяслав уже уехал в Польшу. Ностальгические волнения и дальние переезды свели королеву в могилу. Она умерла в Вормсе, вспоминая родных, детей и первую любовь, возможно, некоего юнца – у Ладинского ярла – Филиппа.

Ладинский внимателен к деталям, если они есть, но поле для романа широко. Об Анне нет ни одного источника на русском, а ее муж считается самым плохо известным французским королем – это рубеж Темных веков и становления монархии. Удачная возможность для фантазий. С другой стороны, чем не анализ за неимением лучшего?

Иллюстрация из книги Ладинского «Когда пал Херсонес. Анна Ярославна – королева Франции» (Минск, 1987)

ДВЕ АННЫ

У Ладинского особое отношение к Аннам. Очевидно, он прочитывал за этим именем древнееврейский перевод: «божественная благосклонность», благодать. Впервые этот образ возникает в его поэзии, потом он полнокровен и в прозе. Впервые он появляется в романе «Голубь над Понтом» («Когда пал Херсонес»), где повествуется о Крещении Руси и о браке князя Владимира с византийской принцессой Анной, багрянородной сестрой басилюса Василия Болгаробойцы. Анна – это и есть «Голубь над Понтом», вестник мира, благая весть для Руси. В романе она почти безмолвна. Напоминает икону. Ей поклоняются, боготворят, преклоняют колена. Ее принесли в жертву коварные греки, чтобы вернуть захваченный варварами Херсонес, но ее миссия завершится успехом, и дикие русы станут православными христианами. Можно считать, что история Анны Ярославны – это продолжение темы жертвы и миссии. Княгиня представлена приверженкой государственных ценностей, настоящей гражданкой – востребованный образ советской женщины: «Что ты плачешь по мне, как по умершей? – прикрикнула на прислужницу королева. – Разве не участь каждой женщины иметь мужа и рожать детей?» Так с детства была воспитана Анна, в полной уверенности, что красота имеет государственное значение, хотя, может быть, не могла бы выразить эту мысль точными словами».

Багрянородная Анна плачет, но смиряется, а Анна Ярославна уже плоть от плоти государственный деятель. Судя по всему, Ладинский долго разрабатывал эти образы. В советских изданиях «Когда пал Херсонес» помечено: Париж–Москва, 1937–1958. В конце «Анны Ярославны» уже четко: Москва, 1960. Однако в 1950 году в вышедшей в Париже книге стихов Ладинского «Роза и чума» имеется следующий анонс его книг «в рукописи»: «Анна Ярославна и ее время» – биография

фия; «Парфянская война» – роман. Видно, что автор различал «роман» и «биографию», то есть в случае Анны Ярославны претендовал как минимум на более взыскательный к достоверности жанр. В архиве Ладинского его рукописи, посвященные Анне и Владимиру Мономаху, датированы 1942 годом. Стихи об Анне, цитированные в самом начале, относятся к 1934–1935 годам. Видимо, тогда и созрела у поэта-телефониста идея написать венок из повестей о судьбе вынужденных эмигранток XI века, благовестных Анн: одной – на Восток, другой – на Запад. У отечественных читателей, судя по всему, образ благой вести на Запад оказался более востребован.

КИНОПОВЕСТЬ

Ладинский умер, а история с его Анной получила свое продолжение. Советско-французские отношения после прихода к власти Шарля Де Голля в 1959 году сохранили ровный и почти дружественный диалог, взаимные визиты были довольно частыми. В 1960 году Францию посетил Никита Хрущев, а затем четырежды туда ездил Леонид Брежnev. Последний раз он был в Париже 20–22 июня 1977 года с официальным визитом по приглашению президента республики Валери Жискар д'Эстена, который, как известно, по матери был дальним родственником короля Людовика XV. Сам Жискар д'Эстен посетил Советский Союз 26–28 апреля 1979 года. Именно к его визиту был подготовлен и выпущен на экраны фильм «Ярославна, королева Франции». Его снимали в 1978-м, но премьера состоялась 23 апреля 1979 года. Именно тогда президент Франции проезжал по улицам Москвы, те пестрили афишами киноленты про русскую королеву Франции.

Картину никогда не называли удачной, несмотря на звездный актерский состав и позднейшую славу режиссера Игоря Масленникова. В главных ролях отметились Кирилл Лавров, Николай Каракенцов, Василий Ливанов, Игорь Дмитриев и Армен

Фото со съемок фильма «Ярославна, королева Франции» («Ленфильм», 1978)

Джигарханян. Анну Ярославну играла Елена Коренева. Студия «Ленфильм», Первое творческое объединение. К работе были привлечены польские кинематографисты – часть съемок проходила в Польше. Изначально был заявлен международный масштаб события. Считается, что фильм снят по мотивам книги Ладинского, но в титрах она никак не отмечена. Более того, это едва можно понять по сюжету.

Киноповесть охватывает период от сватовства французских послов в Киеве до прибытия Анны во Францию. В предпоследнем кадре она смотрит на поля незнакомой страны, где скачет в белом плаще едва различимый суженый – король Генрих. Большая часть событий происходит в Польше при

дворе короля Казимира, женатого на тетке Анны. Советско-польской дружбе отдан отдельный резерванс: спасенная польским королем от похищения варягами Анна обнимает его, хотя прежде они расстались в ссоре, а тот приговаривает: «Мы с тобой родные! Ну, такой мы народ: то поссоримся, то помишимся!»

Предполагался живой приключенческий байопик с музыкой и песнями Юлия Кима – в титрах он назван «Юлия Михайлова», поскольку был активным участником правозащитного движения и не мог официально работать.

Фильм оказался довольно скучным. Даже таланты едва вытягивали сюжет, а сцены были зачастую затянуты. Фильм испещрен актерскими, историческими и прочими ляпами. Позднее Масленников почти с тем же коллективом снимет замечательный мини-сериал о Шерлоке Холмсе, почти безупречный в историческом плане. Вероятно, ошибки «Ярославны» были учтены. Однако кинодокумент остался.

После титров первый кадр представляет текст: «1048 год – около тысячи лет назад». Погрешность в сто лет, кажется, не должна смутить непосвященного зрителя. Однако последний кадр фильма, который также содержит текст, может вызвать недоумение даже у школьника: «Ярославна вен-

Визит
президента
Франции
Валери Жискар
д'Эстена в СССР

Кадр из фильма «Ярославна, королева Франции». В роли Анны Ярославны Елена Коренева

чалась на королевство и после смерти Генриха много лет правила Францией. Ее похоронили в Санлиссе, где до сих пор можно увидеть гробницу с надписью: «Анна Регина». Еще двести лет Русь не тревожили внешние враги, пока не появились кочевники с востока – но это уже другая страница истории». Многие могут не знать, что ни о каких «многих годах правления» во Франции Анны Ярославны говорить не приходится и что ее могила неизвестна и никакой надписи «Анна Регина» в Санлисе нет. Однако про набеги печенегов и половцев задолго до нашествия монголов знают, кажется, все. Этот абрис эпохи сформировал и мое изумление, и мое желание разобраться с этим подробнее.

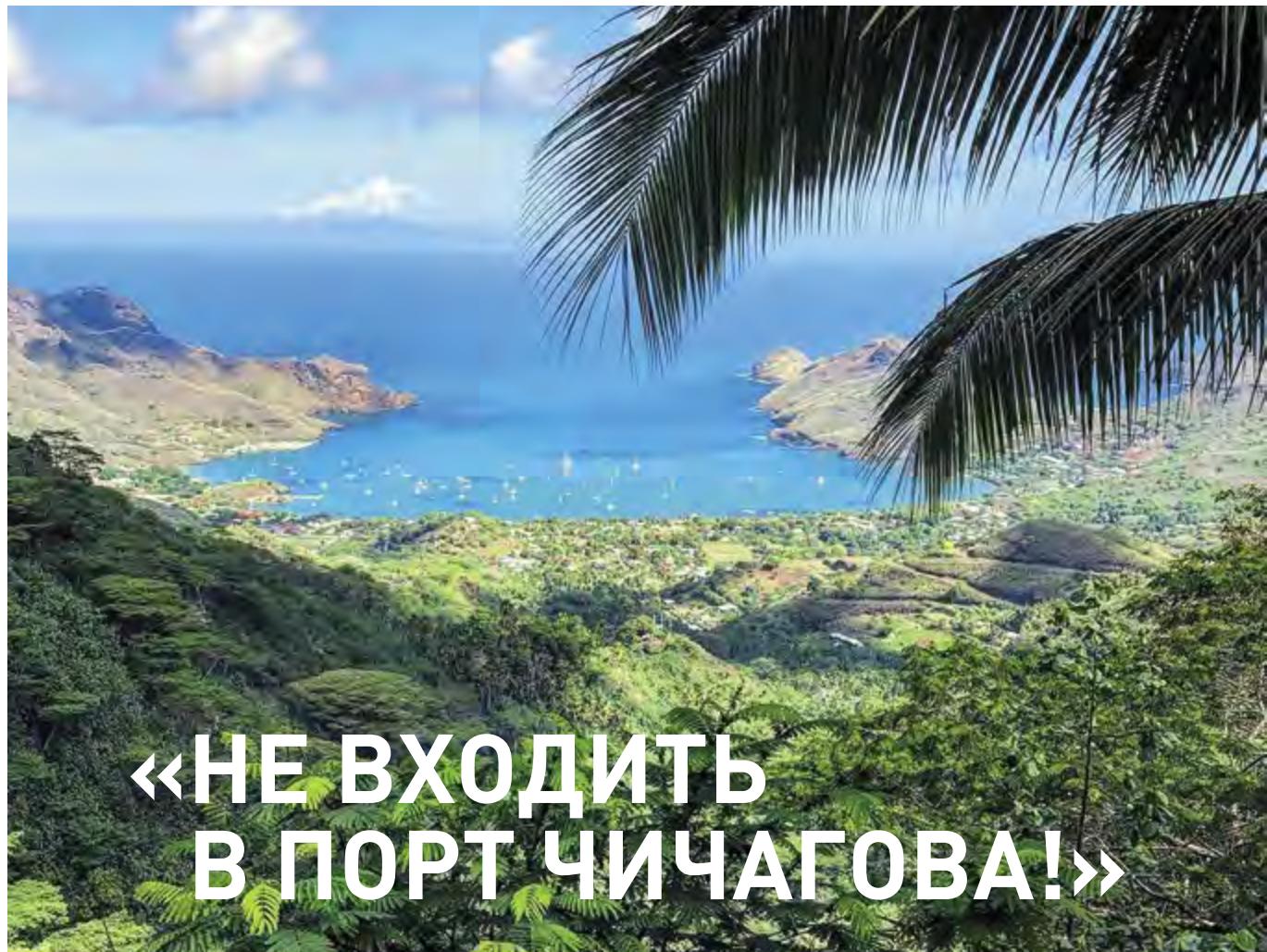

Афиша художественного фильма «Ярославна, королева Франции»

ОКОВЫ РОМАНТИЗМА

Несколько коротких статей в популярных журналах конца XIX века и беглые упоминания в сводных компендиях по истории России – вот все, что русскоязычный читатель имел для знакомства с Анной Ярославной до выхода книги Ладинского. Даже в начале XXI века про нее продолжали писать справки, используя материалы романа. В 2004 году заслуженный деятель науки РФ профессор Татьяна Семенкова опубликовала в журнале «Наука и жизнь» статью об Анне, где большей частью буквально повторила сведения Ладинского, нигде на него не сославшись. Она писала: «Сватовство и свадьба Анны Ярославны состоялись в 1050 году, тогда ей было 18 лет. Послы короля Франции, недавно овдовевшего Генриха I, отправились в Киев весной, в апреле. Посольство продвигалось медленно. Кроме по-слов, ехавших верхом, кто на мулах, кто на лошадях, обоз составляли многочисленные повозки с припасами [...] На ладьях спустились по Дунаю, потом на лошадях прошли через Прагу и Краков». Далее еще больше подробностей: «Прибытие Анны Ярославны на землю Франции обставили торже- ственно. [...] Король в свои сорок с лишним лет был тучным и всегда хмурым. Но, увидев Анну, улыбнулся. К чести высоко образованной русской княжны надо сказать, что она свободно владела греческим языком, да и французский выучила быстро. На брачном контракте Анна написала свое имя, ее же супруг король вместо подписи поставил «крестик». Так Семенкова намекала на неграмотность Генриха. Но неряшлисть в представлении материала достигает апогея при упоминании Реймсского Евангелия: «Уже в начале своего королевского пути Анна Ярославна совершила гражданский подвиг: проявила настойчивость и, отказавшись присягать на латинской Библии, принесла клятву на славянском Евангелии, которое привезла с собой». После смерти Генриха «по существовавшей тогда традиции вдовствующую королеву Анну (ей было около 30 лет) выдали замуж». После смерти второго супруга она жила с «любимым сыном, королем Филиппом», который «хотя и относился к матери с неизменной нежностью, но в ее советах и участии в королевских делах уже не нуждался». В конце жизни престарелая Анна «решила путешествовать», а «умерла в 1082 году в возрасте 50 лет». Казалось бы, удивительная судьба русской княжны никак не может вырваться из оков романтизма: литература прячет ее от историков. Они каждый раз заявляют о желании представить биографию, а не легенду, разложить пасьянс из фактов, отсортировав ложные, но вновь и вновь увлекающиеся сюжетом и пишут сказку, пересказывая Ладинского. В следующей статье мы попробуем изложить, как все было, в согласии с тем, чем мы действительно располагаем в исторических источниках и свидетельствах.

Окончание следует.

«НЕ ВХОДИТЬ В ПОРТ ЧИЧАГОВА!»

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ВСЕ, КТО ЗНАКОМ С ТВОРЧЕСТВОМ ДЖЕКА ЛОНДОНА, НАВЕРНЯКА ВСПОМНЯТ НАЧАЛЬНЫЕ СТРОКИ ЕГО ЗНАМЕНИТОГО РАССКАЗА «СТРАШНЫЕ СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА»: «ВРЯД ЛИ КТО СТАНЕТ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА – РАЙСКОЕ МЕСТЕЧКО, ХОТЯ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, НА СВЕТЕ ЕСТЬ МЕСТА И ПОХУЖЕ. НО НОВИЧКУ, НЕЗНАКОМОМУ С ЖИЗНЬЮ ВДАЛИ ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ, СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА МОГУТ ПОКАЗАТЬСЯ СУЩИМ АДОМ».

ВXIX ВЕКЕ РОССИЙ-
СКИЕ моряки прибли-
зительно так же могли
бы охарактеризовать
остров Нуку-Хива (Нукахива) в
северной группе Маркизских
островов (Французская Поли-
незия).

Здесь располагалась живописная бухта Порт Чичагова, названная в честь морского министра Павла Васильевича Чичагова. Гавань изобиловала лесом, пресной водой и «здравыми плодами» – настоящий экзотический рай, открытый в 1804 году во времена

Первого русского кругосветного плавания. С тех пор бухта рекомендовалась всем русским экспедициям как наилучшая стоянка для ремонта кораблей и пополнения запасов воды и продовольствия. Воспользовались ею участники русской антарктической экспедиции под командованием Фадея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, зашедшие на Нуку-Хиву по рекомендации Ивана Круzenштерна, воспевшего Порт Чичагова как прекрасное место для отдыха экипажей после тяжелого плавания между льдами. Побывал здесь и лейтенант Панафидин на компанийском судне «Суворов»: «пристань превзошла» все его чаяния. Вот только одно обстоятельство обошли стороной авторы «рекламных проспектов», восхвалявших прелести Нуку-Хивы, – склонность населявших остров жителей к людоедству...

ОПАСНАЯ ПАЦИФИКА

В ходе освоения европейцами Мирового океана дискурс о каннибализме оказался одним из наиболее востребованных элементов в культурном противопоставлении «цивилизации» и «варварства», позволявшем сопоставить «прогрессивный» универсализм просвещенной Европы и «дикие» туземные общества Нового Света и Тихого океана. Объединив идею первобытности и культурной «отсталости» с представлениями об экзотике океанских плаваний и пренебрежительным отношением к истории остального мира, западноевропейские представления о каннибальских практиках Пацифики сложились в прочный миф, заняв важное место во взглядах европейцев. Описания населенных свирепыми «человекоядцами» акваторий Океании – пугающего воображение дикого периферийного пространства – причудливым образом отразились в формировании ментальности западного мира, превратившись в собирательный символ первобытной угрозы, неизбежный атрибут варварства, противного духу европейской идентичности. Обагренные человеческой кровью «моря людоедов» вкупе с другими символами «отсталости», наподобие пресловутого «бананового дерева» и вечно танцующего «негритянского народа», оказались определяю-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Весь берег
был усеян
костями людей:
три черепа,
пять рук, кости
от трех или
четырех ног
и множество
других частей
скелета...
(Д. Дефо.
«Робинзон Крузо»)

популярных в ту эпоху дневниковых описаний британских и французских плаваний в Тихом океане. Единственным исключением в контексте пропаганды руссоизма и теории «благородного дикаря» стали драматические обстоятельства гибели в июне 1772 года в северо-восточной части Северного острова Новой Зеландии французской экспедиции Марка-Жозефа Марион-Дюфрена и смерть в феврале 1779-го в заливе Кеалакекуа на острове Гавайи легендарного Джеймса Кука.

Ситуация изменилась с приходом русских кораблей в южные акватории Тихого океана. Подобно новозеландским маори, гавайцам или жителям островов Фиджи, нукухивцы снискали у европейцев дурную славу приверженцев антропофагии. Побывавшие в 1804 году на Нуку-Хиве русские путешественники из экспедиции Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского не птили на этот счет никаких иллюзий, признавая, что подобная практика «у них... является законом». «Побежденных с великим торжеством едят, – записывал в дневнике Николай Резанов, – а волосами их, как трофеями, украшаются, делая кисти к предводительским жезлам их, зарукавья, такие же кисти на ноги и тому подобное. Мертвые головы неприятелей берегут и, вставляя в глаза и другие пустоты раковины, носят на поясах как воинское украшение». Поэтому, сходя на берег, члены экипажа были начеку и не теряли бдительности. Самые же осторожные и аппетитные, подобно ботанику с «Надежды» Федору Бринкину, предпочли отсиживаться на корабле. «Высокий, сильный, жирный малый», с ослепительно белой кожей, он приглянулся дикарям и вызывал у поднявшихся на борт «Надежды» нукухивцев немалое гастроомическое томление: «они не переставали его ощупывать... у них текли слюни».

щими и востребованными на практике культурными маркерами, позволившими провести четкое разграничение между обществом первобытной дикости и западноевропейской цивилизацией.

До начала эпохи русских кругосветных плаваний Российская империя пребывала вне контекста каннибализма в подобном его проявлении. В отечественном культурном сознании «печать каннибализма» проявляла себя в очень скромных пределах. Информация о людоедах пристекала главным образом из художественной литературы, наподобие романа «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо, а также трудов миссионеров или

И.Ф. Крузенштерн
и Ю.Ф. Лисянский.
Картина
художника
Павла Павлинова

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ
ОСТРОВИТИЯН

Однако ироничное описание «злоключений» Бринкина не должно вводить в заблуждение. Спустя двадцать лет после плавания Крузенштерна именно на Нуку-Хиве разыгралась драма, равной которой не знает история Российского флота: жертвой каннибализма стали курляндский дворянин мичман Адольф Леонтьевич фон Дейбнер и двое сопровождавших его матросов. Все трое участвовали в кругосветном плавании на 14-пушечном военном транспорте «Кроткий» (1825–1827) под командованием капитан-лейтенанта барона Фердинанда фон Врангеля. Один из лучших выпускников своего года, окончивший корпус третьим из 86 кадет, «прекрасный молодой человек с большими достоинствами и расторопнейший из всех офицеров, отправившихся с Врангелем, обещавший со временем сравняться с лучшими моряками», фон Дейбнер был зачислен в экипаж по ходатайству знаменитого мореплавателя Василия Головнина, отказавшемуся командрить «Кроткого», многим ему обязанный, не мог. Во время продолжительного перехода через Тихий океан из Вальпараисо на Камчатку судну потребовалось пополнить запасы пресной воды, и Врангель в апреле 1826 года решил зайти на Нуку-Хиву.

Поначалу, казалось бы, все шло как обычно. Но что-то в поведении островитян настораживало. Высадившихся на берег для рубки дров и набора пресной воды моряков немедленно окружила толпа местных жителей обоего пола, которые, к удивлению русских, «не принесли с собой ничего на продажу, а одне только женщины с безстыдством предлагали матросам свои прелести». Подозрительно выглядело настойчивое желание островитян во что бы то ни стало выменивать у команды порох и оружие; преподносимые же им дары воспринимались ими как нечто обыденное. Заявившийся

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Фердинанд
Петрович
Врангель
(1797–1870),
мореплаватель,
полярный
исследователь,
адмирал

на борт корабля местный вождь по имени Магедеде и вовсе отказался принять предлагаемые ему топоры и материю, потребовав одарить его ружьями. Под стать ему повел себя и верховный жрец Тогояпу, старик лет 60 во внушительном ожерелье из моржовых зубов: встретившись на берегу с Врангелем, он показал ему какие-то бумаги, видимо, почтаемые им за своего рода рекомендательные письма, которые были якобы вручены ему командром английского купеческого брига. Просил он от Врангеля таких же бумаг, рассчитывая, наверное, что они поднимут его авторитет и подтвердят

перед всем миром, какими честными и гостеприимными являются аборигены с подвластных ему территорий. Затем Тогояпу с супругой нанес визит на «Кроткий». Привез он с собой подарки – пять куриц, за которых потребовал порох. Рассерженный отказом, он удалился, едва скрывая ярость. Негодование жреца еще более усилилось, когда он узнал, что Магедеде во время второго посещения «Кроткого» получил от Врангеля плащ из зеленого сукна и красную сафьянную шапку.

Возможно, назревавший конфликт был подогрет гневом жреца. Все началось, когда русские моряки на следующий день высадились на берег, намереваясь нарубить дров. К ним немедленно явился Тогояпу, сопровождаемый толпой женщин, которые, к недовольству офицеров, всячески «отвлекали людей от работы». О том, насколько успешно им это удавалось, можно судить по рассказам побывавших на Нуку-Хиве участников плавания Крузенштерна. Местные девушки, обольстительные и грациозные, свели с ума русских матросов, «принося свои прелести» в обмен на подарки. Устоять перед их чарами простые парни с русского корабля не могли, но рассудительный Крузенштерн с немецкой методичностью четко организовал интимное действие. «Капитан разрешал приходить девушкам каждый день на борт, чтобы это не происходило тай-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Парусный
военный
транспорт
первой четверти
XIX века

Мужчина с острова Нуку-Хива.
Гравюра по рисунку В.-Г. Тилезиуса.
1813 год

ОШИБКА ДЕЙБНЕРА

но. Все происходило в величайшем порядке. После того как корабль становился табу благодаря пушечному выстрелу, с корабля громко кричали Wahinaehe! («Девушки, сюда!»). Через полчаса после этого припливали 30–40 девушек. Их по порядку пускали на корабль и всех выстраивали. Все дееспособные на корабле искали себе пару. Оставшиеся [девушки] вынуждены были покинуть корабль... Обиженные, они снова возвращались на берег. Ночью спали мало. Утром, еще до снятия табу, бабье выстраивали, их считали, восхищались подарками, которые они получили, и затем они, как утки, плыли к берегу. На полдороге их встречали дикари и забирали у них их барыш».

Но одно дело – любовные утешки на корабле! Совсем иначе все происходило на берегу. Даже Крузенштерн едва не пал жертвой одной местной красавицы, которая во что бы то ни стало решила добиться его благосклонности и представилась перед «большим белым человеком», обильно намазавшись кокосовым маслом. Крузенштерна, правда, соблазнить ей не удалось, обольстительной дикарке пришлось «довольствоваться» объятиями одного из гребцов шлюпки.

Женщина с острова Нуку-Хива.
Гравюра по рисунку В.-Г. Тилезиуса.
1813 год

Типы жителей Нуку-Хивы.
Гравюра по рисунку В.-Г. Тилезиуса.
1813 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на судне, – признавался он в дневнике, – дабы наказание совершилось над ним при жреце, короле и собрании народа». Опасения командира еще более усилились, когда от проживавших на Нуку-Хиве матросов, англичанина Джеймса Редона с торгового судна и индейца Педро с китобойного судна, он узнал, что за несколько месяцев до прихода «Кроткого» в одной из гаваней пострадало неизвестное судно, которое, по мнению островитян, также было российским.

Тогда Врангель решил действовать незамедлительно и задержал явившихся на «Кроткий» «начальника диких» Тогояпу и некоего Кеотете, опасного чародея, якобы «умерщвляющего людей одним взглядом» и творящего всевозможные чудеса. Их пообещали освободить, но поставили условие: пусть островитяне доставят на корабль обещанных свиней. Тогояпу вел себя «под арестом» вполнелично: отужинал, а затем всю ночь пробыл в каюте, плясал и распевал песни. Утром 16 апреля он облачился в подаренный ему «суконный сюртук темного цвета» и на ялике отправился за обещанными свиньями, заверив Врангеля, что не может принять его дары, не предоставив в обмен «достойного подарка», и пообещав, что «он сам за вещами приедет». По требованию Врангеля «для присмотру за целостью оных [подарков] оставался на судне упомянутый выше Кеотете, на что жрец согласился». Мичману Дейбнеру с вооруженными матросами и англичанином-переводчиком Редоном было поручено «принять свинью и привезти к нам нашего приятеля, начальника Диких», но «отнюдь не входить на берег, не приставать на шлюпке к самому берегу, а держаться от онаго... и при виде опасности от островитян тотчас возвратиться к судну». Однако Дейбнер, подходя к берегу, совершил роковую ошибку и не обратил внимания на предупреждения матросов, обес-

покоенными числом собравшихся на берегу нукухивцев. «Не взирая на приказ капитана и несмотря на слова англичанина... который говорил, что я не вижу женщин. – Меж ими сие служит дурным знаком», Дейбнер, недовольный «неуместными советами», приказал своим людям положить заряженные ружья под баки и править к берегу.

«Лиши только въехали в бурыны и стали на мель», островитяне схватились за борта шлюпки, вытащили ее на берег и «с копьями и каменьями бросились на наших людей». Дейбнер едва успел прокричать: «Ребята, я виноват, спасайтесь! Пусть меня убют» и был заколот копьем и штыком в грудь. Гребцы выстрелили из ружей, началась беспорядочная свалка. Два матроса, Тимофеев и Некрасов, были убиты сразу; двое других, Зонов и Редон, успели броситься в море и доплыли до «Кроткого». Чудом спасся и матрос Лысухин: во время схватки его оглушили и бросили на берегу. Придя в себя, он улучил момент и кинулся вплавь. Его подобрали шлюпка лейтенанта Федора Матюшкина. С «Кроткого» немедленно спустили баркас под командованием лейтенанта Михаила Лаврова, однако, когда он подошел к берегу, «дикари, засевшие в кустах и за каменьями, открыли жестокую ружейную стрельбу и убили одного матроса». В ответ с «Кроткого» начали пушечный огонь, островитяне разбежались, «утащив с собой убитых ими».

Проанализировав создавшееся положение, Врангель пришел к неутешительному выводу: положение «Кроткого» критическое. На берегу собралась масса хорошо вооруженных островитян, «около 400 человек, по-видимому, пришедших из соседских долин», на шлюпе же оказались поврежденными рангоут и такелаж. Туземцы явно рассчитывали захватить транспорт. По всему побережью зажглись сигнальные огни, собравшиеся на берегу острови-

Вид морая,
или кладбища,
на острове
Нуку-Хива.
Гравюра
по рисунку
В.-Г. Тилезиуса.
1813 год

тяне подняли ужасный вой и готовились к атаке. В подобной ситуации Врангель принял решение «нисколько не медля» поднять якорь и выйти в море. «Мы потеряли превосходного офицера, любезного товарища и отборнейших людей из малой нашей команды, – записал в своем отчете Врангель. – Такая потеря и ужаснейшая смерть сих несчастных нас всех глубоко тронула: мы находили лишь слабое утешение в мыслях, что премудрое пророчество чудными путями исхитило нас самих из сего вертепа коварнейших и гнуснейших каннибалов».

Вряд ли скучные строки дневниковых записей отражали всю

степень переживаний команда-дира «Кроткого». После возвращения военного транспорта в Россию история гибели молодого мичмана и двух матросов заставила многих содрогнуться. Одним из тех, кто остро переживал случившееся на Нуку-Хиве, оказался товарищ погибшего Дейбнера – военно-морской офицер и в будущем декабрист Феопемпт Лутковский. Доверенный Головнина и приятель Врангеля, участвовавший в 1817–1819 годах в кругосветном плавании на военном шлюпе «Камчатка», Лутковский тогда проживал в квартире Головнина на Галерной улице и более чем кто-либо другой мог

Нукухивец,
насекающий
другому узоры
на теле.
Гравюра
по рисунку
В.-Г. Тилезиуса.
1813 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

знать, какое тяжелое бремя испытывал его покровитель, по рекомендовавший Дейбнера в плавание на «Кротком»: «Не мог я равнодушно вспомнить, когда я в 1825-м году провожал его матушку в Кронштадт с парохода на брик Кроткий и с каким нетерпением на пароходе уже воображали его возвращение... Думал ли он, бедняжка, что его желание быть в дальнем вояже, кончилось так нещастливо, а бедные родители, ожидавшие в будущее лето обнять его».

Драма на Маркизских островах вызвала боль и негодование и в Зимнем дворце. Карандашная помета Николая I от 3 декабря 1826 года, поставленная

на рапорте Врангеля, отправленном из Ново-Архангельска, была категорична: «За правило, что впредь всем российским военным, также и американской компании судам не входить в порт Чичагова на острове Нукагиве»...

Подводя итог этой трагической истории, приведем размышления Фердинанда фон Врангеля, будущего правителя колоний Русской Америки. Эта история всю жизнь не давала покоя барону. Переосмысливая ее, пытаясь понять причины, из-за которых случился столь трагический финал, он думал о том, какую же ответственность должны нести те, кто выполня-

Чарльз Э. Гордон
Фрейзер.
Пир каннибалов
на острове Танна.
Новые Гебриды
в Тихом океане.
1885–1889 годы

Черепа
с острова
Нуку-Хива.
Гравюра
по рисунку
В.-Г. Тилезиуса.
1813 год

ет «цивилизаторскую» миссию, и какими последствиями ее выполнение может обернуться: «Когда преступления частных людей одной нации наносят зло на все почти народы, тогда обвинение на целую нацию переходит, и невольное негодование на оную делается весьма естественным. В сем смысле Англия и Северные Американские штаты заслужили порицание от всего света: ненасытное корыстолюбие их купцов вооружило коварных каннибалов огнестрельным оружием, ознакомило их с употреблением онаго и тем самым сделались сии всемогущие купцы виновными в убийстве несчастных мореходов, надеявшихся найти здесь спокойное и безопасное пристанище... Благодаря той самой человеколюбивой Англии, которая старается об уничтожении торговли неграми; но я спрашиваю, что более унижает человечество: драгоценную жизнь просвещенного европейца предать на жертву жадной алчности безчувственного купца и жестокости каннибалов, или искупить из неволи на смерть нареченного негра, приучить... к полезным работам и просветить идолопоклонника божественным светодом религии».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Графический
портрет
Алексея
Бахрушина
работы
К.Ф. Юона.
1920 год

КОЛЛЕКЦИОНЕР

АВТОР

ФОТО

АРИНА АБРОСИМОВА АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЭТОТ ОСОБНЯЧОК РУССКОГО МОДЕРНА, ПОХОЖИЙ НА ГОТИЧЕСКИЙ ЗАМОК, ТРУДНО НЕ ЗАМЕТИТЬ. ЕГО СЧИТАЮТ УКРАШЕНИЕМ УЛИЦЫ БАХРУШИНА, БЫВШЕЙ ЛУЖНЕЦКОЙ, ЧТО БЕРЕТ НАЧАЛО ОТ ПЛОЩАДИ ПАВЕЛЕЦКОГО ВОКЗАЛА. КАКИМ-ТО ЧУДОМ ОН УЦЕЛЕЛ, НАПЕРЕКОР ВСЕМ ИСТОРИЧЕСКИМ ПЕРИПЕТИЯМ: ЕГО КРАСНОКИРПИЧНЫЕ СТЕНЫ ОКАЗАЛИСЬ НАДЕЖНЕЕ ИНОЙ КРЕПОСТИ. ОСОБНЯК ЗАНИМАЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ А.А. БАХРУШИНА, В ФОНДАХ КОТОРОГО БОЛЕЕ 1,5 МИЛЛИОНА ЭКСПОНАТОВ. ДРАГОЦЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТЕАТРА ВОТ УЖЕ 127 ЛЕТ ХРАНИТ ТВОРЧЕСКИЙ МИР МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ...

ВЕСТИБЮЛЬ ОТДЕЛАН ДУБОВЫМИ ПАНЕЛЯМИ, НАД ВЫСОКИМ ЗЕРКАЛОМ – витраж стрельчатого окна, широкая лестница ведет вверх, узкая – вниз. В цоколе – гардероб, слева, за широким проемом – нижний кабинет хозяина с лестницей в верхний кабинет, с массивной мебелью в неорусском стиле и множеством дивных мелочей...

«Заранее предвижу, что меня будут упрекать и в идеализации прошлого, и в чрезмерно доброжелательном отношении к отдельным людям. Подобные обвинения сейчас обычны. Не собираюсь оправдываться, тем более, что считаю их имеющими основание» – так начал свою книгу «Воспоминания» историк балета, критик, педагог, потомок славного рода Юрий Алексеевич Бахрушин. Он посвятил ее памяти своих родителей. Рукописный памятник русской культуре и создателю первого в мире театрального музея Алексею Бахрушину, пролежав «на полке» около сорока лет, увидел свет лишь в 1994-м – в год столетия музея.

СКРОМНЫЙ МОСКВИЧ

По утрам в воскресенье, пока родители спали, маленький Юра подолгу смотрел в окно – из детской просматривалась Валовая улица: тянулись обозы с товарами, торопились «на звероподобных лошадях» пожарные в сияющих золотых касках, в Таганскую тюрьму гнали арестантов, водовозы везли бочки с водой...

Отец мальчика – наследник крупного состояния, успешный фабрикант-миллионер Алексей Бахрушин – родился в 1865 году. Общительный и обаятельный, он «пользовался успехом в свете, в особенности у женщин, которым он отплачивал усиленным вниманием. Последнее обстоятельство заставляло его следить за собой <...> Все же светское времяпрепровождение не отвлекало его ни от занятий музыкой, ни от театра», – вспоминал Юрий Алексеевич. А вот что писала о нем газета «Копейка» 21 сентября 1912 года: «Потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник, московский представитель Императорского русского театрального общества, член комитета по сооружению музея 1812 года, один из владельцев кожевенного завода, «Т-ва Алексея Бахрушина и съя», Алексей Александрович Бахрушин состоит городским гласным с 1901 года, <...> является одним из виднейших членов нашего городского управления. <...> А.А. Бахрушин особенно силен в той сфере, где доминирует сердце. В этом отношении он с честью поддерживает старую славу бахрушинской семьи, издавна известной Москве широкой отзывчивостью к человеческому горю и крупной благотворительностью. <...> организатор вербных базаров, доставляющих крупную материальную поддержку городским попечительствам о бедных, он – создатель успеха городского народного театра, он – администратор, антрепренер и чуть ли не дирижер и декоратор дешевого и здорового летнего театра, открытого недавно городским управлением в Сокольниках и пользующегося гро-

мадным успехом у небогатого населения, <...> известен, между прочим, не только в Москве, но и во всей России как владелец богатого, полного редкостями театрального музея».

Сын с детства помнит его «всегда куда-то спешащим. Вставал он в половине девятого утра и в десять уже уходил на фабрику. Около часу дня возвращался, быстро завтракал и уезжал в город, то есть в Театральное бюро, или по делам музея, или на какие-нибудь деловые свидания. Дома он появлялся вновь около шести, накоротко переодевался, обедал и исчезал вновь

на заседание или спектакль». Дом Бахрушина славился гостеприимством, кто только не бывал на званных приемах и на его «субботах»! Савва Мамонтов и Иван Морозов, Михаил Врубель и Василий Суриков, владелец театра Федор Корш и владелец театра «Эрмитаж» Михаил Лентовский, композитор Кюи, знаменитые певицы Варя Панина и Анастасия Вяльцева, тенор Собинов, звезда Малого театра Мария Ермолова и звезда Александрийки Мария Савина, Станиславский и Немирович-Данченко, Гиляровский и многие другие.

Особняк семьи Бахрушиных – первый в мире музей театрального искусства

Бахрушин был избран членом совета Российской театрально-общества и возглавил Московское отделение театрально-гового бюро. Эта работа значительно расширила круг его знакомств, в том числе и в провинции. В 1899-м в Ярославле, на родине первого русского актера, Федора Волкова, торжественно праздновали 150-летие основания русского театра. Организованная там Бахрушиным выставка включала и вещи из его коллекции – это был дебют на публике! – около 30 процентов всей экспозиции. После выставки начался усиленный приток пожертвований в его собрание, и Бахрушин уже смотрел на другие свои занятия с точки зрения их полезности для коллекционирования.

А.А. Бахрушин.
1890 год

Выходцы из Касимова

По семейному преданию, в конце XVI века некий татарин из Касимова поселился в Зарайске Рязанской губернии и, приняв православие, получил фамилию Бахрушин, по мусульманскому имени отца – Бахруш. Его потомок, Алексей Федорович, в 1821 году переехал в Москву, в замоскворецкие Кожевники. На перчаточном деле Бахрушин скопил денег, купил маленькую кожевенную фабрику, затем – участки земли вокруг, и к 1834 году кустарное производство превратилось в завод, а через год его хозяин уже состоял в списках московского купечества. В 1864 году братья Петр, Александр и Василий Бахрушины пристроили к заводу суконно-ткацкую фабрику, где производились сукно, шерсть, шерстяная вата. Капиталы росли, но семья Бахрушиных, в отличие от многих купцов-миллионеров, жила скромно. Они вкладывали деньги в большие земельные участки, застраивали Москву доходными домами.

Бахрушиных называли «профессиональными благотворителями». Четыре поколения рода поддерживали приюты, просвещение и профессиональное образование. Всего в период 1892–1912 годов Бахрушины пожертвовали городу 4 миллиона рублей. К 1917 году Бахрушины входили в пятерку самых богатых купеческих семей наряду с Морозовыми, Третьяковыми, Щукиными и Найденовыми.

В «ВЕРСАЛЕ НА ЗАЦЕПЕ»

«Ему посчастливилось найти жену, которая относилась к коллекции мужа с таким же рвением и увлечением, как он сам, – пишет Юрий Алексеевич. – Их встреча произошла 8 января 1895 г. на святочном костюмированном балу, когда Вере Васильевне Носовой было всего 19 лет. Она была дочерью выходца из купеческого сословия миллионера-суконщика В.Д. Носова». Через 20 дней Бахрушин сделал предложение, 17 апреля они обвенчались. И сразу отправились в Европу, за месяц посетили 26 городов. Вернувшись, зажили в скромненькой квартирке на Большой Якиманке. Но вскоре «дед Бахрушин подарил им пустопорожний, принадлежавший ему участок земли на углу Лужниковской и Зацепского вала и соответствующую сумму денег для постройки собственного дома». Проектировал дом архитектор Карл Гиппиус, автор фасада чайного магазина Перловых в китайском стиле на Мясницкой. В 1898 году Бахрушины вселились в особняк, прозванный современниками «Версаль на Зацепе».

Вера с радостью включилась в дело мужа: «На первых же порах мать взяла на себя приведение в порядок вырезок из газет о театре, собираемых отцом и хранимых им в общей куче.

Счастливый брак. Алексей и Вера Бахрушины. Конец 1890-х годов

Рабочий стол
А.А. Бахрушина

Она их классифицировала, аккуратно обрезала, наклеивала на бумагу и отдавала в переплет». Вера быстро научилась фотографировать, управлять фонографом, машинописи, переплетному делу, тиснению по коже, резьбе по дереву... Как вспоминал Юрий Алексеевич, «добраться у отца денег на хозяйственные расходы было для матери мукой – суммы, тратящиеся на хозяйство, представлялись ему безрассудно оттор- гнутыми от коллекции». Но на переговорах о передаче своего детища государству в 1909-м Бахрушин скажет великому князю Константину: «...без нее, может, и музея-то не было бы». У них родились трое детей – Юрий, Александр и Кира. Увы, Александр в 2 года умер, врачи не смогли помочь...

Выставка к 150-летию русского театра в Ярославле. 1899 год

ПАРИ

Собирательство было в моде, но Бахрушин долго не мог понять, что же именно ему коллекционировать: сначала его привлекла экзотика Японии, потом поманил Наполеон I...

Как-то раз кузен Бахрушина С.В. Куприянов похвастался своим «сокровищем»: афишами,

фотографиями, антикварными сувенирами. «Чтобы собрание имело ценность, – заметил Алексей, – надо не только скучать вещи у продавцов, а выискивать их обязательно самому, при условии личного глубокого интереса к предмету. Иначе это будет пустое занятие». Слово за слово, и он заявил: «Да я и

Столовая. Здесь 25 ноября 1913 года был подписан Акт передачи музея в дар государству

за месяц больше твоего соберу!» Куприянов предложил пари, ударили по рукам.

Бахрушин отправился к букинистам и антикварам. На Сухаревке с субботы на воскресенье с 5 утра до 5 вечера среди складных палаток и ларьков шла оживленная торговля, часто за бесценок отдавалось добро разорившихся дворянских гнезд. Вдоль Китайской стены до Ильинских Ворот тянулся знаменитый «книжный развал». Вот там Алексей Бахрушин и купил за 50 рублей первый экспонат своей будущей коллекции – 22 маленьких грязных портрета: непонятные люди в театральных костюмах. Предполагая, что это работа XVIII века, он заказал реставрацию и оформление в общую дубовую раму в художественном магазине «Аванцо» на Кузнецком Мосту. Забирая заказ, он услышал: «Продайте!» и отказал. Так он познакомил

Первые экспонаты будущей коллекции

ся с режиссером Малого театра Кондратьевым, который вскоре пришел в гости к Бахрушину и подсказал, что это – крепостные актеры Шереметевского театра в Кускове. Годы спустя граф Павел Сергеевич Шереметев, осматривая бахрушинское собрание, вдруг замер: «Я помню их с детства. Портретики были сделаны в Париже, и по ним шились костюмы для актеров... И очень давно они украдены из Кускова». Граф прислал еще несколько портретов из своего дома: «Чтобы не разрознивать коллекцию». Бахрушин очень любил эту серию, написанную Марианной Кирцингер. Пари он выиграл, но над его выбором в «большом свете» иронизировали, задавая «хидные вопросы: правда ли, что он приобрел пуговицы от брюк Мочалова и помочи Щепкина?». Насмешки сошли на нет после торжеств в Ярославле.

Экспозиция выставки к 155-летию А.А. Бахрушина

В коллекции хранится невероятное количество театральных биноклей

ПРАВИЛА ТОРГА

Бахрушин по наитию улавливал талант мастера и ценность вещи. Но однажды чутье его подвело. Как-то пришел к нему молодой художник и предложил купить театральные эскизы. Такие «экспонаты» Бахрушин еще не собирал. «А что вы хотели бы?» – спросил художник. «Ну, какую-нибудь женскую головку». – «Я вам обязательно сделаю. Но не могли бы сейчас дать мне денег авансом?»

Бахрушин дал 100 рублей. А через год получил «Голову украинки» работы Врубеля... «Будь я поумнее – какие врубелевские работы мог бы тогда купить!» – сетовал позже Бахрушин... Антикварные лавки и рынки, широкий круг знакомств в театральном мире, агенты в разных городах России и Европы, поездки за границу, исторические артефакты и ценные дары... Бахрушин считал: «Все бери, после разберемся». Он применял свою тактику торга: высмотрев вещь, спрашивал про соседнюю и ненужную – продавец задирал цену. Клиент долго спорил и, походя, осведомлялся о цене желанного предмета, продавец давал бросовую цену. Тогда клиент говорил, что зайдет завтра, но в компенсацию за потраченное время берет «вот это» – и уходил с удачной покупкой. Накануне визита кого-либо извест-

ного Бахрушин все связанные с человеком ценные экспонаты прятал, подводил гостя к витрине с пустяками и вздыхал: «Вот, к сожалению, все, что я имею о вас. Даже обидно, что такой крупный деятель театра, как вы, так слабо отражен в музее!» И в музей приходил очередной дар. Коллекция постоянно росла: этнографический и литературный отдел с поэмой и стихами Лермонтова и случайно найденным портретом Гоголя, веера, пунанты, парики, старинные кукольные театры «Вертеп» и «Петрушка».

Впервые друзья увидели коллекцию Бахрушина 11 июня 1894 года, а 30 октября он организовал в родительском доме в Кожевниках выставку для всех желающих – эта дата и стала официальным днем основания музея. Дом разбухал от вещей, книг, бумаг и «с каждым годом захватнические инстинкты отца все возрастали, – пишет сын. – При постройке дома было задумано, что три полу подвальные большие комнаты отойдут под музей <...> под на тиском отца мать уступала ему одно складочное помещение за другим. Затем дело дошло до жилого верха, постепенно превращавшегося в музей, по-

том начали сворачиваться служебно-хозяйственные комнаты, за ними последовали детские апартаменты, был занят коридор, буфетная и, наконец, даже конюшня и каретный сарай. Не надо забывать при этом, что с 1913 года дед отдал в распоряжение отца соседний дом, в котором когда-то я родился, и он был также забит вещами, книгами и прочими материалами».

Театральные костюмы, которые в основном хранятся в запасниках, сейчас украшают юбилейную экспозицию

В ДАР ГОСУДАРСТВУ

В итоге Бахрушин решил подарить свое детище государству, но годами слышал от чиновников: «Что вы?! Мы с третьяковским и солдатенковским собраниями достаточно горя хлебнули. А тут вы еще с вашим! Увольте, Христа ради!» «Отец был в отчаянии – огромное собрание, уже тогда стоявшее сотни тысяч, предлагаемое бесплатно государственным учреждениям, оказывалось никому не нужным», – вспоминает Юрий Алексеевич.

Летом 1909-го как член комитета по постройке в столице Пушкинского Дома при Российской императорской академии наук утративший надежды Бахрушин рассказал о своих мытарствах коллегам. От них о проблеме узнал президент академии великий князь Константин, и вопрос о переходе музея «из свободного со словия в официальное» начал решаться. Однако еще около двух лет проект проходил все бюрократические препоны, получив одобрение в трех министерствах – народного просвещения, внутренних дел, финансов, а затем – в Совете министров и Государственной думе. В июле 1912-го была получена подпись Николая II, и «Положение о Театрально-литературном музее Академии наук» стало законом Российской империи. На вопрос великого князя, что бы хотел получить Бахрушин за этот дар, тот возмутился: «Я, ваше высочество, передавал музей государству не для того, чтобы что-то получить, а для того, чтобы сохранить его, обеспечить и сделать общедоступным. Все это совершилось так, что я достаточно вознагражден». «Иного от вас и не ожидал, – ответил великий князь. – В данном случае дело обстоит несколько сложнее. Правительство не может принимать от частных лиц подарки, да еще ценные, не отблагодарив их. Общественное мнение справедливо

обвинит его в неблагодарности, и, в первую очередь, обвинит Государя, как главу государства, так что он должен вас отблагодарить». Бахрушин подумал и ответил: «В таком случае прошу Государя принять меня, но не вместе со всеми, как это делается при представлении, а отдельно, и вот тогда пусть он меня и поблагодарит. Это меня вполне устроит». Аудиенция была обещана, а между тем у Театрально-литературного музея Академии наук появился устав, штат сотрудников, был начат учет коллекций.

Торжественный Акт передачи музея в ведение Российской академии наук был подписан 25 ноября 1913 года. Рекой лились благодарственные речи. Бахрушин «необычайно волновался. Лист с написанной речью дрожал в его руке. Он побледнел и говорил не своим голосом».

В конце декабря дарителя известили, что 10 января 1914 года ему будет дана аудиенция в Царском Селе. С Алексеем Александровичем Бахрушиным царь говорил 45 минут... А в начале апреля «обычным утром, развернув газету, отец узнал, что ему вне очередности пожалован орден Владимира 4-й степени <...> Пожалование было, конечно, из ряда вон выходящее, но оно в корне нарушало условие отца, что ему никаких наград за передачу музея дано не будет. Он вспылил невероятно. Ругался, говорил, что это безобразие, что это неуважение к нему и тому подобное. Недолго думая, он сел за стол и стал писать заявление о том, что отказывается от ордена». Однако, постыдившись, посоветовался с директором Оружейной палаты Владимиром Трутовским, который отговорил Бахрушина от столь опрометчивого шага. «А в конце концов, кто может вас заставить носить этот орден? – подытожил Трутовский. – Положите его в стол и забудьте про него».

Юбилейная
экспозиция

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

После революции Бахрушины потеряли все, кроме музея. Алексей Бахрушин не покинул родину, не представляя себе разлуки с делом всей жизни. Но музею явно грозило разграбление, спасло его лишь то, что комиссар просвещения Луначарский выделил взвод для его охраны! Помещения не отапливались, ценные экспонаты страдали от сырости и перепада температур. Потом за «классовую» капиталистическую сущность музей задумали расформировать. Снова вступил Луначарский, издав 30 января 1919 года распоряжение о том, что музей переходит в ведение театрального отде-

ла Наркомпроса. 1 февраля глава отдела Ольга Каменева подписала приказ: «Назначаю члена Бюро историко-театральной секции Алексея Александровича Бахрушина заведующим Театральным музеем Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению имени А. Бахрушина».

Правительство выделяло деньги на содержание музея, что позволило организовать научную работу и проводить экскурсии по 25 залам, содержать в штате 12 человек. Бахрушин получал жалованье 43 рубля, работал также в театральном отделе Наркомпроса и в театральной секции Государственной акаде-

Удостоверение №5039 выдано
А.А. Бахрушину
27 декабря
1918 года.
Народный
комиссариат
по просвещению.
РСФСР

мии художественных наук. Умудрялся закупать экспонаты для фонда музея, который также пополнялся за счет вещей из национализированных частных коллекций. Были и «дружественные поглощения»: в 1924-м в музей влилось прекрасное собрание мецената и театрального деятеля Сергея Зимина.

Бахрушин оставался на посту до последних дней. Он умер 7 июня 1929 года в возрасте 64 лет. С его уходом музей много раз пытались закрыть, разместить в особняке посольство, заведование музеем переходило из рук в руки, иногда — равнодушные и преступные. Вера Васильевна видела, как сбивали потолки, ломали уникальные камини, перестраивали комнаты. Только после того, как Станиславский в письме Сталину попросил защиты, музей остали в покое. Но в 1937-м его перевели в подвальное помеще-

ние Политехнического музея и поставили под вопрос дальнейшее существование. Вера Васильевна хлопотала, кто-то снова заступался, и музей вновь удавалось сохранить. И не зря. С 1980-х годов в музей влились многочисленные филиалы: мемориальные дома-музеи Ермоловой, Островского, Щепкина, Мейерхольда, музеи-квартиры Улановой, Плучека, Мироновой и Менакера, мастерская Боровского, Музей радио, здание гим-

Зал,
посвященный
началу русского
театра, — часть
постоянной
экспозиции

Пенсне
А.А. Бахрушина.
Черепаховая
кость, металл,
кожа. Конец XIX —
начало XX века

назии в Зарайске. С 1990-х возвращаются в его ведение территории исторических границ усадьбы Бахрушина — от Лужнецкой улицы до Татарской... Невозможно переоценить заслуги Бахрушина, спасшего предметную историю русского театра: старинные музыкальные инструменты, ноты, автографы и рукописи актеров, писателей, драматургов, мемуары Петипа, дневники Кшесинской, часть архива Дирекции императорских театров и дневники их директора Теляковского, архив семьи Садовских, материалы, связанные с МХТ и творчеством Мейерхольда, собрание фарфоровых статуэток-карикатур Степанова, работы Кипренского, Шишкина, Головина, Кустодиева, Добужинского, Родченко, Гончаровой, Татлина, Экстер, Лентулова... Он сумел сделать из своей личной коллекции собрание национального значения.❶

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МИРА ВОСТОРГ БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ВИТАЛИЙ БИАНКИ МОГ БЫ СТАТЬ УЧЕНЫМ, А СТАЛ КЛАССИКОМ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ТАК БЫЛО СО МНОГИМИ ДЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ В XX ВЕКЕ: ЧЕРЕДА СЛУЧАЙНОСТЕЙ, СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ – ЧАСТО ТРАГИЧЕСКИХ. НО ЕСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ: ЛЮБОВЬ И ЖЕЛАНИЕ ЕЮ ПОДЕЛИТЬСЯ.

В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА в Россию из Швейцарии в поисках работы приехал немец Лев Синезиус Бианки. История появления итальянской фамилии у немца довольно забавна: деда Льва Синезиуса звали Томас Вайс. Он жил в небольшом не-

мецком городе Радольфцелль на берегу Боденского озера, там до сих пор сохранился дом Вайсов. Сын Томаса, Валентин Вайс, уехал учиться музыке в Италию и перевел фамилию с немецкого на итальянский («белый» по-немецки *weiß*, а по-итальянски *bianco*. – Прим. ред.).

Валентин Львович и Клара Андреевна с сыновьями Анатолием, Львом и Виталием. Лебяжье. 1912 год

Сын Льва Синезиуса, Валентин Львович, получил медицинское образование, работал врачом, преподавал на кафедре зоологии в Медицинской академии, а потом служил в Зоологическом музее. Женился он на немке Кларе Бланк. Из пяти родившихся в семье детей двое умерли. Остались три сына: Лев, Анатолий и Виталий. Отец не мог простить себе смерти детей и следил, чтобы дома не было сквозняков, а домочадцы были правильно одеты. Он мог накричать на сыновей, но

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семья Валентина Львовича Бианки: жена Клара Андреевна, сыновья Виталий, Лев и Анатолий. Конец 1890-х годов

никогда не наказывал их сурово. Дома были террариумы, аквариумы, клетки с птицами – и летом, когда семья уезжала на дачу, их забирали с собой. Ехали обычно в Лебяжье, что под Ораниенбаумом. Здесь отец собирал экспонаты для музея, в котором работал.

Дети учились в гимназии с филологическим уклоном, изучали несколько иностранных языков. Старшие братья окончили гимназию с медалями, а младший учился плохо, и отцу все время приходилось улаживать конфликты с пре-

подавателями. «Виталий учился легко, но неприлежно и совсем не хотел заниматься тем, что его не интересовало, – вспоминала дочь писателя Елена Бианки. – Постоянно его что-то отвлекает: то на уроке математики сочиняет стихи, весной и осенью все мысли его об охоте, летом – футбол. Однако из трех братьев именно Виталий с малых лет ходил в лес с отцом, брал от него наглядные уроки биологии. Перенял не только любовь к птицам, но и получил вкус к систематическому и вдумчивому их изучению».

В Лебяжье соседями Бианки было семейство Ливеровских. Мать семейства, известная переводчица и филолог-романист Мария Исидоровна, знакомила

Семья биолога Валентина Львовича Бианки жила во дворе здания Академии наук на берегу Невы. Здесь в 1894 году родился будущий писатель

Встреча футбольных команд «Унитас» (Санкт-Петербург) с КСО («морозовцами»). Москва. 5 мая 1913 года

местную молодежь с современной литературой. С тех пор Бианки любил поэзию Серебряного века, особенно трепетно относился к Блоку. Сам он тоже начинал со стихов, но вовремя от этой идеи отказался. А когда семья возвращалась в город, Виталий с упоением предавался своему любимому футболу. Сначала он играл за клуб «Петровский», затем за «Неву», а в 1913–1916 годах – за «Унитас». Эта команда в 1913 году завоевала Весенний кубок Санкт-Петербурга. Все это по-прежнему мешало учебе. Отец кричал на него и топал ногами: голова не для того, чтобы долбить ею мяч, а чтобы учить физику. В конце концов второгодника Бианки перевели в частную гимназию, которую он окончил только в 1915 году, когда ему исполнился 21 год. И поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Почтовая открытка с видами дачного поселка Лебяжье. Начало XX века

ЭСЕР И БЕЛОГВАРДЕЕЦ

В феврале 1916 года он женился на 17-летней Зинаиде Захаревич, но семейным счастьем наслаждался недолго: вскоре его призвали в армию. Бианки прошел ускоренные курсы Владимирского пехотного училища, получил чин прапорщика и направление в полк, который стоял в Царском Селе. После Февральской революции его избрали в Совет солдатских депутатов. Примерно в это время, может, чуть раньше, он вступил в партию эсеров. Какое-то время после низложения самодержавия он входил в Комиссию по охране художественных памятников Царского Села и охранял царскую семью в Александровском дворце.

Весной 1918 года он оказался в Самаре, где эсеры формировали Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) – альтернативный большевикам орган власти. КОМУЧ создал «Народную армию», которая воевала с Красной армией и на первых порах нанесла ей несколько серьезных поражений. Бианки так рассказывал об этом периоде своей жизни в показаниях, которые давал следствию, когда его арестовали как эсера в 1921 году: «Ранней весной 1918 года моя часть была отправлена на Волгу. Летом 1918 года работал в Самаре, в газете «Народ». В это время я поколебался в правильности тактики ПСР [партии эсеров] и с этого момента никакого активного участия в работе партии не принимал, хотя и продолжал жить при КОМУЧе».

В 1918 году у четы Бианки родился сын Михаил. Тогда же из-за наступления Красной армии Бианки перебрались из Самары сначала в Уфу, затем в Екатеринбург, снова в Уфу, в Томск, а потом в Бийск. Позже в показаниях следствию Виталий Бианки писал: «С членами КОМУЧа попал сначала в Уфу (после эвакуации Самары), потом в Екатеринбург. В Екатеринбурге члены КОМУЧа были

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Три брата
Бианки:
Анатолий, Лев
и Виталий.
1910-е годы

Бывший
император
и его охрана.
Царское Село.
1917 год

арестованы колчаковцами. Меня (случайно) в это время в гостинице не было, но была моя семья. Поэтому, когда членов КОМУЧа чехи отправили в особом поезде в Уфу, я сел вместе с семьей и опять очутился в Уфе. Тут я пошел на базар и переменил свое военное платье на статское, заявив партии, что от работы в ней отказываюсь... Уехал с семьей в Томск, а оттуда – в Бийск...

В Бийске он оказался в конце 1918 года. Изменил фамилию с Бианки на Белянина. Назвался студентом Петроградского университета, орнитологом-

коллектором Зоологического музея в Петербурге. Поступил на работу в местный краеведческий музей. С февраля 1919 года начал печатать небольшие заметки в местной прессе. Он готовился принять участие в научной экспедиции в качестве орнитолога, но уже в марте была объявлена мобилизация «лиц с образовательным цензом». Позднее он писал в биографии: «Весной 1919 г. был мобилизован в колчаковскую армию «нижним чином», скрыв, что имею офицерский чин. Назначенный писарем в парк полевого артиллерийского дивизиона в гор. Барнаул... способствовал бегству солдат, уничтожая их послужные списки и снабжая нужными документами. Летом 1919 года дивизион был отправлен на южноуральский фронт; не желая участвовать в боях против Красной Армии, я собрал небольшую группу солдат и бежал с ней через Тургайскую степь в г. Петропавловск, а затем на Алтай – к партизанам. При занятии города Бийска Красной Армией объявил свою настоящую фамилию. В его паспорте до конца жизни значилась двойная фамилия – Бианки-Белянин».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МУЗЕЙ И ЭВОЛЮЦИЯ

Советская власть установилась в Бийске в начале декабря 1919 года. Бианки поступил на работу в городской отдел народного образования инструктором по внешкольному образованию – то есть по музейному делу. А в апреле 1920 года возглавил музей, въехавший в конфискованный у местного купца дом. В городе было голодно и холодно, свирепствовал тиф. Отношения с женой стали портиться, в 1920 году она оформила развод и дала сыну свою фамилию.

Музейная работа давала совсем небольшой заработок, так что Бианки стал преподавать в школе физику, которую переименовал в «эволюцию». Одна из его бывших учениц вспоминала: «Тогда была принята лекционная система преподавания. Свои лекции по естествознанию Виталий Валентинович читал с воодушевлением, с большой любовью. Сначала он познакомил нас с гипотезами о космическом пространстве, потом с основными законами жизни на нашей планете. Он рассказывал нам понемногу обо всем, все о немногом. Мы получили от него любовь к природе, любовь к жизни». Ученики стали издавать классный журнал, устраивали литературные вечера, ставили спектакли. Бианки водил учеников в походы, сам выбирался на короткие экскурсии по окрестностям Бийска, стараясь попол-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нить орнитологическую коллекцию музея. Один из бийских учеников Бианки стал крупным орнитологом.

В той же школе преподавала французский и немецкий языки Вера Николаевна Клюжева, дочь самарского врача, который переехал в Бийск, чтобы заведовать санаторием, но умер от тифа, заразившись от больного. Дочь Бианки так писала о своей матери: «Особенно хорошо знала французский, так как для усовершенствования ездила во Францию, в Гренобль, вернулась с началом войны в 14 году. Отличалась женственной мило-

Виталий Бианки.
1930-е годы

видностью, спокойным, уравновешенным характером». Виталий Валентинович и Вера Николаевна зарегистрировали брак и обвенчались в мае 1921 года. Жену он называл самым близким человеком на свете.

Время, проведенное на Алтае, голодное, холодное, неспокойное, для него было радостным – может быть, потому, что он умел найти радость всегда, совсем рядом – и щедро этой радостью делился. В 1958 году он записал в дневнике: «Могу только в нескольких словах рассказать, какой уголок нашей страны больше всего понравился, пришелся по душе мне... Это – Алтай. В жизни не видел ничего более прекрасного. Я жил там четыре года – и до сих пор вспоминаю это время, как чудный сон». Бианки продолжал заведовать музеем, читал в Алтайском народном университете лекции по орнитологии, организовал две научные экспедиции на Телецкое озеро. Но в 1921 году его арестовали как бывшего эсера. В показаниях при одном из более поздних арестов он писал: «В 1921 году, в Бийске, был дважды арестован ВЧК, и раз сидел вместе с 79 другими «заложниками» в тюрьме недели три».

РАСКОЛДОВАТЬ НЕЖИВОЕ

В сентябре 1922 года кто-то предупредил его, что ему снова грозит арест. Он забрал жену и маленькую дочь и уехал из Бийска в Петроград. Увозил с собой множество записных книжек: ведь отец с детства научил его вести дневники. Но он был недоволен собой. Писал о своих дневниках: «Они лежали мертвым грузом у меня на душе. В них – как в Зоологическом музее – было собрание множества неживых животных в сухой записи фактов, лес был нем, звери застыли в неподвижности, птицы не летали и не пели. Тогда опять, как в детстве, мучительно захотелось найти слово, которое бы расколдовало их, волшебным образом заставило ожить».

В Петрограде он не стал возвращаться к учебе в университете:

Бийск. Музей.
1920-е годы

ему надо было кормить семью. Старший брат, Лев, ученый-энтомолог, устроил его жить на станции Саблино и работать на университетской экскурсионной базе. Виталий по-прежнему искал волшебных слов – и стал писать небольшие рассказы и работать над повестью «На Великом морском пути».

В Ленинграде он встретил на Невском своего школьного друга Илью Маршака. Тот познакомил Виталия со своим старшим братом, Самуилом. Самуил Маршак и фольклорист Ольга Капица, мать будущего физика-nobелиата Петра Капицы, тогда вместе вели кружок детских писателей при библиотеке Педагогического института дошкольного образования. Бианки стал посещать этот кружок. А потом, когда Маршак организовал детский журнал «Воробей», члены кружка стали в нем печататься. И, конечно, орнитолог Бианки написал для журнала «Путешествие красноголового воробья» – это первый его опубликованный рассказ для детей. Он очень хотел на лето уезжать из города с семьей, как привык с детства: каждый отъезд из города в деревню для него был праздником. Но любимого Лебяжьего он лишился: оно считалось приграничным районом. Семья Бианки уезжала на лето в деревни Новгородской области. Первое дачное лето, 1924 года, Виталий Бианки с женой и маленькой дочерью провели на хуторе Хвата под Валдаем. Там была написана повесть «Мурзук», там была придумана «Лесная газета». Сначала в журнале «Воробей» стали ежемесячно выходить заметки о природе, а потом из них получилась целая книга, которую Бианки писал и переписывал всю жизнь. Ее первое издание вышло в 1928 году, а последнее прижизненное – в 1958-м. Это был совершенно новый жанр – одновременно и новости, и заметки о природе, и телеграммы, и передовицы, и раздел задачек на смекалку – все, что обычно есть в газете, но в детской книге до сих пор было невообразимо.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Виталий
Валентинович
Бианки
с женой Верой
Николаевной
и сыном
Виталием
во время охоты.
1930-е годы

ЗАЧЕМ У ВАС ЗВЕРИ ГОВОРЯТ?

После введения НЭПа стали появляться частные книгоиздательства. Петроградская «Радуга» Льва Клячко стала первой издавать детскую литературу. Именно в «Радуге» вышли в свет первые сказки Чуковского, поэмы Маршака, первые книги Агнии Барто, Евгения Шварца, Бориса Житкова. «Радуга» издала и первые тоненькие книжки Бианки: «Чей нос лучше?», «Чьи это ноги?» и «Кто чем поет?», которые почти сразу стали классикой детской литературы.

Однако уже тогда педагоги и критики начали бороться с «антропоморфизмом» в детской литературе: зверям не полагалось вести себя как люди и разговаривать. Считалось, что детям можно давать только «положительные», строго научные знания. Так что редакция «Радуги» просила Бианки быть осторожным: «Хвосты» грешат антропоморфизмом, но очень хороши, остроумны, сюжетны и потому мы с ними миримся. Вообще же антропоморфизм жупел в большей или меньшей степени». «Хвосты» – это сказка, где Муха пристает к Человеку с требованием сделать ей хвост для красоты, а он ее посыпает искать, у кого из зверей хвост для красоты, а не для дела.

Обвинения в «антропоморфизме» преследовали его еще долго. В 1951 году он написал целую статью «Об антропоморфизме», где расставлял точки над i, объясняя разницу между точным научным знанием и художественной литературой. Задача художественного произведения не в том, чтобы дать читателю комплекс научных знаний, а в том, чтобы показать ему образ: «Паровоз устало пыхтит» –

В. Бианки.
Лесная газета.
1935 год.
Содержание

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.С. Соколов-
Микитов
и В.В. Бианки.
1940–1941 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

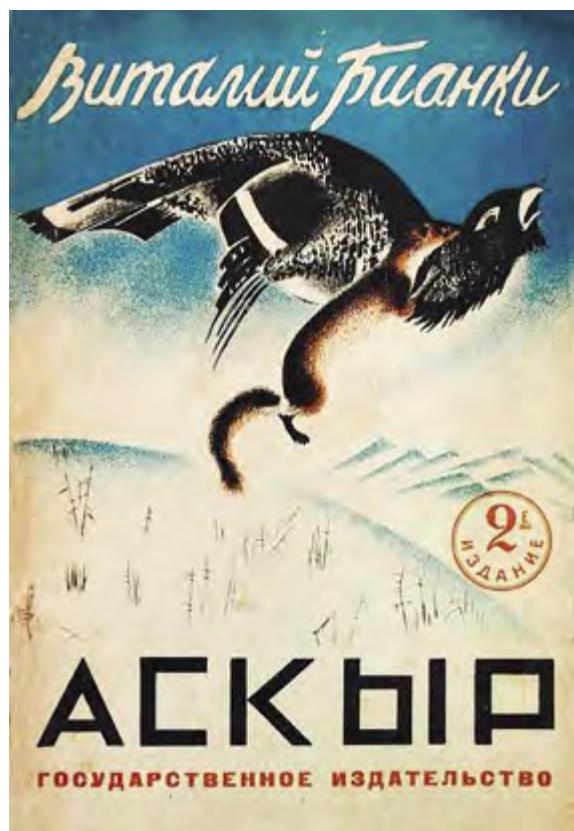
выражение, немыслимое по своей неправде в науке, но совершенно правдивое в нашем чувственном восприятии подошедшего к станции паровоза». Он довольно быстро понял, что хочет заниматься именно художественной литературой, а не наукой. И если еще совсем недавно жаловался другу в письме, что приходится ставить крест на своей научной карьере, то теперь, издав несколько книжек, он осознал свое призвание: «Я, брат, далек от науки. Искусство гораздо ближе мне. <...> Люблю я птиц, люблю лес, но разве все мои «экспедиции» и «музеи» это наука, а не чистая поэзия?»

Однако спокойно заниматься литературой ему не дали. Это для издателей и читателей он был писателем-натуралистом. А для ОГПУ – закоренелым эсером. 5 декабря 1925 года Бианки арестовали по обвинению в каком-то несуществующем заговоре. 30 декабря отправили в Москву, где он сидел в Бутырской тюрьме. 29 января 1926 года его приговорили к трем годам ссылки в Уральске – сейчас это Западный Казахстан. В феврале того же года группа ленинградских писателей обратилась в Политический Красный Крест с ходатайством об освобождении Бианки. Документ в том числе подписали Замятин, Зощенко, Маршак, Алексей Толстой, Сологуб, Житков, Шварц.

Письмо передали Екатерине Пешковой, бывшей жене Горького, которая возглавляла Московское бюро Политического Красного Креста. Обращение переслали в ОГПУ. О Бианки хлопотали Горький и Крупская, обратившиеся к председателю ОГПУ Ягоде. Рассмотрение дела тянулось очень долго.

Степной Уральск нагонял на Бианки тоску. В итоге он увлекся краеведением. Приходил в местные школы, рассказывал

В. Бианки. Аскыр
(Госиздат, 1928).
Обложка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

детям о природе, читал им свои книги. Местный библиотекарь Клавдия Чечетко запомнила его таким: «Его распорядок был строг, с утра он уходил в Ханскую рощу, брал книгу, записную книжку. Уходил почти в любую погоду, кроме уж самой ненастной. Был он там до обеда, иногда до четырех дня. Потом обедал и садился писать дома до вечера. Многие видели, как он сидел один на берегу Урала, на обрыве, сидел он там подолгу». В Уральске Бианки начал писать «Карабаш» – о бездомной девочке Тайке и ее друге, черноголовой собаке, которая спасает хозяйку от бешеного пса. Здесь же написал повести «Одинец» – про лося и «Аскыр» – про саянского соболя.

ЗАТАИСЬ И НАБЛЮДАЙ

Весной 1928 года Бианки разрешили уехать из Уральска в Новгород. Он поселился в селе Слутка Новгородского района – там дописывал «Карабаш» и работал над рассказами. В 1929 году ему разрешили вернуться в Ленинград, где подрастали дети. Дочери, будущей художнице, было уже 7 лет, сыну Виталию, будущему орнитологу – 3. Теперь он каждое лето возил их в Новгородскую область и учил различать птиц и зверей, читать следы.

ОГПУ все равно не давало спокойно жить «эсеру и бывшему белогвардейцу» Бианки. В ноябре 1932 года его снова арестовали, продержали в заключении почти месяц, но освободили «за отсутствием улик». В том же году в семье появился третий ребенок, сын Валентин.

Новый арест последовал за убийством Кирова, после которого из Ленинграда высыпали всех политически неблагонадежных жителей. Бианки был приговорен к пятилетней ссылке в город Иргиз Актюбинской области и должен был в два дня покинуть Ленинград. Он обратился в Политический Красный Крест; в дело вновь вмешалась Екатерина Пешкова, и по ее ходатайству 10 апреля 1935 года

ссылку отменили. После его освобождения семья уехала на лето из города в Мошенский район Новгородчины: до 1942 года Бианки летом жили в деревнях Яковищи и Михеево. Именно там были написаны чудесные «Как муравьишко домой спешил», «Музыкант» и «Оранжевое горлышко», да и десятки других небольших рассказов, до сих пор любимых детьми и взрослыми.

Бианки тихо жил в Мошенском районе. Туда к нему в 1937–1939 годах приезжали ленинградские старшеклассники-юннаты. Он учил их наблюдать за птицами, вести записи. Позднее он рассказал об этом кружке в книге «Клуб колумбов»: там юнесты, юные естествоиспытатели, совершают экспедиции в леса, учатся тихо ходить по-лисьи и перекликаться по-птичьи, чтобы не спугнуть лесных обитателей, выкармливают птенцов, высаживают цаплю, нянчат барсучонка – учатся терпеливой любви к живому миру. Некоторые занятия юннатов сейчас кажутся нам удивительными: мальчики отстреливали мелких животных и птиц, все вместе снимали шкурки и делали чучела; обычна часть естественно-научной работы по тем временам. Многие сейчас задаются вопросом, как совмещалась в Бианки его безусловная любовь к природе, к птицам и зверям с его страстной любовью к охоте. Вот что сказал об этом его друг и ученик, муж его дочери Елены Алексей Ливеровский: «Удовлетворение и радость охотник испытывает не от физического факта умерщвления живого существа, а от достижения цели, завершения подчас сложного, длящегося иногда часами, а бывает и днями, процесса охоты». Охота в этой системе ценностей – поединок со зверем, а не хладнокровное убийство.

Ливеровский, кстати, был одним из постоянных членов домашнего литературного кружка Бианки – даже литературной школы, которую тот устроил для коллег, пишущих о природе.

Школьники из Окуловки (Новгородская область) в гостях у В.В. Бианки. 1950 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Среди его учеников были писатели Николай Сладков, Святослав Сахарнов, Зоя Пирогова, Нина Павлова, Кронид Гарновский. Их рассказы, неуловимо похожие и непохожие одновременно, Святослав Сахарнов собрал к 70-летию «Детлага» под одной обложкой в книге «Зеленые страницы», которую недавно издали как «хрестоматию по экологии». А в заглавие предисловия, которое написал Святослав Сахарнов, вынесен совет – или даже завет – Бианки своим ученикам: «Заметил? Удивился? Затаись и наблюдай!»

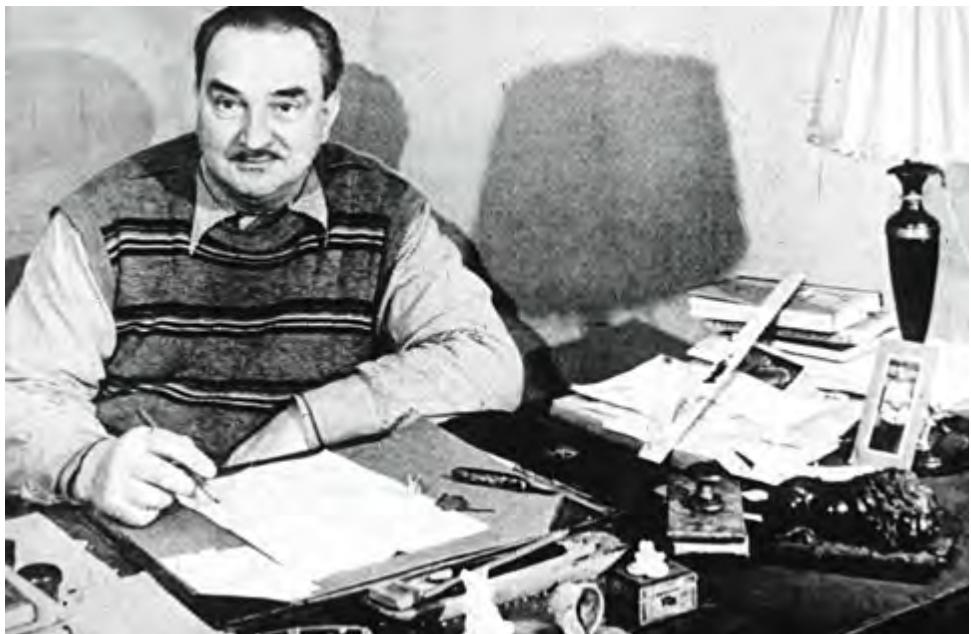
А НЕ ПИСАТЬ – ЖИТЬ НЕ МОГУ

Начало войны застало Бианки в Михееве. В километре от него жил его друг, писатель Иван Соколов-Микитов; оба спокойно работали, вместе охотились. В армию их не призвали – и возраст не тот, и, кроме того, у Бианки было большое сердце. В первые же дни войны у Бианки реквизировали все ружья; охота кончилась. Он совершенно не понимал, что он, умеющий говорить с детьми о радости, о лесе, о птицах, может делать, когда мир утопает в крови. Он писал другу первым военным летом: «Писать и только писать в такое время, значит – быть тунеядцем, чьей-то содержанкой. Мои все работают в колхозе <...> А я... <...> Но «Сказками Алтая» до окончания войны на хлеб не заработаешь. А не писать, – жить не могу. Вот ты и раскумекай». Довоенные гонорары быстро кончились. Литературных заказов не было, а физическим трудом Бианки совсем не мог заниматься из-за больного сердца. Выручил его директор Боровичского краеведческого музея Сергей Поршняков, который заказал Бианки монографию «Птицы Мошенского района». Гонорар за нее дал возможность семье

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В. Бианки.
Мурзук
(М.-Л., 1932).
Обложка

ко, сколько надо (а надо писать мне сейчас очень много). Из-за этого я не могу любоваться днем солнцем в снегу, ночью – звездами в постоянно чистом здесь небе. Из-за этого не могу отправиться на недельку в лес – добыть лося, или хоть по-караулил у самого города волков (которые вчера ночью зарезали козу на площади в центре Осы). И еще: «Вот мне надо работать, очень много работать: четыре книги для ДетГИЗа, две передачи в месяц для московского радио, очерки для ТАСС, рассказы для четырех журналов. А как работать, когда все время душа не на месте?»

В начале 1944 года Бианки добился вызова в Москву и уехал туда вместе с семьей: Наркомпрос поручил ему создать большую книгу о природе для дошкольников. В Москве Бианки прожил до конца войны, а в Ленинград вернулся только осенью 1945 года. А с 1946-го опять начал ездить на лето в Новгородскую область.

писателя продержаться в самые голодные месяцы первой военной зимы. Весной 1942 года Бианки направили в эвакуацию в Пермь, которая тогда называлась Молотовом. Перед отъездом он успел раздобыть пропуск и заехать на несколько дней в Ленинград, где остались родные, квартира, имущество. Дневниковые записи по возвращении – коротенькие и страшные, по одному-два слова за день: «Город-дистрофик». «Лежу». «Лежу». И потом: «Мне ночью снится город-дистрофик. Совсем реально, как видел его. И сновидениям ничего не надо прибавлять: это подлинный кошмар». «Не чув-

ствую весны впервые в жизни. Не могу даже дневник вести». В конце мая семья Бианки уехала в Пермь, но там не осталась, переехала в город Оса. Бианки встречался с детьми в детдомах и школах, читал свои рассказы, писал. Перед отъездом из Михеева ему вернули ружье, он снова мог охотиться. Однажды он сказал: «Три клада было у меня. Охота. Литература для детей. Единственная в мире женщина, которая не мешала работать».

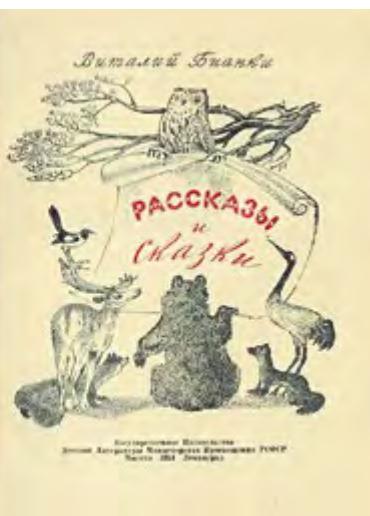
О своей жизни он рассказывал в письме другу на фронт: ни на что не хватает времени и сил, все уходит на мелкие заботы о пропитании: «Из-за этого я не успеваю работать столь-

Писатель
за работой.
1950-е годы

ДЕВОЧКА СМОТРИТ В НЕБО

Последние четыре лета, когда он мог еще жить в деревне, Бианки провел на озере Боровно. Много писал, возобновил занятия своей «литературной школы» – к нему приезжали ученики. Послевоенные годы были для него трудными: он тяжело болел. В 1949 году случился инфаркт, за ним последовали два инсульта. Он почти не мог ходить, но продолжал работать, выпускал детскую радиопередачу «Вести из леса». Вместо деревни он жил на даче – ему выделили половину знаменитой комаровской «будки», вторую половину которой занимала Ахматова.

Умер Виталий Бианки от рака легких 10 июня 1959 года. На его могиле на Богословском кладбище вместо бюста или креста стоит необычный памятник – скульптура Жермен Меллуп: задумчивая девочка с бурундуком на плече. С годами бурундук пропал, а сидящая девочка все так же смотрит в небо.

В. Бианки.
Рассказы
и сказки
(М.-Л., 1954).
Титульный лист

ПОД ЗНАКОМ МЕЧА И РОЗЫ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПЕТР I – ЭТО РЕФОРМЫ, ПОБЕДЫ, «ОКНО В ЕВРОПУ». А НИКОЛАЙ I? ЭТО РЕАКЦИЯ, МРАК, КАЗАРМА. КАЖЕТСЯ, ТАК. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, В УСРЕДНЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ.

НЕ ПОТОМУ ЛИ ТАК ЗА-
тейлива судьба Петергофа? Дворцы Петра,
Нижний парк с великолепными фонтанами переполнены в любое время года. Тут шум, гам, толкотня. Ряженые императоры и императрицы. Лотки с мороженым и сувенирами. Курсирующие друг за другом электрокары. А рядом еще один парк. И там... тишина. Какая-то

даже неправдоподобная. Там тоже море, те же дубы-колдуны. Нет фонтанов, зато есть устремленная ввысь ажурными сводами Готическая капелла и дворцы в английском стиле. И почти нет туристов. Удивительно. Таков Петергоф Николая I. Петергоф этот невероятно интересен и красив. И он огромен. Как по форме, так и по содержанию. Не верите? А давайте прогуляемся!

МАЛЕНЬКАЯ ПРУССИЯ

Александрия – так называется тихий, почти безлюдный парк, примыкающий к Нижнему саду. Здесь все начинается. Когда-то земля эта принадлежала Меншикову. Он задумал возвести здесь пышный дворец Монкураж («Моя отвага»), но не успел, отправился в Сибирь. Потом местный лес использовали как зверинец. А в 1826 году молодой император Николай I дарит эти уголья своей супруге Александре Федоровне – отсюда и название парка. И сразу же разворачиваются масштабные работы по устроению императорской дачи. История устроения парка впечатляет. Это история испытания как человека, так и приро-

В Петергофе
все переплетено
очень органично

ды. Александрия – странный гибрид регулярного и пейзажного парков. Синтез больших противоположностей сложно себе представить. Ведь что общего между словно по линейке расчерченными парками петровских времен и садами Екатерины II, в которых природа всегда в своем праве, в которых все красиво натуральной неправильностью? Как это можно совместить? У Петра Великого Николай I, будучи человеком строгим, заимствует организационный принцип, у Екатерины молодой император, будучи, конечно, еще и романтиком, перенимает эстетику естественности. Сначала новый государь приказывает расчистить пространство, выкорчевать подчистую все деревья и кусты, разровнять ландшафт, а потом ставит задачу выстроить пейзаж так, чтобы он выглядел абсолютно нетронутым. Парадокс.

Сам собою напрашивается вопрос: зачем? Что за блажь такая? К чему эти подвиги? Не бессмысленны ли они? Да и не жестока ли была прихоть царя? Ведь 5 тысяч крестьян было выписано сюда для работ. 2500 кубических сажен земли было

вынуто, 12 тысяч квадратных сажен выстали новым дерновым покровом только в первый год. Более 20 тысяч новых деревьев посадили, многие привозились из лучших европейских питомников. Особое предпочтение отдавалось саженцам из Пруссии: это, разумеется, для усадьбы сердца Александры Федоровны – Фридерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины, дочки прусского короля. Александрия – это вообще маленькая Пруссия. Хотя и в русском духе. Все эти тысячи привозных пород компоновались так, чтобы центральное место занимали дубы, березы, липы, рябины. Всего было обустроено почти 250 природных композиций. И зачем все-таки?

В Александрийском Коттедже Николай I, по собственному выражению, хотел быть не императором, а «мужем петергофской помещицы»

Сегодня зелень на грядках выращивают сотрудники музея, двести лет назад этим занимались дети семьи Романовых

Ответ перед глазами: взору открывается поистине изумительная картина, грандиозная в своей легкости и изяществе. Будто это Бог, украсив сотворенный им мир, махнул дланью над русским болотистым лесом. И лес расступился на тихие рощи, и раскинулись между ними зеленым ковром поляны, и забрезжила вдали синева моря. Но не Бог – человек преобразовал это пространство. Покорившая же в конце концов природа расцвела.

Меч в венке из белых роз – таков главный символ Александрии. В таком образе увидел первые петергофские преобразования Николая I поэт Василий Жуковский. Этот образ запечатлен на гербе первого паркового дворца.

Еще весной 1826 года император приказывает возвести «на месте, где Меншикова руина, сельский домик или так называемый котич». Котич – это коттедж. В то время такие английские дачи были очень популярны в Европе. Вот и русский правитель не хочет отстать от моды и решает построить для семьи маленький деревенский дворец. Да, все же получился дворец. Александрийский Коттедж не впечатляет масштабом, но он, конечно, уникален своим неоготическим декором. Террасы с ажурными оградками, балконы с аркадами, острые треугольные фронтоны, стрельчатые скаты – все это превращает сельский дом в пышные палаты.

Но сама летняя императорская дача предназначается отнюдь не для беспечного, праздного отпуска. Очень скоро в парке появляются ферма и огороды. Буквально в 100 метрах от Коттеджа разбиваются грядки с капустой и сельдереем. И это поразительно. В XIX столетии уже могли обеспечить потребности царской семьи в свежих (и экологически чистых, как заметили бы мы сейчас) продуктах, не обременяя монарших особ наблюдениями за низким

крестьянским бытом. Но дело вот в чем. Ферму и огороды обустроили для царских детей. В образовательно-воспитательных целях. Наследники императора должны были постичь науку фермерского хозяйства на собственном опыте. Дети наблюдали, как здесь апробировались самые передовые технологии, сами участвовали в хозяйственных работах.

Большое внимание уделяется и физическому развитию императорских детей. В Александре устанавливаются комплексы для гимнастических упражнений, обустраиваются дорожки для верховой езды. Дважды в день дети тренируются под руководством строгого учителя. Приходилось осваивать им и военную науку. Неподалеку от фермы строится детская крепость, устанавливаются пушки, детская пожарная каланча.

Потом, когда дети подрастут, ферма перестроится в Фермерский дворец, а грядки с овощами уступят место клумбам с розами (конечно, белыми, что так любила Александра Федоровна), парк сделается совсем уж тихо-торжественным, располагающим к размышлению совсем не о мирском. А главным его сокровищем станет, конечно, Готическая капелла. Церковь Святого Александра Невского... Трудно поверить, что такое название может носить устремленный ввысь белоснежный храм с тонкими башнями, узкими арками и круглыми окнами-розами с витражами. Православный храм, созданный немецким зодчим Карлом Фридрихом Шинкелем, шотландским архитектором Адамом Менеласом и русским французом Иосифом Шарлеманем, – это кажется чем-то невероятным. Но русской культуре, как мы знаем, свойственна всемирная отзывчивость. А стало быть, может стать дорогой русскому сердцу и готика средневековой Европы. Если это красиво, если возвышает душу, то этому быть.

Готическая
капелла
прекрасна
в любую погоду,
но в лучах
солнца –
особенно

Одна из загадок
капеллы –
довольно
странные
изображение
архангела
Михаила

Капелла, впрочем, трогает не только душу. Она тревожит умы. Художественный замысел создателей церкви до сих пор не раскрыт. У местных краеведов куча вопросов. Почему скульптур святых на фасадах именно 43? Почему одни повторяются, а другие – нет? Почему архангел Михаил изображен с двумя жезлами? Имеет ли какое-то значение расположение фасадов? Ответов нет. Церковь равнодушна к человеческому любопытству, она стоит, молчаливая, светло-печальная, и кажется бесконечно далекой от суэтной повседневности.

РУССКАЯ ИТАЛИЯ

Мы выходим из парка и идем дальше. Минуем императорские конюшни, тоже выдержаные в готическом, или, правильнее сказать, в рыцарско-готическом стиле (все-таки Николай I при всей своей суровости был романтиком), проходим мимо здания Почты, мимо корпусов Николаевской больницы, основанной при Александре I, но существенно расширенной в 1850-х, и оказываемся в современном центре Петергофа. Об этом торжественно сообщает выросший прямо перед нами величественный собор Петра и Павла. Он не имеет

отношения к Николаевской эпохе, выглядит древним, кажется, что ему лет пятьсот, хотя построен он в начале XX века. Но гармонии Петергофа николаевских времен он ничуть не нарушает. Живой центр, конечно, всегда эклектичен. Как бы ни хотелось кому законсервировать исторические красоты, а наслаждения эпох не избежать. В центре – не только памятники разных исторических вех, тут всегда помимо прочего еще и «Пятерочки», иногда даже рынки, стихийно-некрасивые парковки, банки с жуткими вывесками, какие-нибудь внезапные высотки. Так

Императорские конюшни планировалось построить еще более пышными – коррективы в замысле Бенуа внесла Крымская война

В XIX веке особняк Гейрота был одним из самых богатых домов в Петергофе, с тех пор мало что изменилось – теперь здесь находится банк

и в Петергофе. Почти так. Пере-крестность эпох и стилей по-разительным образом здесь все же слаживается какой-то общей идеей. Будто создатели заранее предвидели все на двести лет вперед – предвидели и поглощение ландшафта повседневностью, и агрессивную индустриализацию, и уплотнение застройки. А, впрочем, может, и правда предвидели. И все аккуратненько рассчитали. Все ж не абы кто занимался тут проектированием – Штакеншнейдер, Бенуа, Эрлер.

Чтобы непонятное будущее не нарушило гармонии места, решено было смешать несколько направлений заранее, а переходы смягчить облагороженной природой. Так, Охотное болото в 1837 году превращают в живописный Ольгин пруд с насыпными островами. Берега водоема обсаживают плакучими ивами, придающими месту романтическую изолированность. По одну сторону от пруда, вблизи Немецкой слободы, разбивают Колонистский парк, по другую – широкую улицу, названную в честь будущего наследника Александровской, где самые видные участки продают генералу Александру Гейроту. С третьей стороны все ограничивается Санкт-Петербургским проспектом с казенными зданиями. В результате центр становится похож на звездную орбиту: в сердце – острова для уединенной жизни царской семьи, дальше – зеленая ограда, дорожки, аллеи, еще дальше – улицы с богатыми домами, ну а что еще дальше – уже не так и важно.

Островов в Ольгином пруду два: собственно Ольгин (подаренный дочери Николая) и Царицын (обустроенный для Александры Федоровны). Второй, разумеется, сложнее и богаче. Если в Александрии император обустраивает для супруги маленькую Пруссию, то здесь – маленькую Италию. По проекту Штакеншнейдера на острове строят павильон в помпейском стиле: с атриумом, экседрой, оранжереей. Вокруг разбивают сад с роза-

ми и фонтанами, устанавливают скульптуры и концептуальные композиции из настоящих античных руин, подаренных Николаю I римским папой Пием IX. Ольгин павильон на соседнем острове, наоборот, скромен. Это не вилла римских аристократов, а простой неаполитанский домик. Строгое прямоугольное сооружение с башней скорее напоминает опыт советского конструктивизма, чем дом великой княжны. Атмосфера вокруг тоже вполне себе демократична: вместо богатых садов – простенькие клумбы, вместо наследия древности – прогрессивный летний театр.

Сегодня на острова можно попасть поздней весной и летом. Нет, не можно – нужно попасть. Обязательно. Чтобы не только увидеть пышность царских интерьеров и садов, но и узнать, как это все сохранялось и восстанавливалось.

Оба павильона сильно пострадали в войну, многое было украдено нацистами. Но вот, например, итальянскую мозаику удалось сберечь, даже не вывозя с Царицына острова. К слову, ее когда-то раздобыл еще Наполеон: он привез ее во Францию из очередного военного похода. И подарил трофеи своему пасынку Эжену де Богарне, а тот потом передал сыну Максимилиану. Ну а Максимилиан Лейхтенбергский, как известно, женился на старшей дочери Николая I, Марии. И вот герцог тоже, значит, решил, что мозаика – это отличный подарок для какого-нибудь родственника. Особенно, например, для тестя. С такой биографией путешествовать бы мозаике и дальше, но, к счастью, охоту к перемещению мест пресекли сотрудники музея. Времени, правда, у них было всего ничего, сил и того меньше, поэтому мозаику накрыли досками, доски покрастили, потом присыпали пылью. Удивительно, но это помогло.

А лет десять назад на Ольгин остров вернулась бронзовая копия «Венеры, снимающей сандалию». Вообще, копий с мрамор-

Ивы вокруг Ольгина пруда сажали особым образом – параллельно воде. Такая заданность в сочетании с естественной устремленностью деревьев к солнцу и небу сформировала на берегу удивительный природный узор

ной скульптуры Ивана Витали было две. Одну император подарил старшей дочери, Марии, скульптура украсила парк усадьбы Лейхтенбергских в Сергеевке. Другую – средней дочери, Ольге. После войны исчезли обе – то ли разбили, то ли увезли нацисты. И только в конце XX века в саду Лейхтенбергских все-таки нашли одну из богинь. Она была сильно повреждена, но все же ее удалось вернуть к жизни. А с нее воссоздали и вторую копию для Ольгина острова. Без Венеры, конечно, дух места был не тот.

ДУХ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Если взять курс от Ольгина пруда на юг и не спеша идти вдоль окаймляющего Колонистский парк Самсоновского канала, то через полчаса вы окажетесь еще в одном парке, облагороженном по инициативе Николая I – парке Луговом. Уже по названию можно понять, что главное в этом парке не тенистые рощи и не нарядные аллеи. Так и есть. Но и не одни только цветистые поляны здесь радуют взор путешественника. Правильнее было бы назвать парк водным. Раньше он так и назывался – Озерковым.

История парка туманна. Во многих путеводителях она начинается почему-то с 1825 года, но эстетически местность стали обустраивать все-таки позже. А вот технически ее начали осваивать, наоборот, раньше. Так называемый Самсоновский бассейн – часть водоподводящей системы знаменитых фонтанов Нижнего парка. Петергофский водовод, конечно, сам по себе гениален, но это все-таки чудо гидротехнической инженерии, а не садово-паркового искусства. И водовод этот, надо сказать, постоянно разрастался и усложнялся, рабо-

О предназначении Готического колодца в Александрии спорят, ведь он совершенно нефункционален. Кто-то предполагает, что здесь собирались девушки для гадания, кто-то думает, что тут назначались романтические свидания

Во время прогулок по центру Петергофа невозможно не завернуть в его неприбранные, но чудесные дворики

Николай I присмотрел это мечтко в середине-конце 40-х годов. И опять-таки не для себя, а для супруги. Парк здесь обустраивался в духе уже присущей месту сельской идиллии. На берегу Запасного пруда поставили лубочного Никольский домик, неподалеку от Орлинного пруда соорудили Царскую мельницу. Непосредственно для царицы на перешейке между Круглым прудом и Самсоновским бассейном построили Розовый павильон.

Сейчас на месте павильона – руины, расписанные краской из баллончиков для граффити. Стилистика посланий незамысловата: из разряда «здесь был Вася». Рассыпающийся кирпич от стыда красен – он ведь помнит совсем другой декор, совсем другое здесь увековечивалось. Кирпич помнит Спящую нимфу Баруччи, Палладу Джустиниани. Кирпич помнит, как он был частью башни, увенчанной колоннадой тосканского ордера. Вот бы и люди помнили. Впрочем, надежде в сердце место есть. До недавнего времени ведь и пруды являли жалкое зрелище. Берега уже было утратили свои очертания, вода по-мутнела, загустела от сора, полыни едва не заросли лопухом. Недавно только навели порядок, все расчистили, подправили, освежили. Может, и до павильона, пострадавшего от войны, когда-нибудь руки дойдут. И до величественного Бельведера. Дворец Бельведер – архитектурная доминанта Лугового парка. Belvedere означает «прекрасный вид». Ради вида все и затеяли. Рельеф Петергофа – это вам не унылая какая-нибудь равнина, земля здесь немножко «пляшет», словно радуясь бытию. Потому ведь и фонтаны жизнерадостно бьются уже три столетия – вода к ним бежит естественным ходом, спускаясь с Бабигонских высот. Высшая точка – собственно Бабигонский холм. Поднимешься на него – душа так и затрепещет, сердце переполнится тихим счастьем. Красота ведь

тая не только на фонтаны, но и на промышленность пригорода. Так, в 1817 году здесь, буквально в самом центре будущего парка, появился новый пруд для питания Петергофской бумажной фабрики. Также часть

воды из бассейна использовалась для орошения разбитых неподалеку сельхозугодий немцев Бауэров. Сейчас здесь 9 прудов: они перетекают один в другой и образуют затейливый водный узор.

Великолепие Розового павильона сохранилось лишь на довоенных фото и акварелях XIX века

вокруг, простор. На север посмотришь – на горизонте небо с Финским заливом сливается, на юг обернешься – меж петляющих речек друг за дружкой деревеньки.

Деревеньки... Тоже владения семьи Романовых. У Николая Павловича с Александрой Федоровной было семь детей. И в окрестностях Петергофа появилось семь деревень: Марьино, Ольгино, Санино... ну и так далее. Последняя – Низино. Даже многие местные недоумевают. Отчего, дескать, Низино? Ведь на горе поселение. А это владения третьего сына императора, Николая Николаевича, которого называли в семье «дядя Низи».

Но вернемся на Бабигон. Никаких баб с этой горы, конечно, не гнали. Как можно? Человеку здесь замереть хочется, замолчать, задуматься. Тут с небом разговор вести подобает. С древности на Руси на высоких холмах церкви ставили, монастыри открывали. Вот и раньше, когда земли эти еще к Новгороду Великому относились, место сие было свято, а вовсе не пусто. Потом уж шведы, отобравшие эти земли, записали название холма как Popigondo («поповский приход»), от него на русском родилосьозвучное «Бабий гон», а после два слова и в одно слились. Такие вот этимологические выверты.

Николай I, понятно, не мог оставить холм без внимания. Сама природа здесь словно бросает человеку вызов, ожидая от него дерзновения. Император решает возвести новый дворец. Но равняться монарху здесь хочется уже не на виллы римских патрициев, а на древнегреческий храм – иное место не по чину. Здесь мыслится императору русский Парфенон.

За дело вновь берется Андрей Штакеншнейдер. Сначала сопротивляется массивное основание из розового гранита. Затем растут стены, поднимается двухмаршевая лестница. Над лестницей возводится портик с кариатидами из серого гранита.

С Бельведера открываются невероятные виды, не трогают они лишь гранитных кариатид – они будто бы смотрят дальше, куда-то совсем в неведомое

Морские нимфы внушают одновременно восторг и ужас – слишком они живые и слишком нездешние. Точно такие же окружает афинский храм Эрехтейон. Над первым, подиумным этажом растет второй, его обступают серебристо-серые колонны с капителями из каррарского мрамора. Венчается все строгим фронтоном.

Строительство закончилось уже после смерти Николая, в 1856 году. И отыхали здесь уже его наследники. После 1917 года в Бельведере открыли санаторий. А в 1940-е тут хозяйничала война. Памятник был разрушен, раз-

граблен. Безвозвратно исчезли мраморные скульптуры с лестницы, «увели» с постаментов бронзовых коней Клодта, уничтожили сад. Частично дворец восстановили в конце 1950-х, вновь открыли дом отдыха. А потом пришло запустение 1990-х. Памятник использовали все кому не лень, сдавали его залы под свадьбы и банкеты, отвечать за его сохранность не хотел никто. Да и теперь не лучше. И сейчас во время спонтанных рейдов полиции порой обнаруживаются здесь какие-нибудь непотребства. В Бельведере, увы, нет даже нормальной охраны.

Во времена Николая I железная
дорога в Петергофе заканчивалась.
Архитектор же смотрел в будущее –
Бенуа спроектировал вокзал так,
чтобы пути можно было продлить

Что ж, солнце к закату, пора в обратный путь – на вокзал. Вокзал в Новом Петергофе – это тоже памятник, еще один шедевр николаевской неоготики. Он был спроектирован Николаем Бенуа по образцу католического собора в итальянском Орвието. На собор он больше и похож – белоснежный, ажурный, парящий. Император, несомненно, был бы горд. Но, как и в случае с Бельведером, окончания строительства не застал. Как и той новой эпохи, которой задала вектор железная дорога в Петергофе – эпохи более либеральной и демократичной. Смягчение политического климата кажется результатом смены правителей. Но ведь потенциал этого смягчения был накоплен, как это ни парадоксально, во время царствования Николая I. Ведь даже гайки, зажурченные в период «мрачного семилетия», еле держались. Держались одной только волей

монарха, но экономическое, техническое развитие страны намечало совсем другие тенденции. Грозный меч оказался увит хрупкой белой розой. Железная дорога обеспечила Петергофу приток новых людей самых разных сословий. Тут им было где разгуляться. Огромное количество прекрасных пейзажных парков, чудесных аллей, развитая, как сказали бы сейчас, инфраструктура. И вокзал – начало всех маршрутов и конец их, – задуманный при строительстве как архитектурный изыск, диковинка, дабы было чем удивить высоких гостей императорской фамилии, вскоре стал центром широкой общественной жизни, излюбленным местом встреч петергофских дачников. Тут давались концерты, спектакли, устраивались музыкальные вечера. Впрочем, дачный Петергоф – это уже совсем другая история. ■

СЛАДКОЕ ЦАРСТВО

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПРЯМО ПО ДОРОГЕ К РЯЗАНСКОМУ КРЕМЛЮ, СОВСЕМ НЕДАЛЕКО ОТ СЕРДЦА ГОРОДА, МОЖНО УВИДЕТЬ ОЗОРНОГО ПЕТУШКА, РАСПРАВИВШЕГО КРЫЛЬЯ. ПЕТУШОК ЭТЫЙ НЕ ПРОСТАЯ ГОРОДСКАЯ СКУЛЬПТУРА, А СИМПАТИЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ, ДАЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЗАЗЫВАЛА. ОН УКАЗЫВАЕТ ДОРОГУ В СЛАДКОЕ ЦАРСТВО – УДИВИТЕЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЯЗАНСКОГО ЛЕДЕНЦА, ГДЕ КАЖДЫЙ МОЖЕТ УЗНАТЬ НЕМАЛО НОВОГО О ПРИВЫЧНЫХ С ДЕТСТВА ЛАКОМСТВАХ.

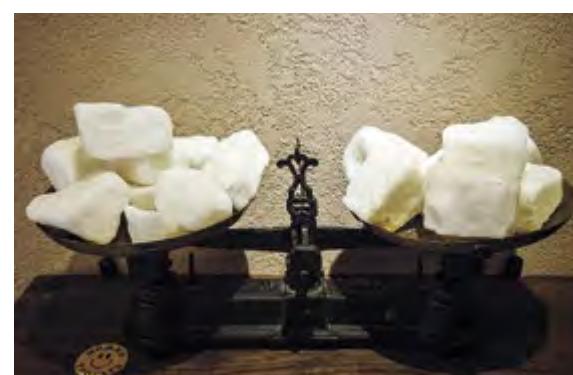
К

аждый день, добавляя сахар в свой кофе или чай, мы не задумываемся, как поразила бы жителя позапрошлого столетия наша легкость в обращении с этим продуктом. Ведь сахар для него это роскошь, доступная избранным. И наши предки даже представить не могли, что в не столь отдаленном будущем сахар ежедневно сможет позволить себе кто угодно. Нам не понять, насколько желанным гостем был прежде сахар на столе русского человека. Так вот, Музей рязанского леденца помогает взглянуть на сахар совершенно по-новому. Организаторы этого заведения так увлеклись сладкой темой, что буквально всю историю пропустили сквозь призму сахара.

«Как оказалось, сегодня наш музей – единственный музей сахара в России, – говорит креативный директор ООО «Юнион», руководитель Музея истории рязанского леденца Наталья Майзельс. – Так получилось, что сама наша работа подсказала идею создания музея. Мы изучили много литературы, нашли немало интересных фактов, собрали максимум информации, связанной с историей сахара». Проделанную работу могут оценить посетители сладкой экспозиции: на витринах музея прослеживаются все перипетии судьбы сахара. Насколько ценился сахар, нам, избалованным сладостями, понять сложно. Еще сложнее представить, что в XVII веке килограмм сахара стоил столько же, сколько корова.

Когда-то человек стоял перед дилеммой, что ему купить: килограмм сахара или корову – цена была одинакова...

Весы, ступки, склянки – все это было непременными аксессуарами сахарного дела

«Изначально сахар делали только из тростника, и, пока его доносили до российских сладкоежек, цена вырастала до запредельных высот, – поясняет Наталья Ильинична. – Переворот в сахарной истории совершился в 1747 году, когда немецкий химик Андреас Сигизмунд Маргграф сделал открытие, что сахар можно добывать из белой свеклы». Портрет этого «сахарного революционера», конечно, можно увидеть на стенах музея. Спустя полвека после открытия немецкого химика, в 1801 году, в Европе появился первый завод по производству сахара из свеклы. Россия отстала ненамного: уже в 1802 году такой завод появился и в нашей стране. В витринах, посвященных сахарной истории, можно увидеть портреты многих выдающихся личностей разных эпох.

В сладком музее на них взглянули под своим углом зрения: они появились на стенах потому, что сыграли ту или иную роль в развитии сахарного дела. К примеру, Наполеон Бонапарт занял здесь свое место, поскольку, как объясняют в музее, «покровительствовал созданию свеклосахарных заводов в Европе из-за континентальной блокады Англии». Российский император Александр II попал в ряд «сахарных особ» из-за того, что «при нем производство свекольного сахара получило широкое распространение». А Екатерина II здесь оказалась потому, что именно в период ее правления при дворе появились шоколад и какао. А еще она «в детстве очень любила сахар, из-за чего позже имела проблемы с зубами». Петр I тоже внес свою лепту: издал указ, «по которому купец Вестов получил разрешение на строительство завода по переработке привозного тростникового сахара-сырца». Здесь упомянут даже Александр Македонский, который, как выяснилось, первым из европейцев попробовал сахар из сахарного тростника после завоевания Индии. Вот так в Музее леденца оценили «сахарный след», который оставили в истории известные личности...

СУДЬБОНОСНАЯ НАХОДКА

Но от истории сахара в целом перейдем к истории создания рязанского музея. Началась она в конце 1990-х. Тогда рязанец Игорь Евсюхин занимался поставкой кондитерских изделий. А к 2013 году дозрел до мысли, что надо налаживать собственное производство. Так в Рязани появилась мастерская шоколада «Шоко руя».

А через год на базе мастерской появился Музей шоколада – небольшие экскурсии для школьников стали пользоваться большой популярностью. К подготовке экскурсий подходили со всей серьезностью. «Стали изучать историю шоколада, историю сладостей в целом. В нашей областной библиотеке мы нашли книгу первого Комитета сахароваров, изданную в 1834 году», – вспоминает Наталья Майзельс.

Находку этой книги можно назвать судьбоносной: в ней обнаружили рецепт, который дал новый импульс развитию сладкого дела. Рецепт этот, датированный 1837 годом, как водится, был записан в фунтах и унциях, но исследователи сладостей все пропорции перевели в граммы, приготовили, и получился леденец. С него-то, можно сказать, и началось возрождение сахароваренного дела в Рязани.

Леденец по старинному рецепту получился вкусным, но, к сожалению, срок хранения у него был небольшой. Тогда на основе этого рецепта стали разрабатывать технологию. Задача стояла непростая: надо было сохранить натуральность продукта, но при этом увеличить срок годности. На это ушло около полугода, но результат был достигнут: старинный рецепт удалось адаптировать к современным требованиям.

ИСТОРИЯ СО ВКУСОМ

А параллельно с трудами над технологией шла большая исследовательская работа, в истории рязанского сахароварения открывались все новые и новые страницы. Изучая материалы, наткнулись на имя Николая Петровича Шишкова – он был

В начале своей истории сахар украшал только столы аристократии – для обычных смертных такое лакомство было недосягаемой роскошью

председателем Комитета сахароваров России, причем его сахарный завод работал в Рязанской губернии. Находился он в селе Спешнево-Ивановское Данковского уезда.

«Мы ездили в Липецкую область, к которой теперь относится Данков. Там, конечно, ничего не осталось ни от завода, ни от имения, но мы пообщались с местными жителями», – рассказывает Наталья Майзельс. Кстати, оттуда прибыл и один из экспонатов музея – чайник Менделеева.

Дело в том, что сын Шишкова, Леон Николаевич, был известным химиком, дружил с

Дмитрием Ивановичем Менделеевым, с которым они часто спорили. Однажды Шишков презентовал Менделееву чайник со словами: «Когда кипятишься, вскипят чайник, попей чайку и не кипятись». В итоге чайник вместе с семейным преданием стал достоянием Музея леденца.

Но это лишь одна из деталей жизни Шишкова, на самом деле сахаропроизводитель был весьма колоритной личностью. Можно сказать, организаторы сладкого музея вернули это имя в летопись Рязанского края – почему-то о нем практически

нигде не упоминалось, а между тем человек это был выдающийся. Николай Петрович – герой Отечественной войны 1812 года, заслуживший немало наград, в числе которых орден Святого Владимира с бантом, Золотое оружие «За храбрость». Участник Бородинского сражения и взятия Парижа, он в 1817 году оставил военную службу и занялся сельским хозяйством. На этом поприще достиг немалых успехов и, кстати, тоже заслужил не одну награду, например бриллиантовый перстень от Александра II. Шишков был президентом Рязанского общества сельского хозяйства и членом Московского общества сельского хозяйства.

В 1829 году Николай Петрович открыл свеклосахарный завод, причем вскоре его предприятие стало образцовым: оно было школой сахароваров, куда приезжали учиться сладкому делу из разных уголков России. На своем заводе Шишков внедрял новейшее оборудование, а его изобретения завоевали признание не только в России, но и за границей. Кстати, в музее воспроизвели кабинет сахарного деятеля и его химическую лабораторию.

ЧТОБЫ ВЫШЛА КРАСНА ДЕВА С ЧЕРНЫМИ ЗУБАМИ...

Именно Николай Шишков сыграл огромную роль в появлении рязанского леденца. Изучая биографию Шишкова, создатели музея нашли интересную информацию о приезде в Рязань в 1837 году цесаревича, будущего императора Александра II. К приезду высокого гостя Николай Шишков хотел подготовить что-то особенное. Вот тогда-то он впервые сделал сахарный леденец – тот самый заветный рецепт, скорее всего, был разработан именно к этому событию. «Конечно, мы не говорим, что в Рязани впервые появился леденец – известно, что на ярмарках они продавались еще в XII веке. Только делали их в те времена

Николай Шишков был яркой и необычной личностью. Именно он первым решил сварить леденец из сахара – до этого сладкие петушки делались из меда

Мы не представляем своей жизни без сахара, а были времена, когда даже вприглядку чай становился сладче...

из меда, потому что сахар стоил дорого, его могли позволить себе только очень богатые люди. Ведь недаром девушкам на Руси чернили зубы – это значило, что в доме много сахара, следовательно, семья богатая, можно ждать хорошего приданого. Так что белозубые улыбки невест не слишком ценились, – рассказывает Наталья Ильинична. – Мы говорим о том, что первый леденец из сахара, весьма вероятно, был сделан в Рязани. Что было самое дорогое? Сахар и шоколад. Вот для цесаревича Николай Шишков и сделал сахарный леденец, декорированный шоколадом. К приезду высокого гостя была приготовлена корзина сладостей».

Легенда повествует, что цесаревичу очень понравилось рязанское угощение и он решил отправить две корзины сладостей в Петербург – одну своей матери, вторую фрейлине Ольге Калиновской, своей возлюбленной. В пути корзины якобы перепутали, и по вложенной записке мать узнала о страсти сына. Фрейлину после этого удалили подальше от двора. Конечно, большинство историков рассказывают и другие версии развития событий, но история красавая, да и

кто теперь разберется, сыграл ли рязанский леденец столь судьбоносную роль. Зато точно известно, что спустя время Александр упоминал, что помнит сахаровара из Рязани: «Сильно он изменил мою жизнь», – писал Александр Николаевич. Что именно имел в виду будущий царь, неизвестно. Но известно, что его приезд в Рязань тоже многое изменил в жизни страны, ведь после этого визита на свет появился сахарный петушок, который на многие годы стал любимой сладостью миллионов ребятишек. «Когда изучение сладостей открыло столь интересные факты, ими захотелось поделиться, – продолжает рассказ креативный директор. – Так и возникла идея создания музея». К счастью, перспектива появления такой туристической точки в городе привлекла власти, и энтузиастам сахарного дела помогли с помещением. Дом купца Рябова 1890 года постройки в двух шагах от кремля – просто идеальное место для музея. Конечно, состояние здания на тот момент было плачевным, но это не напугало современного рязанского сахаровара Игоря Евсюхина. Были вложены серьезные средства, потрачены немалые силы, и ме-

Рязанцы решили сделать интерактивный музей – один из уголков воспроизводит обстановку сахарного производства позапрошлого столетия

Посуда, инструменты в музее – аутентичные – экспонаты собирали по крупицам в разных регионах России

нее чем через год с момента начала работ музей открыл двери для первых посетителей.

«Для нас это здание имеет особое значение, ведь не исключено, что здесь бывал и Николай Петрович Шишков, – объясняет Наталья Майзельс. – Владелец этого дома был купцом, возможно, он сотрудничал с одним из крупнейших сахаропроизводителей нашей губернии».

РУКАМИ ТРОГАТЬ!

Сегодня, спустя три года после открытия, Музей истории рязанского леденца стал одним из туристических магнитов Рязани. Сюда охотно приезжают, причем с удовольствием возвращаются и во второй, и в третий раз. Объясняется это просто: здесь действи-

тельно узнаешь много нового и любопытного. Помимо самых неожиданных и ярких фактов «биографии» сахара можно почерпнуть немало интересного и об истории Рязани. В Телефоне времени звучат романсы на стихи известного рязанского поэта Якова Полонского, на стенах можно увидеть виды Старого города. А для детей это место имеет особую притягательность, причем обусловлена она не только главным героем этого заведения, но и необычными для экспозиций надписями: в противовес классическому «Руками не трогать» на ряде экспонатов этого музея есть таблички «Можно трогать». Колесо фортуны, где посетители загадывают желания, Шкаф превращений, Сахарный фонтан, Почта радости...

«Мы хотели создать интерактивный музей – для современного человека уже мало просто посмотреть, ему необходимо все потрогать, во всем поучаствовать. Особенно это касается детей, – считает Наталья Ильинична. – К тому же в такой форме мы можем открыть для них что-то новое, а точнее, забытое старое. Взять, к примеру, нашу Почту радости – мы уже отвыкли от почтовых ящиков, от открыток

с марками, и некоторые дети такого никогда не видели. Для них отправка письма становится настоящим приключением».

Музей и правда живой: в печке небольшого сахарного заведения потрескивают дрова, а кошка мяуканьем приветствует посетителей. Кстати, здесь дети узнают, что кошек можно считать полноценными сотрудниками любого продовольственного производства того времени – без их помощи с мышами не было бы сладу.

ЭКСПОНАТЫ СО СВОИМИ СУДЬБАМИ

Немало экспонатов рязанского музея собрано по селам, деревням, лавкам старьевщиков. В одной из таких лавок был найден уникальный образец – деревянная форма для петушков на палочке. Прежде чем делать в них сладости, эти формы три дня вымачивали в масле. «Как это можно было есть, сложно представить, – улыбается Наталья Майзельс. – У нас есть форма, в которой мы делаем леденец в форме звезды – мы вешаем его каждый год на елку. Форма для него тоже три дня вымачивается в масле, есть его, конечно, невозможно. Но в то время ели, и даже с большим удовольствием».

Весьма любопытна история появления еще одного экспоната из антикварного магазина. Художник Алексей Рычков, который помогал в оформлении экспозиции музея, в одной из лавок Санкт-Петербурга увидел довольно вместительный кованый сундук. На вопрос о цене художник получил ответ, что этот образец не продается. Когда же разговор зашел о музее в Рязани, владелец магазина вдруг предложил забрать сундук бесплатно. Выяснилось, что этот ларь – единственное, что осталось от его бабушки, уроженки Рязанской губернии. Вместе со своей владелицей он немало попутешествовал, побывал в Сталинграде, потом жил в Питере... И вот спустя столько лет вернулся на родную землю,

Рязанская сахарная мануфактура обретает все большую известность и в родном регионе, и за его пределами. А петушок на палочке все увереннее завоевывает титул гастрономического бренда

Леденец теперь стал отличным рязанским сувениром, тем более что в музее его можно сделать своими руками

поселившись в Музее рязанского леденца.

Не менее интересно узнать, как Музей леденца связан с продажей Аляски. Под потолком стаинного здания проходят рельсы с надписью «Оsnабрюк». «Дело в том, что при продаже этой территории России часть оплаты взяли деньгами, а на другую часть закупили рельсы, – поясняет Наталья Майзельс. – После строительства железной дороги остались излишки, которые стали продавать людям. Вот эти рельсы и были использованы при строительстве дома купца Рябова».

Но это далеко не все, что можно узнать в сладком музее. Конечно, здесь расскажут про историю русского чаепития – как пили вприглядку, вдогонку, с принуждением, с угрызением... И как пили до семи потов – когда за чаепитием сменяли семь платков. И по-купечески «до ключей» – когда ключи на раздувшемся от выпитого животе занимали горизонтальное положение... Впрочем, к чаепитию здесь не только теоретический подход – здесь можно и самим попить излюбленного на Руси напитка, да и легендарных сахарных петушков тоже можно сделать своими руками – освоить основы сахарного дела можно на музейных мастер-классах.

Сегодня рязанский леденец стал прекрасным сувениром – продукция местных сахароваров получила звание одного из гастрономических брендов России. Видимо, у этой вкусной истории будет продолжение. Уже сейчас организаторы Музея рязанского леденца трудятся над разработкой следующего проекта, который будет именоваться «Яблочный град». Это будет совсем другая история, не менее вкусная.

А рязанский леденец продолжает завоевывать новых поклонников. И, может быть, узнав, что сахарная история не так уж проста, кто-то, взглянув на глянцевые крылья сладкого петушка, вспомнит про Николая Шишкова, или Александра II, или фрейлину Калиновскую...

ЗДЕСЬ ЮТИЛСЯ РАЗНОЧИНЦЫ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЦЕНТР ПЕТЕРБУРГА МНОГОЛИК. КОГО-ТО МАНИТ АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ, ПЫШНЫЙ – С ДВОРЦАМИ И ОСОБНЯКАМИ. В КОЛОМНЕ – БОГЕМНАЯ ЗАВОДЬ И ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ. В СЕМЕНЦАХ – ТОЖЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ, НО ИСКАТЬ БОГЕМНОСТИ ТАМ НЕ СЛЕДУЕТ. СЕМЕНЦЫ – РАЙОН УГРЮМЫЙ. БРОДИШЬ ПО УЛИЦАМ И ДУМАЕШЬ, ЧТО КТО-ТО ЗА ТОБОЙ НАБЛЮДАЕТ И РАЗГЛЯДЫВАЕТ: «ЗАЧЕМ ПРИШЛА? ЧУЖИЕ НАМ БЕЗ НАДОБНОСТИ». А КТО ЖЕ НАСЕЛЯЛ СЕМЕНЦЫ В ПРОШЛОМ? КУПЦЫ, РАБОЧИЕ, А ГЛАВНОЕ – РАЗНОЧИНЦЫ.

« **P**

АЗНОЧИНЦ»
врывается в
жизнь современ-
ника на уроках
литературы. Хмурит брови, стро-
ит коммуну, как герои Чернышев-
ского. А может, ничего не строит,
потому что беден, как неистовый
Виссарион Белинский. В общем,
портрет вырисовывается узнава-

емый, но от этого само понятие «разночинец» яснее не становится. Риск свести типаж к косматому недоучке, озабоченному «народным счастьем» и «чующего правду», сильно обеднит восприятие. А изучить этот социальный феномен можно в петербургском музее «Разночинный Петербург» в тех самых Семенцах.

ХМУРЫЙ ОКОЛОТОК

Семенцы – так в народе прозвали район в центре Петербурга, ограниченный Звенигородской улицей, Обводным каналом, Загородным и Московским проспектами, где располагался лейб-гвардии Семеновский полк. Места тут мрачные и трагичные. На месте современной Пионерской площади в прошлом был Семеновский плац. Именно здесь отменили казнь петрашевцев, одним из которых был Федор Достоевский. В пяти минутах ходьбы от музея находится дом, в котором квартировал Григорий Распутин.

В музее представлен макет Семенцов XIX века, которые своей регулярностью и симметрией напоминают Васильевский остров, но там есть и парадная часть, а в Семенцах – только провинциальная. Кривых улиц здесь нет, за исключением Большого Казачьего переулка, в котором расположен музей.

Формирование слободы началось в 1737 году. До середины XIX века наименование этих улиц было связано с полковой застройкой. В 1858 году все они были переименованы по уездным городам Московской губернии. Получилось «петербургское Подмосковье», а в городском обиходе появилось мнемоническое правило для запоминания порядка их расположения. «Разве можно верить пустым словам балерины» (Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская и Бронницкая улицы). Поговорка живет уже почти два века. Впр

ем, есть разные версии, какое именно слово употреблялось вместо современной версии с «балерины». Исследователи утверждают, что в 1920-х годах говорили «большевики».

«В Семенцах было не очень много «чистой» публики, то есть людей, уверенных в своем финансовом благополучии, – говорит старший научный сотрудник музея «Разночинный Петербург» Ирина Осипова. – Скажем, купец, имеющий лишь маленькую лавочку, мог быстро разориться, он не входил в «общество». К «чистой» публике такого человека не отнесли».

История Семенцов начиналась с гвардейских полков

Ирина Осипова – старший научный сотрудник музея «Разночинный Петербург»

МНОГОЛИКИЙ РАЗНОЧИНЕЦ

«Понятие «разночинец» много раз меняло свое значение, – объясняет Ирина Осипова. – Для петровского времени разночинец – это человек, которого невозможно вписать ни в одно сословие. К середине XIX века людей, которые не вписывались в сословные графы, было мало. И тогда разночинцами стали называть тех, кто поменял свое сословие. В 1860-е слово «разночинец» стало популярным. Оно имело негативный оттенок в аристократических кругах. Разночинцем могли назвать и выслужившегося дворянина, который для аристократов оставался выскочкой. Разночинцы – люди, которые зарабатывают на свой хлеб сами. Условия жизни и быт зависели от профессии и успешности. Вот в районе нынешнего Московского проспекта в 1870-х проживал будущий писатель Владимир Короленко. Он тогда был студентом, но посещать ежедневно лекции не мог, так как сапоги делил с приятелем – носили по очереди. Как правило, разночинцами были получившие образование дети из семей купцов, священников, мещан или крестьян, иногда – обедневшего дворянства. Это «интеллигенты в первом поколении», оторвавшиеся от своей родной среды. Окончивший учебное заведение и

В Петербурге предпочитали кофе (кофейная мельница, чайница и сливочник)

осевший в Петербурге сын священника мог трудиться врачом, учителем, журналистом. Сегодня мы бы назвали разночинца «человеком, который сам себя сделал», получив образование и добившись успехов в карьере, невозможных в его среде. В начале XIX века положение разночинца определялось положением в обществе вне сословий, а к концу века сложилась идеология, философия русской интеллигенции, носителями которой были разночинцы».

Слово «разночинец» хитрое. Это может быть и аскет, и буржуа по стилю жизни. Разночинец – социальный статус человека, который добился всего сам. Это человек, придерживающийся демократических взглядов, что нередко приводит к сложностям в обществе. И его положение шаткое: сегодня – стабильность, а завтра – нет. И философ Розанов, и писатель Мамин-Сибиряк – разночинцы. Кстати, Василий Розанов жил напротив музея в Большом Казачьем переулке в пятикомнатной квартире. И это притом, что состояния у него не было. Он был журналистом и зарабатывал литературным трудом. Среди выдающихся людей не-

мало разночинцев: химик Дмитрий Менделеев, основоположник системы физического воспитания Петр Лесгафт, художники Илья Репин и Иван Крамской, музыканты Антон и Николай Рубинштейны, писатель Антон Чехов.

Мелкие чиновники часто селились в Семенцах

В ГОСТИ К ВОЖДЮ

В 1894 году в дом №7 на Большом Казачьем переулке вошел невысокий молодой человек. Он был беден и скромен. Картавая, отрекомендовался квартирной хозяйке: Владимир Ульянов. Вождь революции прожил здесь год. Музей возник в 1924 году, был посвящен Владимиру Ленину и в таком качестве просуществовал до середины 1980-х. Он расположен в жилом доме – занимает помещения на первом и третьем этажах.

«Перестройку музей пережил закрытым, – рассказывает Ирина Осипова, – потому что дом, в котором он расположен, был на капитальном ремонте. И когда открылся, стало ясно, что сугубо ленинский музей не востребован. Сотрудники стали заниматься краеведческой работой, связанной с историей Семенцов, и в 2007-м удалось открыть «разночинную» экспозицию. Она рассказывает о жизни петербургских обывателей в Семенцах на рубеже XIX–XX веков: студентах, школьниках, швеях, рабочих. Экспонаты попадали по-разному. Что-то приносили сотрудники музея, жители Семенцов тоже внесли немалый вклад в расширение фондов. К 2005 году в музее сложился клуб дарителей». Музей в квартире создавался по воспоминаниям очевидцев. Мебель подбирали, максимально

Вождь революции жил здесь год

приближенную к тому, что было при знаменитом жильце. Комод и настольная лампа застали Владимира Ульянова. Эти вещи подарила музею бывшая хозяйка квартиры, Шарлотта Боде. Она в свое время повесила объявление на входной двери: жильцу за 10 рублей в месяц предоставляется комната с дровами, керосином и чаем. Это очень невысокая цена. Квартиранту утром приносили кувшин с водой и таз для умывания. Утром и вечером он получал стакан горячего

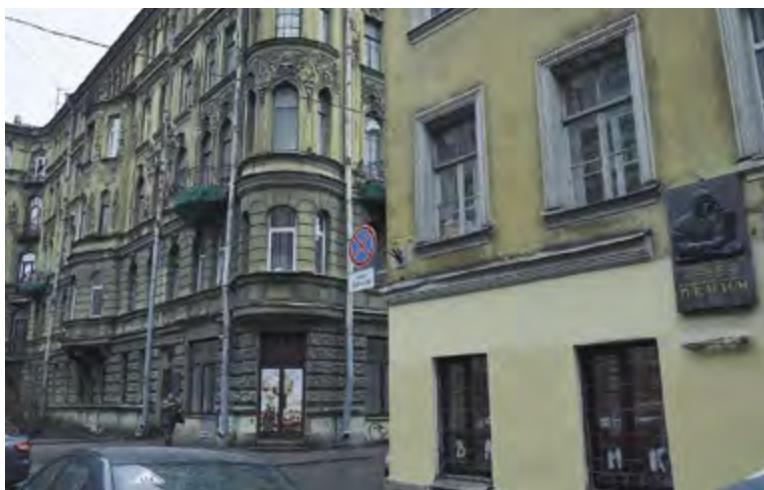
чая с сахаром и хлебом. Дом, в котором расположены музейные помещения, 1825 года постройки. Потому там не было не только ванной, но и туалета. Можно предположить, что жильцы пользовались удобствами на улице или на лестнице. Ильич ходил обедать к знакомым. Тогда обеды за плату часто предлагались даже незнакомым людям, о чем хозяева уведомляли желающих, повесив объявление: «в такой-то квартире стол для приходящих».

Комната Ленина воссоздана по воспоминаниям: скромно, но уютно

ВОЛЖСКИЙ ГОСТЬ

В Семенцах жили выходцы из Ярославской губернии, из Прибалтики. А Владимир Ульянов – с Волги. Дед Ленина был портным, а отец выслужил дворянство. То есть по рождению вождь революции не разночинец, что не помешало ему возглавить революционную борьбу пролетариата. Кстати, роман «Что делать?», написанный разночинцем Николаем Чернышевским, Ленин ценил высоко, потому как книга его «перепахала».

В 1891 году Владимир Ульянов сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета. А с 1894-го год он жил в комнате на третьем этаже в Большом Казачьем переулке, 7. Это была уже пятая съемная квартира Ленина в Петербурге. «Учась в университете, Ульянов не жил в Семенцах, – говорит Ирина Осипова. – Селился в меблированных комнатах, так как приезжал только на сессию. Приехав в Петербург надолго, он выбрал меблированные

С мемориала Владимира Ленина и начался музей в 1924 году

комнаты вблизи Литейного проспекта. Потом стал искать жилье дешевле и удобнее. Перебрался на Ямскую (нынешняя ул. Достоевского), затем в Лештуков переулок (ул. Джамбула), а потом на Большой Казачий. Возможно, здесь сыграло роль знакомство. Многие товарищи из Технологическо-

го института проживали в этих местах. Значение имела и близость библиотеки Вольного экономического общества, откуда, в отличие от Публичной библиотеки, можно было брать книги на дом».

В письме матери Владимир Ульянов рассказывал, что завел специальную тетрадь, в кото-

Семенцы – студенческий район, о чём напоминает один из стендов

рой записывает ежемесячные траты. Вышло 36 рублей, из которых 10 платил за квартиру. Посчитал, что «жил нерасчетливо», так как «на одну только конку потратил рубль тридцать пять копеек». Ему было за что отчитываться: он жил в основном на присланные материю деньги.

ЗАЛЕЧЬ НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДНО

К началу XX века в Семенцах только треть домов были каменными. Квартиры были небольшими. Революционеров, селившихся в этом квартале, привлекали провинциальность, глухота местности.

«В Семенцах обыкновенно упоминают два адреса, связанных с народовольцами, – рассказывает Ирина Осипова. – Это две народовольческие типографии, организованные революционеркой Прасковьей Ивановской на Подольской улице. Последнюю типографию владельцы принуждены были покинуть в спешке. Только через несколько дней дворник обратил внимание, что в квартире никого нет. Полиция проникла в нее через окно, обнаружив массу улик и записку, предлагающую продать всю обстановку, а деньги отправить на пользу народа. В Семенцах казнили народовольцев Софию Перовскую и Андрея Желябова, живших неподалеку. Тут отмечено много адресов членов «Союза борьбы за освобождение

рабочего класса». В 1905-м в Технологическом институте разместился Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. А на Рузовской улице жил Николай Буренин – один из главных организаторов боевой группы большевиков».

Дома купцы тут строили хоть не изящные, но основательные. Если Невский проспект – аристократический Петербург, то Гороховая – это «Невский проспект простонародья». В конце XIX века в Семенцах можно было снять квартиру с водопроводом и без дворника. Лишние глаза ни к чему революционеру.

Музейный макет показывает, как выглядели Семенцы в конце XIX века

Типографские
литеры начала
XX века

СТУДЕНЧЕСКИЙ КВАРТАЛ

Революционеры революционерами, но студентов в Семенцах селилось много, и многие из них были потенциальными разночинцами. Технологический институт, расположенный здесь, одно из первых высших технических учебных заведений в России. Неподалеку находился Институт гражданских инженеров (нынешний Архитектурно-строительный университет). На Фонтанке – Институт инженеров путей сообщения. А место нынешнего Военмеха (Балтийский государственный технический университет) занимало ремесленное училище.

«Ремесленное училище цесаревича Николая было открыто в 1875 году. Это благотворительное учреждение давало сиротам и бедным детям образование на уровне гимназии и ремесленную специальность, – поясняет Ирина Осипова. – Первое время выпускников даже в заграничные стажировки отправляли. Между прочим, одним из первых выпускников этого училища был Иван Емельянов. Тот самый участник покушения 1 марта 1881 года, который свою бомбу так и не бросил». Одна из витрин музея во втором зале посвящена петербургским студентам. Форма студента Технологического института, бинокль, лорнет, чернильница, белые перчатки. Много предметов попало в музей из семьи профессора Технологического института Александра Николаевича Агте. Он поступил в институт в 1904 году, окончил в 1910-м, хотя программа позволяла проучиться всего два года. Просто в годы Первой русской революции институт несколько раз закрывали, вот Агте и не удавалось доучиться. Потомки профессора Агте подарили много его личных вещей музею. Печатная машинка «Ундервуд» стоит в музее не случайно: такой мог пользоваться российский писатель начала

Фрагмент музейной
витрины, посвященной
студентам

прошлого века. Подобная могла находиться в какой-нибудь железнодорожной конторе, которые располагались у Витебского вокзала. Барышни часто устраивались «ремингтонистками», позже эта должность называлась «машинная переписчица». В следующей витрине – школьные принадлежности, прописи по латыни. Значит, принадлежала она ученику классической гимназии. Девушек в женских учебных заведениях древним языкам не обучали. Вот в «календаре учащегося» нет ни латыни, ни греческого, а есть физика – предмет, которого практически не было в классической гимназии. То есть заполнял календарь ученик реального училища.

«Календарь ученика – записная книжка с массой полезных сведений, – рассказывает Ирина Осипова. – Там было место для расписания уроков, но календарь не проверял учитель и родители, в него не ставили отметок. Дневники имелись у гимназистов и реалистов, кстати, очень похожие на современные. А календари – особый жанр. У нас в коллекции есть не только календарь ученика, но и календарь врача, календарь инженера. Ближе всего это к ежедневнику».

МУЖСКОЙ ХАРАКТЕР

Петербург исстари – город мужской, военный. А в Семенцах квартировали полки и служили чиновники. На рубеже XIX–XX веков здесь на 28 тысяч мужчин приходилось всего 16 тысяч женщин. Поблизости располагалось не-

Типы
петербургских
студентов:
универсант,
путеец,
гражданин,
технолог

сколько рынков, а торговцы проживали в Семенцах, поэтому Семенцы еще и купеческий район.

Возникновение района связано с квартированием гвардейских полков. Здесь были размещены Семеновский, Егерский, Московский полки, располагались казармы Фельдъегерского корпуса, Военно-автомобильная школа, казармы Гвардейского железнодорожного батальона. Такое обилие военных формировало соответствующий облик района.

Помимо военных и студентов здесь селились рабочие, конторские служащие и лавочники. Вот в одной из витрин и воссоздан ассортимент мелочной лавочки – аналога современного «магазина 24 часа»: конусовидная сахарная голова, щипцы для сахара, самовар, посуда, банка для чая. «Продавали там все в любое время суток. За одним прилавком продавался и хлеб, и керосин. Единственное, чего нельзя было купить в мелочной лавке начала XX века, – это алкоголь», – объясняет Ирина Осипова.

Город активно строился, предприниматели заводили кирпичные заводики – так можно объяснить появление в музее дореволюционных кирпичей. А еще в Семенцах сгрудилось множество типографий, о чем напоминают экспонаты на стенах. Типографские клише шрифтов попали в музей из бывшей Синодальной типографии.

Чемоданы в углу зала составлены как напоминание о близости Витебского вокзала – центра притяжения этого района с 1837 года. Поначалу это была маленькая деревянная станция, откуда поезда ходили только в Павловск и Царское Село. А в 1904 году было построено нынешнее здание Витебского вокзала. Он единственный в городе вокзал, на котором поезда отходят со второго этажа...

БЛОКАДНАЯ КОМНАТА

Блокадная комната, с которой началась экспозиция обновленного музея, на первый взгляд выбивается из общей концепции. Это так и не совсем так. Дело в том, что вещи для блокадной комнаты музея передала Нина Рогозина – внучка профессора Александра Агте. Так случилось, что музей, посвященный разночинцам, на примере отдельно взятой ленинградской семьи задокументировал историю города. Когда началась блокада, Александр Агте жил вместе с женой, дочерью и 7-летней внучкой Ниной в служебной пятикомнатной квартире в здании Технологического института. Вся семья собралась в самой маленькой комнате – примерно

такого размера, как в музее, около 9 квадратных метров. Главное отличие комнаты, где жили Агте, от музейной заключается в высоте потолков. В музее они низкие, а там был настил из досок под потолком – антресоли. Зимой семья перебралась на эти антресоли, чтобы не замерзнуть.

У каждой вещи в блокадной комнате – своя история. Скажем, ватное яблочко было подарено Нине на новогодней елке в январе 1942 года в Театре имени Пушкина. Девочка забыла спектакль, но запомнила, чем кормили. Каждому ребенку дали тарелку дрожжевого супа. И никто не спросил карточку. А еще подарили по ватному яблочку – елочную игрушку.

Фрагмент экспозиции «Блокадная комната семьи Агте»

У каждой блокадной игрушки – своя история

На комоде стоит зеленый фланкончик из-под духов с пробиркой. Это коптилка. Мама Нины Галина Александровна делала такие коптилки всем своим знакомым, называя их «фигасиками», потому что в них жгли не бензин и не керосин, а те горючие жидкости, которые в доме можно было найти, а они чаще всего были взрывоопасными. То есть «фигасик» мог взорваться. Мама Нины шутила: «Взорвется как фугасная бомба, а света – с фиговый листочек». «Фигасик» страшно коптил, копоть падала черными каплями, которые надо было вовремя снять. Нина в какой-то момент позабыла – на книжке остался след.

На этажерке рядом с детским фото Нины – засушенный кокосовый орех. Удивительная вещь в блокадной комнате, спасшая жизнь семьи. Орех нашла Галина Александровна на улице, вероятно, он выпал из эвакуировавшейся из города машины. Мама дала орех дочке поиграть. А когда начался голод, орех отобрала бабушка и подняла высоко на шкаф, сказав, что орех будет неприкосновенным запасом. «Когда не будет ничего-ничего и не останется никакой надежды, – объяснила она, – мы разобьем этот орех и сварим кашу». Но орех не разбит!

«Нина Михайловна Рогозина говорила, что «бывают намоленные иконы», а в их семье был намоленный кокос, – рассказывает Ирина Осипова. – Много раз бабушка решала: настал последний день или еще поживем? Справились. Во-первых, благодаря бабушке: она строго распределяла все съедобное. И во-вторых, благодаря знаниям дедушки – он, как химик, знал, что можно есть, а что – нет. Скажем, соседи умерли, поджарив хлеб на касторовом масле. Его нельзя нагревать.

А шкаф попал в семью от соседа – он уходил на фронт и попросил сберечь. Пропал без вести. Поэтому шкаф в семье прозвали «Лёшенькиным». Это памятник человеку, сражавшемуся за Ленинград»...

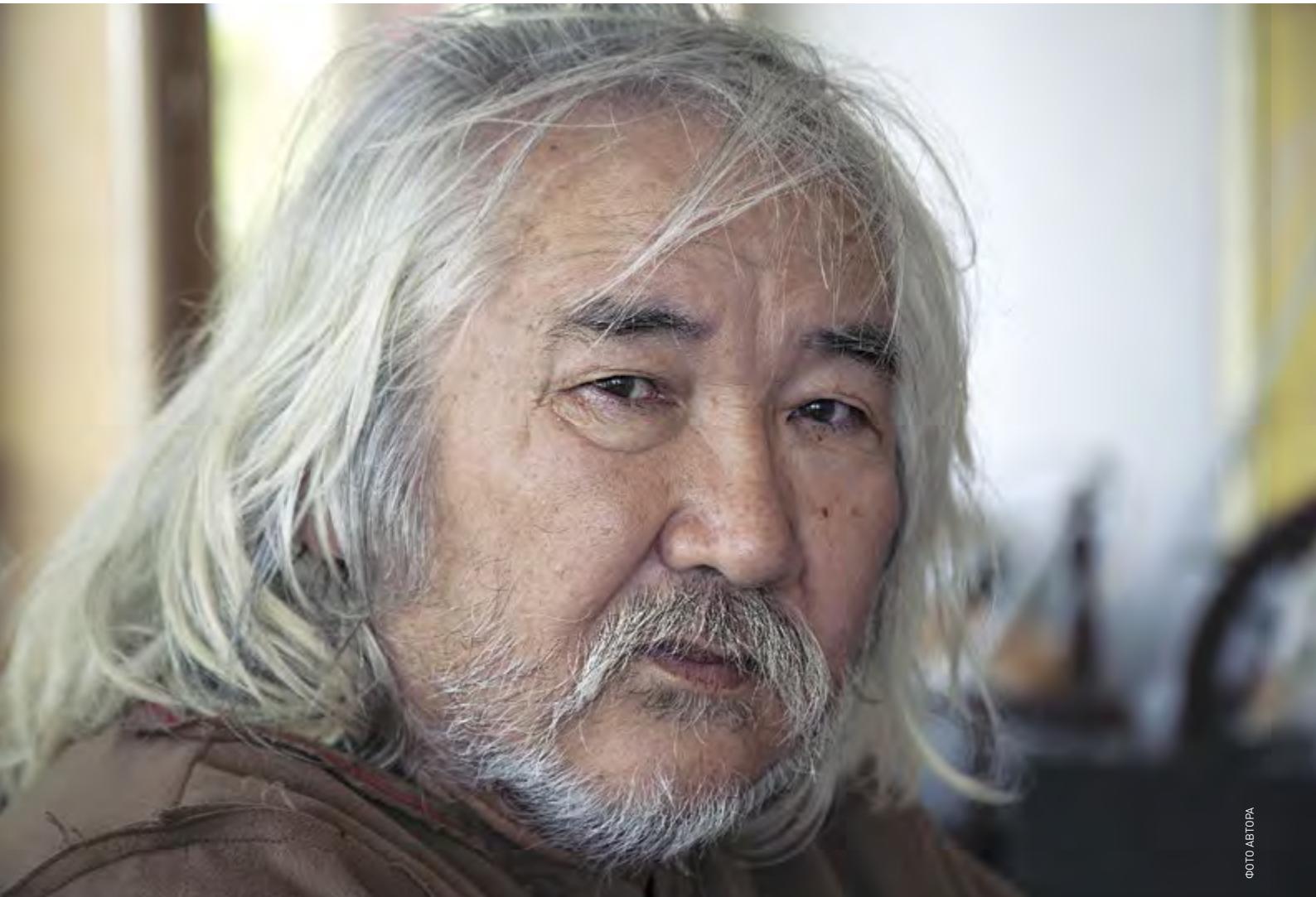

ФОТО АВТОРА

ГОЛОД МАСТЕРА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«ЕСТЬ ХОТЕЛОСЬ – ОТТОГО И ПОШЕЛ НА КОСТОРЕЗКУ», – ВСПОМИНАЕТ СВОЙ ПРИХОД В РЕМЕСЛО ИЗВЕСТНЫЙ СИБИРСКИЙ МАСТЕР-КОСТОРЕЗ МИНСАЛИМ ВАЛИАХМЕТОВИЧ ТИМЕРГАЗЕЕВ. ВПРОЧЕМ, ЗА БЕСЕДОЙ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО НЕ ТАК ВСЕ ПРАГМАТИЧНО В ТВОРЧЕСТВЕ МИНСАЛИМА.

ИСТОРИЯ КОСТОРЕЗ-ного промысла в Сибири началась в XVIII веке в Тобольске. Родоначальниками ремесла принято считать шведов. После победы под Полтавой в 1709 году око-

ло 17 тысяч пленных шведских солдат и офицеров осталось в России. Солдаты были отправлены трудиться на заводах, офицеры – в города. Так около тысячи шведских офицеров оказалось в Тобольске.

В сибирской столице они строили кремль, делали серебряные сервисы, участвовали в экспедициях, открыли школу, кукольный театр – словом, каждый устраивался как мог. Нашлись и те, кто взялся резать по кости. Конечно, шведы не были первыми косторезами – изделия из мамонтовой кости в Сибири известны по меньшей мере с XVII века. Но шведские офицеры первыми поставили дело на поток, создали косторезные мастерские, самой популярной продукцией которых были резные табакерки. Через полтора века резьба по кости пережила новое рождение. И снова благодаря ссылочным –

ФОТО АВТОРА

Михаил Знаменский внес огромный вклад в сохранение и развитие культуры Тобольска

ИЗ ФОНДОВ ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

на сей раз полякам. Польские косторезы делали искусственные брошь, заколки, пресс-папье, образа Иисуса Христа и Богородицы. Однако как особый вид искусства тобольская резьба по кости сложилась к концу XIX века. Важную роль в этом сыграл местный художник и краевед Михаил Знаменский. Он брал уроки у польских мастеров, а своим ученикам прививал интерес к созданию образов северной природы и людей. Миниатюрные скульптурные композиции стали характерной особенностью тобольских косторезов, их работы удостаивались призов и похвальных отзывов на всероссийских выставках.

Первые артели резчиков принадлежали женщинам: мастерская Овешковой, мастерская Мельгуновой. Видимо, это сказалось и на выпускаемой продукции: наряду с фигурками животных и охотников была популярна, например, композиция «Мышка на куске хлеба», которой пугали впечатлительных барышень.

СКУЛЬПТОР-САМОУЧКА

Одним из самых талантливых тобольских косторезов был Порфирий Терентьев. Родился он в 1862 году в небольшом селе Тобольского уезда в крестьянской семье. С детства Порфирий любил вырезать из дерева фигурки животных и людей. Редкий талант заметил полицейский исправник по фамилии Дзержинский и отправил мальчика учиться в Тобольск к Михаилу Знаменскому. Так сложилось, что задержаться в городе у Порфирия Терентьева не получилось: он вернулся в родное село, а затем был отправлен в солдаты. Тем не менее не оставлял любимого занятия. После службы снова приехал в Тобольск, где и занялся резьбой по кости. В 1900 году его работы были отправлены на выставку в Париж, а в 1916 году в Петрограде Терентьев демонстрировал свои творения в Академии художеств. Илья Репин и другие профессора академии были в восторге. В журнале «Всемир-

На фото видно, что Порфирий Терентьев действительно резал по кости обычным ножом. 1927 год

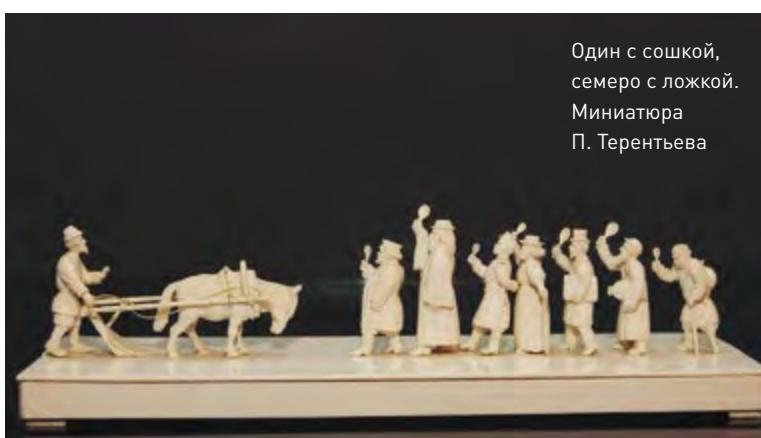
Мышь
с мышатами
на ломте хлеба.
Белая
и коричневая
мамонтовая
кость.
Миниатюра
П. Терентьева

ная панорама» вышел материал с фотографиями работ Порфирия Терентьева. Его называли «скульптором-самоучкой», «с поразительной художественностью и экспрессией» воспроизводящим «с натуры фигуры животных, статуэтки из бивня мамонта. Орудием для резьбы ему служит преимущественно перочинный ножик».

К тому времени косторезный промысел в Тобольске начал угасать. После революции 1917 года косторезам пришлось совсем туго. Отсутствие работы и безденежье доводили их до отчаяния.

В конце 1920-х годов советская власть пыталась возродить промысел, создав артель «Коопэкспорт». Главной задачей артели было производство изделий для экспорта за границу. Настоящее возрождение искусства случилось только через тридцать лет, когда тобольскую артель пополнили выпускники художественных училищ из Холмогор, Москвы, Абрамцева и Хотькова.

В 1957 году работы косторезов «Коопэкспорта» получили Большую золотую медаль Брюссельской выставки. В 1960 году разросшуюся артель преобразовали в Тобольскую фабрику художественных косторезных изделий.

ИЗ ФОНДОВ ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Один с сошкой,
семеро с ложкой.
Миниатюра
П. Терентьева

ИЗ ФОНДОВ ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ТАМ ЗА УРМАНАМИ

Минсалим Тимергазеев – один из старейших мастеров нынешнего Тобольска, резьбой по кости он занимается более полувека. Встретились мы возле дома мастера в старом саду.

– Во времена моего детства здесь заканчивался город, – рассказывает Минсалим, – шли урманы, так в старину в Сибири называли хвойные леса. Всю эту территорию занимал детский дом, где я провел восемнадцать лет. Старые яблони – наших рук дело. Каждый, когда уходил из детдома, сажал яблоньку на память. Думали, мы последние сироты – детских домов больше не будет.

Сад, от которого сейчас осталось лишь с десяток кривых деревьев, имеет очень давнюю историю. Детдом расположился в некогда прекрасной усадьбе действительного статского советника Василия Неудачина. На своей малой родине косторез знает судьбу каждого уголка: где в царские времена были фонтаны, где стояли строения, какой был сад. Сюда же он решил вернуться спустя много лет – достраивает дом и мастерскую.

– Там находилась детская библиотека, где нас приучили к книгам, – рассказывает Минсалим. – До того это был дом декабриста Михаила Фонвизина. Его жена Наталья Дмитриевна подарила Евангелие Федору Михайловичу Достоевскому, когда писатель оказался в Тобольске по пути на каторгу. Теперь рядом появился памятник Достоевскому с Евангелием. По другую сторону – Сад Ермака, где классная руководительница рассказывала о покорителе Сибири и русской истории. На задах жил известный скульптор Николай Распопов – он учил меня лепить, рисовать. В пожарной части ребят обучали профессии пожарного. Было в детдоме 11 лошадей и 2 коровы. Мы ухаживали за животными, водили коров на дойку. Учились здесь всему: не воровать, драться… Летом вся одежда – майка и трусы. Бегали босиком. К сентябрю пятки становились такие, что в них гвозди можно было забивать.

Минсалим
у композиции
«Как медведь
попал на Землю»

Памятник
Федору
Достоевскому
установили
возле того места,
где жила
благодетельница
писателя –
Наталья
Фонвизина

МИШКА С ОСТРОВА КЮСЮ

Родился Минсалим в 1950 году в деревне Красный Яр Тюменской области – во всяком случае, так значится в документах. О родителях ничего не известно. Трехмесячным он попал в детский дом «Красный Восток» – единственный детдом для детей-татар. Поглядели на малыша и решили, что он – татарин по рождению. У подросшего Минсалима внешность оказалась столь колоритной, что появились и другие версии его происхождения. Например, японская.

– Прозвище у меня было Мишка-япончик, – вспоминает Минсалим Тимергазеев. – Воспитатели говорили, будто жил я с дедом Мицумото-сан на острове

Кюсю. Дед собирал морские водоросли, вываривал соль и отвозил на джонке продавать в Китай. Однажды взял в торговый путь меня с собой. А в Китае случилась революция, нас арестовали и увезли в Читу. Оттуда меня отправили в татарский детдом. Удивительно, что никто не замечал явной несуразицы этой истории: в 3 месяца я должен был в колыбели лежать, а не ходить с дедом на джонке.

А пока мы были малышами, рассказывали историю рождения всем одинаковую: девочек – привнесли аисты, мальчиков – нашли в капусте. Для меня еще и подробности придумали: мол, я так есть хотел, что обгрыз капусту и так был найден.

Потом мы были уверены, что наши мамы – это воспитательницы. Про пап говорили, что все они геройски погибли во время Великой Отечественной войны. Папами мы не особенно интересовались, а к мамам испытывали живой интерес. Однажды к одной девочке пришла настоящая мама. Нас так поразило, что у нее отдельная мама есть. Мама принесла дочери три пряники. Один девочка сама съела, один отдала мальчишкам, один – девочкам. Все по очереди мы этот сказочный подарок

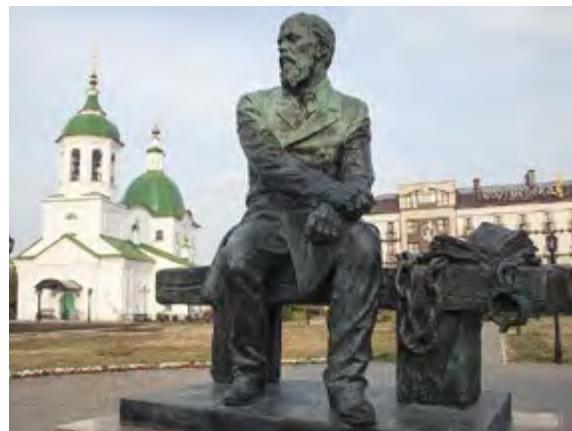

ФОТО АВТОРА

облизывали. Когда пряник дошел до меня, от него остался маленький комочек. Я его все лето берег – носил под резинкой в трусах. Вытащу пряник, лизну и обратно положу. Думал, в конце какая-то изюминка сокрыта, он еще вкуснее станет. Закончилось тем, что пряник выпал из-под резинки и, пока я спохватился, воробей его утащил. Хотя не сказать, что пряники для нас были такой уж диковиной. Питание в детдоме было системное, иногда и пряники на полдник давали. Но этот пряник казался совсем особенным – его отдельная мама принесла.

А после визита этой мамы ночью у нас случилась коллективная истерика. Один начал реветь – и все подхватили. Помню, меня воспитательница успокаивала до рассвета: не плачь, дедушка Мицумото-сан тебя ждет, обязательно заберет – он в Японии, где сейчас солнце восходит.

С ЯЩИКОВ В ХУДОЖНИКИ

Покинув детдом, Минсалим должен был кормить себя самостоительно. «Когда есть хочется, чем-то нужно заняться, заработать», – любит повторять мастер. По этой же причине в 1968 году он пошел на косторезную фабрику – приятель предложил таким образом подзаработать. Минсалим уже работал в лесничестве: тушил пожары, следил за лесными пчелами – сооружал своеобразные полуземлянки для их зимовки. Но косторезка больше пришлась по душе.

– Мне повезло с мастером, – вспоминает Минсалим. – Это был Валя Кольчев, мастер первой руки. Тогда еще, как в артели, были мастера первой и второй руки. После появилась разрядная система – самые искусные мастера получали высший, седьмой разряд. Валя Ко-

Пила,
напильники,
тирильники
и прочий ручной
инструмент
костореза
в экспозиции
музея

льчев поначалу не давал мне резьбой заниматься – поставил колотить упаковочные ящики. Резьбе учил постепенно. Когда руку мне поставил, перевел с ящиков на изготовление предметов – так я и сам стал мастером, а затем и художником экспериментального отдела. Проблемой косторезов была типовая работа: из Москвы присыпали производственный план – сделать, например, 20 одинаковых оленей и вал всякой мелочи. Были такие, что с удовольствием подобную работу выполняли, но творческих мастеров это угнетало. Но всем хотелось заработать. Так появился семейный подряд. Жены мастеров на дому занимались этим валом – собирали, например, простые брелоки.

Для творчества мастера делали свои собственные мастерские – кто баню под это приспособил, кто гараж, кто сарай. Достать мощное оборудование было сложно. Использовали стоматологические бормашины, но трос рукава у них был слабый, не выдерживал грубую обработку кости. Умельцы приспособились: заменили его тросом от автомобильного спидометра. Иметь свою мастерскую было очень выгодно. Если на фабрике за скульптуру того же оленя платили 3 рубля, то свое собственное творение можно было продать за 18 рублей. Авторские работы – в том числе мелкие предметы, брошки – очень ценились в качестве подарков, не вал же с фабрики дарить. Помню, моему другу Кольке Фатянову на свадьбу подарили 11 типовых наборов посуды и мебели из магазина. И еще брелок футбольного вратаря, вырезанный из кости. Колька играл вратарем в «Спартаке» и был в восторге – для него брелок стал самым дорогим подарком. Косторезы шабашили втайне, конечно: ОБХСС их домашнюю работу рассматривал как «нетрудовые доходы».

ФОТО АВТОРА
Вариации
на тему
мамонтов
в северной
мифологии

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

МАМОНТ, ЦЕВКА И КАШАЛОТ С «ПРИВЕТОМ»

– С развалом Союза мастерские вышли из подполья, – продолжает Минсалим, – вернулись, как в былые времена, артели. Типовые фабричные изделия еще со времен перестройки перестали покупать. Произошло затоваривание: каждая советская гражданка имела по 2 брошки или 16 заколок, их некуда было девать. Мастера объединялись – кто по-приятельски, кто семьей. В 1991 году и мы нашу артель создали. Сыновей я мотивировал к работе по-своему: хочешь купить что-то – работай в мастерской. Так все три моих сына тоже косторезами стали.

Сегодня у костореза две проблемы: сырье и инструмент. Китайцы скупают бивни мамонта десятками тонн – они так задрали цену, что работать с мамонтом мы уже не можем себе позволить. Раньше под подставку распиливали бивень. Сейчас так никто не делает. Вообще-то с мамонтом проблемы начались значительно раньше – с конца 1950-х годов. Как только с ручного инструмента перешли на бормашины, так сырья стало не хватать. Если ручными инструментами хороший мастер делал брошку неделю, то бормашиной даже начинающий косторез за это время успевал пять штук сделать. С мамонта перешли на цевку – кость крупного скота, которую поставлял мясокомбинат. Мы использовали зуб кашалота. Зуб про-

Бывший детдом, ставший «Домом мастеров». Минсалим постарался и водостоки оформить ярко

сто подписывали «Привет с Дальнего Востока» и продавали как сувенир. Стоил совсем недорого. Мы эти «Приветы» скупали в магазинах и просили друзей в других городах покупать при случае. Затем и зуба кашалота не стало. Мне приглянулся лосинный рог. Многие его игнорируют, а по мне – интересный материал, красивый, можно обыгрывать его форму.

СОЕДИНИТЬ НИЖНИЙ И ВЕРХНИЙ МИРЫ

Фигурка шамана из лосиного рога, который тянется к небу, это авторская находка Минсалима. Из разветвления рога образ получается очень колоритный. Работы Минсалима – точнее, его артели, как скромно подчеркивает мастер, – мы рассматривали в Музее истории ко-

сти, возвышающемся за старыми яблонями.

Создание музея – отдельная история в жизни Минсалима. Когда он ушел с косторезной фабрики, принялся собирать свой музей. Сначала коллекция располагалась дома у Минсалима, а теперь в здании... бывшего детского дома.

– В конце 70-х детдом уже сильно обветшал, разваливался, – рассказывает Минсалим. – Этот дом столько лет заботился о нас, и мне хотелось позаботиться о нем. Предложил переделать его в косторезный музей. Но в те времена идея осталась непонятой. Вообще, сложно было с пониманием. В 90-е я думал уехать из Тобольска, и предложения были хорошие. Уже собирался, но вдруг почувствовал, что этого делать нельзя. Это все равно как родовое место человек покидает: уедешь – останется дырка на родине, которую ничем не заполнить...

И все пошло на лад. Губернатор одобрил создание музея в бывшем детдоме. Старое здание пришлось снести и построить заново, но архитектурный облик главного дома усадьбы Неудачина был сохранен.

– Нам хотелось и северных мотивов добавить, – говорит Минсалим. – Например, в центре дома оставить свободное пространство, чтобы символически соединить нижний и верхний миры. Чтобы там дерево стояло на узком стекле, уходящее кор-

Женское божество, вырезанное из основания лосиного рога

ФОТО АВТОРА

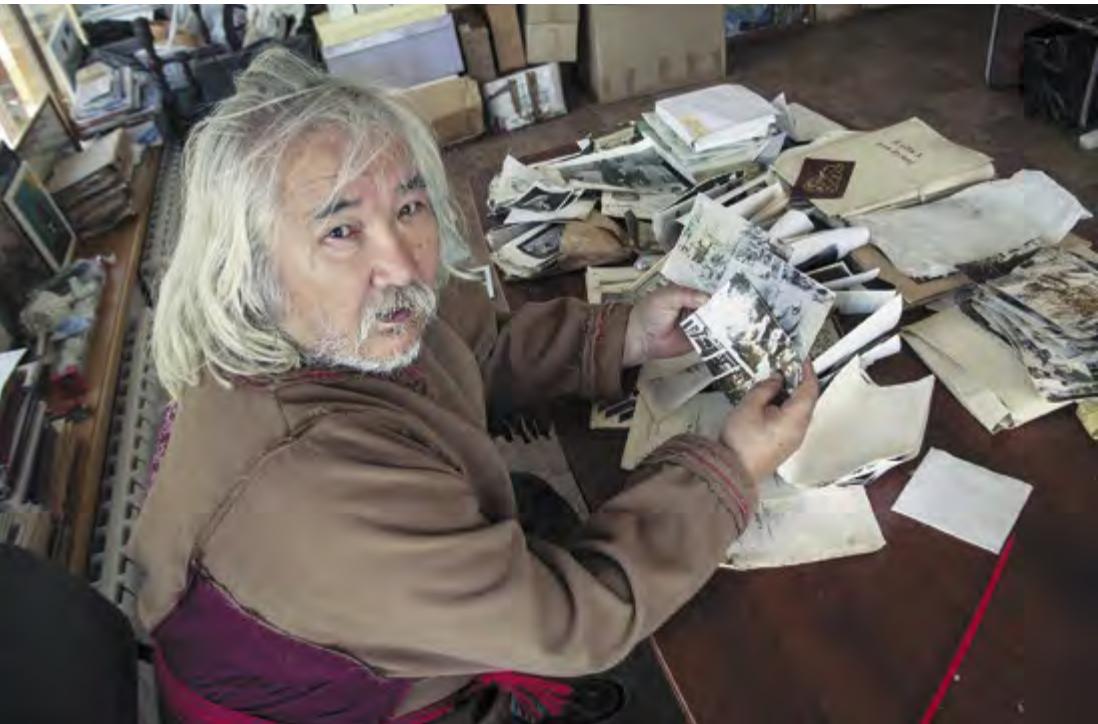

ФОТО АВТОРА

нями в подвал – это нижний мир, где хранятся воспоминания. А в верхнем мире над ветвями летит птица – по легенде, весь наш мир несет птица. Потом канитель с проектом такая началась – едва ли не косторезную фабрику хотели тут разместить. Один предлагает такую-разетакую лиственницу прислать, другой – искусственных мастеров окна сделать... Так двадцать лет музей возводили. А дом свой я и того более строю. Дом вообще-то всю жизнь строится, он как живое существо. Я его утром приветствую – «Доброе утро», вечером прощаюсь – «До завтра».

НЕТАТАРСКИЕ СНЫ

Север и его легенды – главная тема творений Минсалима: монументы нижнего мира, несущие на себе Землю; Медвежий праздник, где в качестве материала использована ритуальная кость с реального Медвежьего праздника у ненцев; картина мира из семи ступеней совершенства; священное дерево... Вообще-то на Севере многие деревья считаются священными: кедр, сосна, рябина, береза. Но само священное дерево – умозрительно, наподобие того, что хотел «посадить» Минсалим внутри всего

здания. «Священное дерево глазом не обять, и потому его хочется изобразить творчески», – рассуждает мастер.

Косторез погружен в этническую тему Севера с давних пор. Он участвовал в экспедициях Тюменского музея, самостоятельно ездит на религиозные и фольклорные праздники, общается с шаманами, художниками, сказителями... География путешествий обширная – от Кольского полуострова до Магадана. У разных народов Севера Минсалима принимают за свое – так родилась северная версия происхождения костореза.

– Манси говорят, что я – манси, ненцы – что ненец. Одни еще в 24 года мне рубашку с на-

О том, как общался с шаманом, одевшись в брезентовый балахон, косторез рассказывает, как будто это было вчера, а не сорок лет назад

Медвежий праздник у ненцев, запечатленный Минсалимом Тимергазеевым

ФОТО АВТОРА

циональным орнаментом подарили, другие – малицу на меня сшили. Родился я 28 января – в самый мороз. Говорят, когда я появился на свет, шаман взял меня за ноги и вынес из чума на холод – такое у них испытание на выживаемость практикуется... К тому еще разговор, что в детдоме мне совсем нетатарские сны снились: северные пейзажи, реки, озера. Все это я вспомнил, когда впервые путешествовал по Северу в 1971 году. Казалось, все это уже было со мной: по этой излучине ходил, по этому болоту... На болоте испытывал даже слуховые и зрительные галлюцинации, а затем и ощущение, что кто-то за мной следит. Северяне говорят, что это «куль» – болотный черт, и если ты растеряешься, будешь оглядываться, то оступишься – «куль» в трясину затянет.

О похождениях на Севере, участии в праздниках и камланиях у Минсалима сохранилась целая кипа фотографий. Когда мы встретились, он как раз занимался их разбором в своем кабинете в музее. Сокрушился, что большая часть снимков отсырела или сгнила от многолетнего хранения в гараже. Впрочем, сохранилось тоже много всего. В том числе снимки косторезов прошлых лет с ручным инструментом. Пилы, лобзики, резаки, втиральники – они же косторезные надфили, небольшие склянки для растворов – весь старинный обиход костореза Минсалим бережно хранит в музее. С любовью рассказывает о нем и о том, что с появлением на фабрике бормашин и циркулярных пил многие старые мастера уволились – в своих мастерских они до конца дней работали только ручным инструментом. А вот о вдохновении костореза Минсалим вопросы не любит. Хоть с ручным инструментом, хоть с бормашиной, хоть на фабрике или в своей артели – у Минсалима перводвигатель вдохновения один: «как раньше есть хотелось, так и сейчас хочется». Своеобразный такой творческий голод... ☺

МЕЧТА О КОНЬКЕ- ГОРБУНКЕ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

«ЕСЛИ ВАМ СКАЖУТ, ЧТО НЕТ НИЧЕГО ЯРЧЕ ЗВЕЗД НА НЕБЕ, НЕ ВЕРЬТЕ, – ГОВОРИТ КОНЕЗАВОДЧИЦА ТАТЬЯНА ЕФИМКИНА ИЗ РЯЗАНСКОГО СЕЛА АЛЕКСАНОВО. – ЯРЧЕ ВСЕГО СИЯЮТ ГЛАЗА ДЕТЕЙ, КОГДА ОНИ НАХОДЯТСЯ РЯДОМ С ЛОШАДЬМИ!» ТАТЬЯНЕ МОЖНО ВЕРИТЬ НА СЛОВО: ОНА В ОДИНОЧКУ СПРАВЛЯЕТСЯ С ТАБУНОМ ЛОШАДЕЙ НОВОЙ ПОРОДЫ, КОТОРУЮ САМА ЖЕ И ВЫВЕЛА.

РАННЕЕ УТРО, А В ДОМЕ Ефимкиных уже все на ногах. Мама Татьяны строго выговаривает дочери: ягнята не напоены, лошади не накормлены! 64-летняя Татьяна слушает 88-летнюю Тамару Федоровну, кусает губы и молчит.

Татьяна знает: лучше не перечить, а то снова начнется разговор о том, что всю свою жизнь она зачем-то потратила на разведение новой породы лошадей. Татьяна вздыхает и повязывает старый мамин платок. Длинный плащ, который она надевает,

явно с чужого плеча. Мама снова ее упрекает, а Татьяна улыбается: зачем покупать новые вещи, чтобы работать с лошадьми? Уж лучше принять от людей старые – их все равно не жалко. Выясняется, что с тех пор, как Татьяна вместо шубы купила лошадь и привезла ее домой, у нее не было ни одной обновки. Только книги покупала, до которых она охотница. «Вы не думайте, шапка у меня есть, – говорит Татьяна, заметив, что я разглядываю старый цветастый платок, – да только в шапке лопатой и вилами не поработаешь. Она на глаза сползает!»

Последний раз Татьяна надевала шапку, когда ездила в Рязань на прием к какому-то чиновнику. Об этой очередной бесполезной встрече Татьяна нынешним морозным утром тихо рассказывает соседке – Антонине Цветковой. Та выскочила на улицу на крики дерущихся кошек, испугавшись, что ее любимица Муся – участница побоища. Конюшни Татьяны, где содержатся 80 лошадок, излюбленное место всех котов и кошек с соседних улиц. Они забираются на крышу конюшень – там тепло из-за пара, поднимающегося от навоза. К тому же в сене множество мышей...

НЕЖНЫЕ ЛОШАДКИ

На снегу желтеют 30 тюков с сеном. 10 тюков – одна тонна. На всю зиму для табуна маловато, но на две недели хватит точно. А там привезут еще. И, возможно, найдутся добрые люди, помогут разгрузить...

Каждое утро Татьяне нужно переворошить вилами тюк, очистить его от снега и льда, выбрать сено почище и посуше. Татьяна поднимает на вилах сено, в глаза летит мелкий мусор. Антонина Цветкова отмахивается, вздыхает и говорит: «На первом месте должна быть

семья. А у нее – лошади». «Ничего не поделаешь, на то мы – Россия», – смеется Татьяна, подхватывая на вилы новую порцию сена. «А мы, значит, не Россия? Нет, просто ты – другая», – парирует Антонина.

В доказательство своих слов она начинает рассказывать, что со всего Алеканова только к Татьяне несут кошечки и собаки. Сама же Татьяна все время старается всех вокруг примирить. «И вы видите, до чего дошло? – горячится Антонина. – За последние годы в Алеканове шесть конюшн уже

С этого
начинается утро
конезаводчицы

появилось!» Кстати, село некоторые теперь в шутку Алекановом называют. Почти все владельцы лошадей в Алеканове прошли школу у Татьяны на ее конюшне. Бывало, жили у нее неделями. «Теперь им советы твои не нужны. Они умнее. Больше знают. Вот у Екатерины президентские гранты. А у тебя – навозная лопата», – втолковывает Татьяне подруга. Та лишь смеется в ответ. И рассказывает, что у Екатерины две замечательные рыженькие дочки. Потому ее иппоцентр называется «Солнышко».

Раньше Антонина помогала Ефимкиной в уходе за лошадками, чистила конюшни, а Татьяна разрешала ей конский навоз забирать – для огородов. Теперь на такие подвиги у 70-летней Антонины сил уже нет. Но лошадки ей по-прежнему нравятся. «Смотришь на них, – говорит она, – и какое-то умиление испытываешь. Они чудные. А как трутся друг о друга? Такая нежность!»

Нежность мы сами смогли оценить, когда пробирались сквозь табун во дворе. Никакого раздражения, никакого волнения, так что мы быстро позабыли про правила безопасности при общении с лошадьми: позади близко не вставать, к жеребцам спереди не подходить, не толкать животных. Добродушные низкорослые лошадки тянулись к нашим карманам в поисках лакомства. Сказка какая-то! Особенно если учесть, что у беломордых лошадок голубые глаза! Грифы – у кого стриженные, у кого длинные. Татьяна говорит, что времени не хватает всем подопечным грифы расчесывать, вот и приходится некоторым их стричь.

Двор явно маловат для табуна из 80 голов. Яслей на всех не хватает, Татьяне приходится сыпать овес прямо на землю. В таком стесненном положении она оказалась, когда решила увеличить поголовье, чтобы зарегистрировать новую породу – арабо-пони.

Зимой трава
не растет,
а кормить
лошадок надо

НОВАЯ ПОРОДА

Пять лет арабо-пони Клавдий, Люций и Свет катали детишек в Московском зоопарке. Голубые глаза лошадок приводили детей в восторг, арабо-пони пользовались огромной популярностью. Но со временем то ли от не слишком чистого городского воздуха, то ли еще по какой причине зрение у Клавдия, Люсии и Светы испортилось, работать в городе они больше не могли. Но, скажем, в КСК «Измайлово» арабо-пони катают детишек до сих пор...

Татьяна уверена: если бы родители позволили ей выучиться на историка, как она в свое время мечтала, то никаких арабо-пони в природе не было бы. Ведь до Ефимкиной созданием такой породы в России никто не занимался. Даже Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства признал заслуги жительницы Алеканова в формировании новой группы лошадей класса пони. А дело это было важным: в тот момент, когда Татьяна им занялась, отсутствовал промежуточный вариант между шетлендским пони и обычной лошадью для детей, занимающихся конным спортом. В мире такие «промежуточные» породы имеются, однако они слишком дороги. А арабо-пони Татьяны заметно дешевле. «Я не для аристократов старалась, а для обычных детей», – замечает Татьяна и посмеивается над званием «первопроходца», которое ей приписывают. Многие специалисты удивляются: ведь она в одиночку поставила уникальный эксперимент. Вот только новую группу лошадей класса пони Татьяна пока никак не может оформить как новую породу: слишком разнолановы арабо-пони.

Получив диплом зоотехника в Рязанском сельскохозяйственном институте, Татьяна вернулась в Алеканово. Вышла замуж. А к началу 1990-х осталась вдовой с маленькой дочкой и двумя пожилыми родителями на руках. В хозяйстве требовалась лошадь. Ефимкина скопила де-

Тесно
в маленьком
дворе...

На широкой
спине
арабо-пони....

нег, родным сказала, что поехала покупать шубу, но вместо этого отправилась в село Долгиново и привезла оттуда кобылу. А затем пошла по соседям спрашивать, не осталось ли у кого старой упряжи. Вместе с хомутами и удилами Татьяне вручи-

ли еще и кнуты. Но ими Татьяна никогда не пользовалась – так и гниют где-то без дела. На своей Лизе Татьяна и пахала, и односельчанам помогала.

А спустя четыре года огородила родных новой причудой. Как-то сотрудницы ВНИИ коневодства, расположенного в рязанском Дивове, рассказали Татьяне, что видели на конюшне завода химудобрений чистокровного арабского жеребца. Выяснилось, что это был Бунчук, отпрыск Песняра, купленного в 1981 году знаменитым американским коллекционером Армандом Хаммером за миллион долларов. Раньше Бунчук бегал пристяжным в тройке павильона «Коневодство» ВДНХ. Но затем заболел и оказался на конюшне завода химудобрений. Если бы не Татьяна, судьба коня была бы печальна: его ждала скотобойня. Ефимкиной удалось обменять арабского жеребца на 19 баранов и 3 овец, ее поголовье романовских овец тогда было одним из лучших в области. Стоимость тех баранов и овец равнялась годовому заработку Татьяны, но она до сих пор считает, что арабский жеребец обошелся ей дешево.

СЮЖЕТ ДЛЯ РОМАНА

Небогатая вдова с арабским скакуном в конюшне? В рязанском селе? Эта история кажется сюжетом для романа. Односельчане советовали Татьяне кастрировать жеребца и пахать на нем. Татьяна отмалчивалась, но жеребца выхаживала и лелеяла как младенца. В селе до сих пор судачат о том, как в лютые морозы Ефимкина заводила коня в дом и укутывала его одеялами. Как-то ночью Бунчук, стоявший у дивана, на котором спала Татьяна, нечаянно рассек ей зубами бровь. Это был единственный инцидент. Ничего больше Бунчук в доме не разбил и не сломал, стоял смирно.

А потом на Рязанском опытном конезаводе Татьяна купила нескольких шетлендских пони. И тут началось... В 1995 году во дворе у Ефимкиной появились маленькие милые лошадки, которых закрепленный за Татьяной куратор из ВНИИ коневодства назвал в своих описаниях «арабо-пони». Так начала сбываться детская мечта Татьяны о лошадке, которая стала бы верным и добрым другом. Таким, как Конек-Горбунок в сказке Петра Ершова. Сама того не подозревая, Татьяна Ефимкина из Александрова стала одним из первых частных коневодчиков в стране.

По этим узким улицам и выгоняется табун в поле

В 1999 году на конной выставке в Москве одного из арабо-пони Ефимкиной признали чемпионом России в классе пони. И даже тогда Татьяна не думала, что создала новую породу. В ответ на вопрос «Почему?» пожимает плечами и говорит, что занималась арабо-пони потому, что получалось. К тому же восторг от арабо-пони вытеснил все остальные эмоции. Да и не только она восхищалась маленькими лошадками, детям арабо-пони тоже сразу понравились. Понапачалу, когда она выводила пасты табун своих подопечных, из всех дворов Александрова с визгом налетала детвора целоваться и обниматься с лошадками.

Только одно печалит Татьяну: ради арабо-пони ей пришлось расстаться со своей Лизой. В тяжелый период обменяла она свою верную кобылу на сено для лошадок. Но вернуть не успела, у новых хозяев Лиза пала.

Хотя эта трагедия была не единственной. За четверть века, что Ефимкина занимается арабо-пони, маленьких лошадок у нее воровали, они терялись, погибали, тонули во время выпаса в болотах рядом с Александровом. Не раз Татьяна отчаявалась, но не сдавалась.

Редкие
минуты отдыха
отдаются книгам
и кошкам

«НАВЕРНОЕ, НЕ ЗРЯ ЖИВУ...»

Во время визитов в Алеканово главный регистратор ГПК шетлендских пони ВНИИ коневодства Надежда Купцова часто спорит с Татьяной Ефимкиной. У арабо-пони есть определенный рисунок, узнаваемый людьми. А Татьяна, когда ей хочется улучшить какую-то масть, «вливает» новую кровь, которая «портит» устоявшийся тип лошади.

Арабо-пони у Татьяны получались, как говорят специалисты, отменные. Жеребцов-пони Вильгельма и еще одного, породы аппалуз, она заполучила в обмен на несколько своих кобылук. Масть аппалуз ввести в арабо-пони Татьяне не удалось. А вот от Вильгельма появились в ее стаде лошадки чалой масти – уникальной для пони.

Как правило, новых лошадей Татьяна получает, либо обменивая их на своих арабо-пони, либо покупая совсем дешевых животных. Так, например, попала к ней чистопородная светло-рыжая шетлендская кобыла, которая не могла ходить. Вылечила ее Екатерина Царева.

Как-то Екатерина приехала в гости к подруге в Алеканово, увидела

арабо-пони и пришла к Татьяне. Хозяйке понравилось, что городская школьница имеет опыт работы с лошадьми, ухаживает за ними с удовольствием. Екатерина стала приезжать из города на все школьные каникулы. Помо-

В своих лошадках Татьяна Ефимкина видит образ сказочного Конька-Горбунка

гала пасти табун, искала пропавших лошадей. Участвовала в выведении породы. Татьяна почти не занималась заездкой молодых лошадей под седло. А у Екатерины был опыт оповаживания. Она же занималась племенными документами, до которых у Татьяны руки не доходили из-за растущего поголовья арабо-пони. Вместе еще с одной помощницей, Анастасией Козловской, Екатерина расчищала пони копыта. Помогала им Анастасия Волошенкова, родители которой купили в селе дом под дачу. Вместе с Татьяной девушки даже клички для новорожденных жеребят придумывали. Тамара Федоровна жаловалась юным помощницам на свою дочь, критиковала за страсть к арабо-пони и советовала бросить это бесполезное занятие. О том, что Татьяна, увеличивая табун, взваливает на себя непосильную ношу, девушки поняли, только позролев.

Екатерина отучилась, вышла замуж и вместе с мужем построила в Алеканове дом и конюшни, создала иппоцентр «Солнышко», в котором тоже есть арабо-пони. Анастасия Волошенкова открыла в Алеканове конный клуб с крытым манежем.

Екатерина Царева уверена в будущем арабо-пони

Два года назад Татьяна вплотную занялась регистрацией породы. Решение этого вопроса могло бы дать возможность господдержки. Для регистрации нужно увеличить поголовье кобыл. Табун увеличился, но до нужного количества не дороc: очень тяжело заниматься этим в одиночку. И вот несколько месяцев назад Татьяна, чуть не плача, продала часть лучших кобыл, чтобы прокормить остальных. Это значит, что зарегистрировать породу пока не получится.

Но годы-то идут... И сегодня Татьяне все тяжелее справляться со своими арабо-пони. Каждый день ей нужно поить и кормить лошадок, чистить конюшни, следить за здоровьем животных. А у нее на руках старенькая мама. Татьяна при-

знается, что иногда мечтает о том, чтобы передать свое дело в надежные руки. Времени ни на что не хватает. Даже на беседу с нами она согласилась потому, что на три часа отключили электричество. А как только его включили, извиняется и говорит, что ей пора работать. «Как вы всё это выдерживаете?» – удивляемся мы. Татьяна молчит, смотрит в сторону, а потом тихо говорит: «Когда мне звонят родители в слезах и говорят, что от общения с арабо-понильному ребенку стало лучше, то я думаю, что, наверное, не зря живу...»

ПОМОЩНИЦЫ

На темноглазом Танцоре красивый недоуздок – в цвет куртки Екатерины Царевой. Она смеется над таким совпадением: при

14 лошадях у нее нет возможности специально следить за подобными мелочами.

Танцору 15 лет. Он родился от Балерины. А Балерина – от того самого Бунчука и той самой Лизы. Арабо-пони Танцор десять лет после продажи был в Москве, а потом по стечению обстоятельств оказался у Екатерины. Когда она сообщила Татьяне, что Танцор нашелся и вернулся в Александров, Ефимкина прибежала к Екатерине, долго гладила жеребца и что-то ласково шептала ему на ухо.

Екатерина гордится, что знакома с таким человеком, как Татьяна. Говорит, что ее путь обычателью трудно оценить. Все воспитанницы Татьяны понимают, что с арабо-пони Ефимкину невозможно разлучить. И хотя Татьяна ни о чем не просит, они стараются ей помогать. Анастасия Волошенкова планирует на холодные зимние дни взять несколько самых слабых арабо-пони, чтобы облегчить заботы Татьяны. Она же помогает Ефимкиной с кормами. Анастасия Козловская по-прежнему помогает с расчисткой копыт. Екатерина Царева держит у себя нескольких лошадок Татьяны для оповаживания. А еще она договорилась об отправке части арабо-пони одному конезаводчику, у которого есть своя земля и просторные помещения. 8 жеребцов ему уже отправили... Кстати, в иппоцентре Царевой Танцор завоевал лавры лучшего лекаря. Екатерина считает, что у чистопородных пони по сравнению с арабо-пони слишком короткий шаг, что не очень хорошо для иппотерапии. А арабо-пони, по ее мнению, показывают прекрасные результаты. И нрав у них миролюбивый. Танцор позволяет детям держать себя за уши, толкать, не пугается их крика, они могут лежать на его широкой спине и даже переворачиваться. Другая лошадь уже запаниковала бы. «Характером весь в Татьяну Николаевну, – резюмирует Екатерина. – Такой же спокойный и добрый».

ОСТРОВ ЛОСЯ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИМЯ, КОТОРОЕ ЭТО МЕСТО ПОЛУЧИЛО ШЕСТЬ ВЕКОВ НАЗАД, ПОЖАЛУЙ, И ЕСТЬ САМОЕ ТОЧНОЕ: ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ. ПОЧТИ 13 ТЫСЯЧ ГЕКТАРОВ ОХРАНЯЕМОЙ ТЕРРИТОРИИ, СО ВСЕХ СТОРОН ОКРУЖЕННОЙ МНОГОМИЛЛИОННЫМ ГОРОДОМ. ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ, ГДЕ ОБИТАЮТ РЕДКИЕ ЖИВОТНЫЕ И ПТИЦЫ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ РОССИИ, РАСТУТ ТРАВЫ, ЗАНЕСЕННЫЕ В КРАСНУЮ КНИГУ, НО ЦАРСТВУЕТ, КОНЕЧНО, ОН – ОГРОМНЫЙ, ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ, УВЕНЧАННЫЙ МАССИВНЫМИ РОГАМИ, САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЗВЕРЬ НАШИХ ШИРОТ, С КОТОРЫМ НЕ РИСКНЕТ ИМЕТЬ ДЕЛО ДАЖЕ МЕДВЕДЬ. ЛОСЬ. КАК ЖИВЕТСЯ ЕМУ И ДРУГИМ ОБИТАТЕЛЯМ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА БОК О БОК С ЧЕЛОВЕКОМ?

НАБЛЮДАТЬ ЗА ПТИЦАМИ сюда лучше приезжать весной, а за животными – зимой. Не только потому, что на белом их разглядеть проще, чем среди веток и листвы. Кажется, что зимой

звери на время забывают, что они – дикие. Гонимые голодом, выходят туда, где заботящиеся о них люди приготовили кормушки с сеном и солонцы с каменной солью. Будто в знак благодарности, олени, лоси, кабаны не ухо-

дят в лес сразу, а дают разглядеть себя не только ветеринарам и ученым, но и обычным горожанам, у которых шанс увидеть обитателей Лосиного Острова в их естественной среде обитания почти равен нулю...

Мы приехали, когда животным только что положили в кормушки еду. Но первыми нас встречают не лоси – перекусить сеном к подкормочной площадке выходят пятнистые олени во главе с красавцем-вожаком. Стая тревожно поглядывает на стоящих в отдалении людей, готовая в любой момент сорваться с места, но в конце концов успокаивается и принимается за еду. «Олени очень осторожны, их основной инстинкт выживания – страх, стремление как можно быстрее убежать от опасности. Они знают, что, если люди подходят к ним со

стороны биостанции, опасности нет. Но если попытаться зайти со стороны Язы, стая сразу развернется и убежит», – объясняет сотрудник биостанции, экскурсовод Иван Юткин.

Пятнистого оленя завезли в Лосиный Остров с Дальнего Востока еще в начале 1970-х: тогда на свободу выпустили около 20 животных. С тех пор в национальном парке не было прилива «свежей крови», поэтому олени находятся под особым наблюдением ветеринаров. Замкнутые популяции – не вполне нормальное состояние для диких животных. Для оленей харак-

терны миграции, между разными популяциями должен происходить обмен биологическим материалом. Особо охраняемые территории обычно и создают коридоры между участками дикой природы – дрейф генов помогает избежать вырождения.

Чтобы не допустить генетических мутаций в национальном парке, ученые следят за здоровьем оленей. Зимой, когда стадо с территории Лосиного Острова приходит кормиться на биостанцию, животных отлавливают. Специалисты собирают у них образцы крови, шерсти, переносным аппаратом УЗИ тестируют работу щитовидной железы, почек, печени, сердца. После этого животному на ухо вешается бирка с порядковым номером, по нему заводят паспорт зверя, куда заносят все его показатели.

Но, несмотря на свою красоту, все же не олени главные обитатели национального парка.

Это – животные, давшие ему название. Лоси.

Напротив бывшего егерского дома, где расположились службы биостанции, начинается ряд вольеров. Они захватывают часть поля и уходят в глубину леса. Лоси – животные не стадные, поэтому на биостанции каждый представитель этого вида живет в отдельном вольере. Самцы здесь содержатся, только если им нужна медицинская помощь, здоровые особи очень сильны: взрослый лось легко перепрыгнет высокий забор и убежит. А вот обитательницы вольеров, кажется, не стремятся уходить далеко от людей. Красавица и умница Дина отдыхает неподалеку под березами, а любопытная Марго подходит прямо к изгороди и тянется к ладони бархатными губами.

В следующем вольере весь снег перемешан с песком – здесь вырыли себе лёжки кабаны. Дикие животные выгляднули из деревянного домика и, похрюкивая, подозрительно глядят на непрошеных гостей. Лосинный Остров живет своей обычной зимней жизнью.

Иван Юткин – добрый и заботливый друг питомцев Лосиной биостанции. Кормит, ухаживает, если необходимо – лечит

НА МЕСТЕ ЦАРСКИХ УГОДИЙ

Национальные парки в России стали создавать только с серединой 1980-х, и «Лосинка» стала второй по счету территорией с подобным статусом. Запертый с одной стороны Ярославским, с другой – Щелковским шоссе парк протянулся от Сокольников до Щелкова. Чуть менее трети территории Лосиного Острова находится в черте города, основная часть – в области.

С XVI века здесь располагались царские охотничьи угодья – так называемая «Лосинопогонная дача». Это сейчас территория Лосиного Острова в основном покрыта лесом, раньше же она была луговой, с небольшими островками рощ. Псы выгоняли лосей – самую крупную местную дичь – на открытое пространство и гнали их на охотников. До середины XIX века охотничими угодьями были и находящиеся в Лосином Острове болота в истоках Яузы, там охотились на водоплавающую птицу.

На территории Лосиного Острова берет начало и первый московский водопровод, который доставлял в столицу питьевую воду. По преданию, Екатерина II ехала в Троице-Сергиеву лавру и остановилась у Мытищ «испить чайку». Там ее напоили мытищинской родниковой водой. Угощение так понравилось императрице, что она издала указ – «быть мытищинской воде в Москве», это и послужило началом строительства Мытищинского водопровода.

Национальным парком Лосинный Остров стал в 1983-м. Долгие годы здесь был большой леспромхоз, а животные просто жили на его территории. В исторической части Лосиного Острова леса сохранились практически в нетронутом состоянии. Здесь есть и хвойники, и березовая Алексеевская роща, и сосняки, и липняки. Одна из главных целей, ради которых создавался национальный парк, и заключалась в том, чтобы сохранить нетронутым этот уголок дикой природы – насколько она может

Сено – обязательная составляющая зимнего рациона оленей. В холода нужны дополнительные калории!

быть дикой в 8 километрах от Кремля.

Лосинная биостанция была открыта здесь в 2002 году. В советское время за порядком в Лосином Острове следили егеря. В 1980–1990-е годы посторонние свободно гуляли по всей территории национального парка. В это время охраной лосиноостровских животных занималась егерская служба. Но в начале 2000-х егерь упразднили, а в доме егерской службы расположилось управление биостанции. Сегодня часть Лосиного Острова недоступна для посторонних, но на территории национального пар-

ка есть несколько объектов, которые, как и биостанция, открыты для туристов.

Биостанция была создана для помощи диким животным, в первую очередь лосям. Она стала пунктом передержки, где животные проходят реабилитацию. Животные из Лосиного Острова уходят не только в подмосковные леса, но и в Вологодскую, Тверскую, Костромскую области. Однако дикие обитатели биостанции порой так сильно привыкают к людям и вкусной и доступной еде, что возвращаются, даже если их выпускают в дикую природу.

Подкормочная площадка Лосиной биостанции. Зимой ежедневно сюда приходит до 100 диких оленей

Семилетний
самец –
вожак большого
семейства
маралов.
Зрелый,
сильный,
в прекрасной
форме

ОПАСНЫЙ ГОРОД

Лоси достаточно спокойные животные. Исключение составляют два периода. Первый – когда у лосих в мае рождаются детеныши и мать будет любыми способами защищать территорию, где прячутся лосята. Второй – конец августа, брачный период. Тогда агрессивными становятся самцы, воспринимающие человека как конкурента.

В отличие от оленя лось не боится человека и может выйти за границы национального парка – в городскую застройку. Сейчас у людей поменялось отношение к диким животным, отмечает научный сотрудник, ведущий орнитолог Александр Солоха. Горожане радуются, когда по окраинам национального парка бродят лоси, бегают лисицы, и пытаются их прикормить. «Люди у нас добрые, но добро-

та эта дикая», – невесело констатируют сотрудники Лосиного Острова. Вот лось вышел зимой в город, стоит, объедает кустарники. Видя это, прохожие начинают за него переживать: «Бедное животное голодает, ест замерзшие ветки». Им и в голову не приходит, что ветки – естественный корм, которым лось питается зимой. Он объедает кору, побеги, а из сухих трав интересуется только лечебными. «Сердобольные» наблюдатели начинают подкармливать зверя. Носят лосям овощи, фрукты, булочки. Лосю такой едой пытаться нельзя. В крайнем случае его можно подкормить подсущенным черным хлебом с солью, а от дрожжевого теста в желудке у животного начинается брожение, он заболевает. Люди же спорят, что ему лучше принести – пирожки с сосисками или пиццу, расска-

зывают о безграмотности горожан сотрудники биостанции.

Но даже если побывавшее в городе дикое животное не отравится, его потом все равно придется отправить на реабилитацию. Сотрудники вспоминают, как несколько дней пришлось выслеживать лося, который бродил по Измайлову. Лось гулял по небольшому огороженному скверику в районе Измайловского парка. Люди, увидев лося, подходили к нему, кричали, пытались подъехать на велосипедах, сфотографироваться, почесать за ушком, сесть верхом. В конце концов напутанное избыtkом внимания животное перемахнуло через забор и ушло в сторону Измайловского лесопарка. Лось пересек шоссе Энтузиастов – хорошо, что рядом оказался сотрудник ГИБДД, который остановил поток машин. На сле-

дующий день беглец вальяжно разгуливал по Измайловскому лесопарку, потом вышел к Вешнякам, откуда его и забрали на конец сотрудники биостанции. Такие случаи происходят регулярно. В 2010 году ветеринары вывозили из Москвы лосиху, которая забрела в депо Казанского вокзала. Часто лоси заходят на территорию институтов МИСИ и РГСУ, которые примыкают к Лосиному Острову. В 2006 году лосиха забежала в гаражный кооператив между станциями Лось и Лосиноостровская. Лоси часто ходят по Королеву. Этот город Московской области граничит с Лосиным Островом, и на территории национального парка есть участок, где проходит Акуловский водоканал; вдоль канала нет ограждений, и животные беспрепятственно мигрируют из леса в город.

За пределы национального парка лоси выходят по пять-шесть раз в год. А на территории парка их можно увидеть на Бумажной просеке, пересекающей его от улицы Проходчиков до Лосиноостровской. Там гуляет много людей, а лоси лежат рядом с тропой и, кажется, не слишком боятся прохожих.

На территории национального парка жила лосиха по кличке Малышка. Она была дикой, но приходила зимовать на биостанцию. Возвращалась в конце ноября, всю зиму паслась около кормушек, а с конца марта на все лето уходила в подмосковные леса до города Щелкова. В соцсетях была фотография, рассказывает Иван Юткин, на которой Малышка стоит на крыльце магазина «Магнит», а выходящие из дверей люди кормят ее овощами.

ОПЕРАЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ

Но рано или поздно заметившие лося люди звонят в службу спасения 112, а те, в свою очередь, обращаются на биостанцию, и ее сотрудники отправляются к месту происшествия. Сначала выезжают инспектора оперативно-патрульной службы. Они проверяют информацию и пытаются скординировать усилия всех сторон, занятых спасением животного. Привлекают городские службы, полицию; их задача – ограничить движения зверя, чтобы местные жители меньше пугали его.

А потом лося предстоит вернуть в естественную среду обитания. Однако это большое, сильное и дикое животное невозможно, как лошадь, завести в перевозку и транспортировать. Сначала ему делают укол миорелаксанта и только потом грузят в прицеп.

Лосиха Марго – на страже своей территории

Часто подъехать вплотную к усыпленному животному невозможно, и ветеринарам приходится нести его до машины на растянутом брезенте на руках.

Выход в город для лося всегда стресс, и пережившее его животное может не справиться с нагрузкой при перевозке. Препараты, с помощью которых обездвиживаются животные, это мягкие снотворные, поэтому лось спокойно засыпает и плавно просыпается. Но неизвестно, не получил ли он травму, пока в панике метался по городу, не потянул ли связки, не вывихнул ли сустав, пока его грузили в машину.

Помимо стресса от контактов с людьми и расстройства желудка от их избыточной заботы еще одна опасность для лося – оживленные магистрали. Сотрудники принимают все возможные меры, но не могут полностью защитить животных. Для лосей автомобильные аварии почти всегда – смертный приговор. При столкновении с машиной лоси получают переломы ног, кости у взрослых животных не срастаются, и они погибают. Молодых же лосят с поврежденными конечностями, если их обнаружить вовремя, еще можно спасти. На сломанную ногу ста-

Кабаны очень любят свое жилище. Особенно в морозы. Фрося проводит там весь день

вят аппарат Елизарова, ежедневно промывают и обрабатывают рану, чтобы не допустить нагноения. И хотя подобное лечение трудоемко, потом лосята смогут жить в дикой природе.

Под наблюдением ветеринаров биостанции животных лечат, откармливают, выхаживают – это называется передержкой. В это время лоси живут на биостанции в вольерах. Животные находятся на биостанции до полного выздоровления, после чего их снова выпускают на волю.

Заблудившиеся лоси, кстати, не всегда попадают в город именно из Лосиного Острова, иногда они забегают туда из подмосковных лесов. А вновь выпускают их на волю всегда на территорию национального парка. Эта капля «свежей крови» разбавляет генофонд местной популяции, однако целинаправленно в национальном парке животных не разводят. Территория Лосиного Острова ограничена, на ней не может прокормиться большое количество животных, поэтому их поголовье здесь не меняется годами. В Лосином Острове живет более 50 взрослых лосей, порядка 180 пятнистых оленей и 80 кабанов. Из года в год рождается молодняк, естественным процессом идет и убыль животных.

ЛИСЫ ВМЕСТО СОБАК

Как и пугливый олень, кабан тоже редко выходит к людям. В основном это происходит в дачных поселках, где люди оставляют неубранными остатки пищи и невольно прикармливают зверей. А вот лисица в городе – частая гостья. Лисы с удовольствием роются в свалках, а иногда люди специально прикармливают зверей. Например, в пригороде Королева в 2018 году поселилась лисица – люди ее приручили шашлыками. На окраине Королева есть место, хорошо известное окрестным жителям, – 106-й квартал Мытищинского лесопарка, так называемые «Коржевские культуры». Эта территория относится к Лосиному Острову. Там в лесу идут параллельно

Кабан Степан всегда не прочь перекусить. Завтрак правильный – каша из дробленой пшеницы и кукурузы. Сытно и полезно

друг другу асфальтированная и грунтовая дороги. По грунтовой дороге пролегает граница Лосиного Острова. Она отмечена знаками, запрещающими разводить открытый огонь. Но местные жители нашли выход: отдыхают в самом парке, а мангалы вытаскивают ближе к асфальту. Они готовят мясо за пределами Лосиного Острова и не нарушают закон, но оставляют кусочки мяса, за которыми приходят лисы.

В поисках еды животные выбирают за границу национального парка и обосновываются в городе. Недавно рядом с цветочным хозяйством в городе Королеве рыжая хищница выкопала нору и родила лисят. Естественно, мать научила детенышам искать пищу у людей. И когда лисята на следующий год подросли, они уже самостоятельно бегали вдоль аллеи одного из парков Королева, подбирая человеческую еду.

То, что лисы начали чаще забегать в города, стало одним из последствий борьбы с бродячими собаками. Собак вывели, а их место благополучно заняли лисы. При этом вылавливать лисиц в городе очень тяжело – они хитрые и избегают встреч с людьми. Более того, когда сотрудники МЧС изымают лис из города, они вынуждены использовать средства, которые могут травмировать животное. И даже если удастся поймать щенков, а мать останется в городе, лисятам без нее в дикой природе не выжить. В этом случае их тоже привозят на передержку в специальные организации.

Не только люди могут быть опасны для лис, но и лисы могут стать опасными соседями – именно они являются переносчиками бешенства. Лосиный Остров граничит с несколькими крупными городами – Мытищами, Королевом, Балашихой, Щелковом и, конечно, Москвой. Поэтому два раза в год сотрудники национального парка раскладывают возле лисьих нор и троп приманки с вакциной, чтобы зверь мог найти ее и съесть.

Бирка в ухе – паспорт здоровья. В нем все данные о состоянии животного

ЗАПОВЕДНЫЕ БОЛОТА

На территории национального парка начинается река Яуза, здесь располагается уникальный водно-болотный комплекс. Мытищинские плавни, западная часть которых находится на территории Лосиного Острова, одно из самых крупных охраняемых водных угодий в Подмосковье. Когда-то здесь были Яузские болота, и историческое название этой местности сохранилось до сих пор. И хотя сама Яуза начинается в 5 километрах отсюда, эта территория относится к Верхней Яузе – здесь проходит русло реки. Раньше эта местность была

подтоплена, но к 1980-м годам торф выработали, и на месте болот образовались заполненные водой карьеры. Сложился озерный комплекс – с обширными плавнями, зарослями тростника. Верхней Яузский водно-болотный комплекс служит примером того, как даже по соседству с мегаполисом можно сохранять ценное водное угодье. Здесь обитает множество водоплавающих птиц, бобры и ондатры. Но главная достопримечательность болот – крупнейшая в Московской области колония озерных чаек. Птицы находятся на территории Лосиного Острова в течение

Лосиная биостанция – флагманский эколого-просветительский центр национального парка

Заповедная
территория
Лосиного
Острова.
Отсюда стартует
уникальная
экологическая
тропа над
Яузскими
болотами

двух месяцев. Гнездятся, выводят птенцов, а потом улетают. Помимо чаек на Верхнегузских болотах насчитывается до полутора тысяч птиц других видов, в том числе серый гусь, красноголовый нырок, чернозобая гагара, красношапочная поганка.

Каждый год ученые Лосиного Острова делают новые открытия. Например, в 2020 году они обратили внимание на долгое пребывание в Мытищинских плавнях лебедей-шипунов. Это были дикие, не прирученные человеком птицы. 39 особей прожили в Лосином Острове до начала декабря. Даже когда плавни начали покрываться льдом, они пытались здесь задержаться. И хотя в конце концов им пришлось улететь, это была первая зафиксированная орнитологами попытка лебедей-шипунов остаться на зимовку в Московской области.

Лосиный Остров – территория, где природу не только охраняют, но и интенсивно изучают. Помимо сотрудников парка эти исследования ведут ученые Института географии и Института лесоведения РАН. Они наблюдают за состоянием природных сообществ, в частности за уровнем загрязнения атмосферы. Индикаторами загрязнений на московской части национального парка уже много десятилетий считаются лишайники. В определенных условиях одни лишайники выживают, другие погибают или переходят в угнетенное состояние. Среди них есть виды, которые являются естественными индикаторами и непосредственно указывают биологам на пятна загрязнений, возникающих на территории Лосиного Острова. В России ученых, исследующих лишайники, можно пересчитать

по пальцам. Один из них, доктор биологических наук Алексей Васильевич Пчелкин, уже много лет занимается лишайниками ближнего Подмосковья. Его поле исследований – московская часть национального парка, где влияние загрязненной атмосферы наиболее сильно. Исследования лишайников-анабионтов помогают понимать состояние природных комплексов и, при необходимости, разрабатывать меры по их защите. Ведь от этого зависит жизнь всех живых существ, населяющих Лосиный Остров. Сможем ли мы сохранить обитающих в национальном парке и занесенных в Красную книгу северного сорокопута и скопу, орлана-белохвоста и зеленого дятла, европейскую норку, орешниковую соню и десятки других диких животных и птиц? Мы, люди, не самые лучшие соседи для них... ●

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В ВЕЛЬЦАХ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ДОРОГА, ПЕТЛЯЯ МЕЖДУ ДЕРЕВЯННЫМИ ДОМАМИ, ТЯНЕТСЯ ВВЕРХ. СЕЛО ВЕЛЬЦЫ СТОИТ НАД РЕКОЙ ПОДЮГОЙ. В ЦЕНТРЕ УСТАНОВЛЕН ПАМЯТНИК УЧАСТНИКАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕСТЬ АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА. ПРАВДА, АВТОБУСЫ СЮДА ДАВНО НЕ ХОДЯТ. ОБЩЕСТВЕННЫМ ТРАНСПОРТОМ В ВЕЛЬЦЫ НЕ ДОБРАТЬСЯ, ТОЛЬКО НА ТАКСИ. НА НЕМ Я И ПРИЕХАЛА, ЧТОБЫ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТАИНОЙ ЖУКОВОЙ – ИЗВЕСТНОЙ В ОКРУГЕ ХРАНИТЕЛЬНИЦЕЙ ДРЕВНИХ ОБРЯДОВ, СОЧИНТЕЛЬНИЦЕЙ И ПЕВУНЬЕЙ.

СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ВЕЛЬЦЫ основаны семьсот лет назад, некоторые утверждают, что даже раньше. Здесь была крепость, в которой, по преданию, жило племя чудь или, как их еще называли, «чудо-люди».

Всего полвека назад это было одно из крупнейших по числу жителей село в Конешском районе Архангельской области. Сейчас осталось 65 человек, в основном старики. Улицы узенькие и кривые; деревню возводили «каменкой» –

то есть каждый строил дом там, где хотел. Поэтому №9 и №18 оказались рядом. Один – светло-салатового, другой – светло-сиреневого цвета. В них живут сестры – Таина Семеновна Жукова и Валентина Семеновна Буянова. Таина старше, и дом у нее попросторней. Посреди дома большая русская печка. Хорошо сидеть на кухне, смотреть на огонь и разговаривать с хозяйкой.

– Я родилась в 1949 году. Всю жизнь тут и живу, – рассказывает Таина Семеновна. – Имя мое придумал папа. Оно мне сперва не нравилось. Я спрашивала отца: «Пошто меня так назвали?» А он шутя отвечал: «Ты родилась в оттепель, все таяло, вот ты и стала Таей». А сейчас всем имя нравится, и мне тоже ничё. Говорят, оно какое-то таинственное...

С любого конца деревни видна старая лиственница, которой уже более двухсот лет. Ее посадил один из предков Таины Семеновны. Она хорошо помнит свое детство и немудреный быт. Кровать в доме была одна, на ней спала мать с младшим ребенком – в семье родилось 11 детей, выжили лишь шестеро. Остальные ложились на дощатые «приостки». Раскидывали на них тюфяк из домотканого холста, набитый сеном или соломой. Под голову подкладывали что-нибудь из одежды. Зимой в избе держали кур.

Родительский дом сохранился, правда, теперь в нем живет другая семья.

В 1956 году Таина пошла в школу. Как раз тогда в Вельцах провели электричество. «Все ждали и боялись, – вспоминает она. – Не верили, что лампочка, такая маленькая, сможет светить. И вдруг загорелась! И мы захлопали в ладони. Это такая радость была».

Керосиновую лампу, висевшую над столом, заменили электрической. Саму лампочку берегли. Вечером говорили: «Погодите свет включать, сперва зажгите керосиновую.

Большие потемки будут, тогда включите».

Хлеба было в достатке. Мать варила грибной суп или пшеницу – жидкую крупяную кашу. Большую дымящуюся миску ставили на стол, и все из нее черпали ложками. Чай наливали каждому в блюдечко, рядом клали по конфете-«подушечке» или по кусочку сахара. Тому, кто отказывался от чая, не полагалось ни «подушечки», ни сахара.

– Один кусочек съешь, за вторым потянемся, а отец говорит: «Чай выпила? Нечего сахар сухо ести. Это не еда, если хочешь ести, хлеба возьми», – вспоминает Таина Семеновна. – Папа рубил лес, на обед с собой брал хлеб. Весь не съедал, приносил в кармане ма-

По одной из версий, слово «вельцы» произошло от названия рыбы – елец. В реке Подюге ельцы водились в изобилии

День начинается с похода по воду

ленький кусочек и отдавал нам: «Белочка вам послала гостинец». Хлеб был замерзший, мы его у печки отогревали и ели... От белочки же! Но ведь если бы сытые были, разве стали бы такое есть?

Держали корову, с ней было не просто. Родители Таины не работали в колхозе, поэтому им не полагалось ни покосов, ни земли под огород. Отец с другими рабочими из лесопункта оборудовали себе участки в лесу, на месте вырубки, далеко от деревни. Выкорчевали пни, распахали и засадили землю картошкой. Когда стояла хорошая погода, украдкой по болотам и опушкам всей семьей косили сено. Когда его не хватало, мелко рубили хвою и кормили ею скот.

В деревенском магазине мало что было, поэтому, накопив денег, ехали за покупками в Ленинград.

– Однажды папа привез целый мешок сушек, нанизанных на веревки. Мы их называли «крендели». Нашей радости не было предела – щас будем сушку долго ести! И ведь нам не давали ее наесться досыта, – вспоминает Таина Семеновна. – Отец говорил: «Это не хлеб, это сушка». Ее ломали в чай. Или мама крошила в молоко и ставила в русскую печку. Крендельки распухали... Это лакомство было.

Одежда и обувь переходили по наследству от старших к младшим. Из старых фуфаков выпарывали вату, пряли и вязали носки и рукавицы. Вещи получались не особо теплые, но все лучше, чем ничего.

– Еще помню, папа приносил карамели с повидлом в коробке. Они были растаявшие, прилипшие к бумаге. Мы ложкой соскальзивали с нее сладкую темную массу и ели, спрашивая маму: «Это шоколад?» Трудно жили; как мама говорила: «Ой, не жили, а небо коптили». Мы были маленькими, но уже все понимали и не просили невозможного... Довольствовались тем, что есть...

ГДЕ РОДИЛАСЬ, ТАМ И ПРИГОДИЛАСЬ

Родители не хотели, чтобы дети работали в колхозе. «Ой, уходите, в деревне не оставайтесь!» – говорила мать. Таина поступила учиться в Конюшево на курсы медсестер. Но все же вернулась домой: после окончания учебы ей предложили заведовать в Вельцах детским садом-яслими.

– Мне бы не дали это место, но тогда из-за врачебной ошибки умер отец, и медики чувствовали свою вину, – объясняет Таина Семеновна. – Он 12 раз был ранен на войне, контужен, дошел до Берлина, а умер – от столбняка. Поранился. А фельдшер в медпункте не сделала прививку. На виновную – молодую женщину, без мужа растившую двух маленьких детей, – завели уголовное дело. Требовалось заявление родственников умершего.

– Мы не стали ничего писать, – вздыхает Таина Семеновна. – Отца все равно не вернуть, а человека бы испортили судьбу, двое детей остались бы сиротами и пошли в детский дом. Она же не специально это сделала... Детей в деревне было много, в ясли их отдавали с 2–3 месяцев. Матери в основном работали в поле; к 11 часам приходили покормить грудных детей и перекусить сами. Затем возвращались на работу. В остальное время дня воспитатели поили малышей коровьим молоком из бутылочек. Носили его ведрами с фермы и кипятили.

Вскоре Таина вышла замуж за односельчанина. Родила первенца. В 2 месяца мальчик заболел, начал задыхаться. Поставили диагноз – сердечная недостаточность. Мать с сыном направили в архангельскую областную больницу. Только там ребенка не спасли, а вдобавок ко всему заразили инфекционной пневмонией. Похоронили его семимесячным.

Второй сын родился весом 4,5 килограмма. Настоящий богатырь. Вдруг перед самой выпиской его не принесли кормить. Таине сказали, что он умер.

Таина Семеновна
Жукова

Через несколько лет в том же Конюшевском роддоме Таина родила девочку. Тогда она и узнала правду о сыне. Оказывается, медсестра несла его кормить и уронила. Мальчик умер на следующий день. Дело замяли.

Работа отнимала у Таиной много времени и сил. Она при необходимости замещала воспитателей, а еще занималась всеми документами, продуктами, прачечной, даже заготовкой дров, которые рубили родители, а она перевозила на лошади. Уже подрастали пятеро своих детей. Дома мальчики, на работе – тоже... Отдав саду тринадцать лет, она ушла работать на ферму. Работала с четырех утра до позднего вечера. Физически тяжелее, зато душой отыхала от административной работы.

– Говорят, из-за худого и хорошее подойдет. Я не жалею, что на ферме трудилась семь лет, – зато пенсию хорошую заработала.

Потом Таина устроилась почтальоном. Разносила по соседним деревням письма, газеты, посылки. Они весили прилично, но это было уже ничто по сравнению с тяжестями, которые Таина ворочала на ферме. Работа нравилась тем, что приходилось много общаться с людьми и ходить через лес. В то же время она начала писать стихи.

– Утром выхожу, а за деревней солнышко поднимается. Возвращаюсь ближе к вечеру, оно садится, красное, живописное... И слова у меня сами выходят... Я сейчас думаю: как я раньше все успевала? И работала с утра до ночи – у меня стаж 34 года, пятеро детей, а еще хозяйство. Две коровы, телята, овцы, два поросенка, лошадь, птица, огород... Давно ли это все было? Все было, и все уже прошло...

А медицинская практика ей пригодилась на всю жизнь. Если кто-то в деревне заболеет, идет к Таине. Она знает, как и какими травами лечить, сделает укол, может определить, что за травма – ушиб, вывих или перелом.

«Ой, подруга
дорогая,
ты вдова
и я вдова.
Жизнь-то
очень б хороша,
да замучили
дрова» –
в репертуаре
группы
«Частушка»
не случайно есть
такая припевка

ДЕДУШКО-СОСЕДУШКО

Кладбище находится на лесном пригорке. Его хорошо видно из деревни, особенно когда лучи восходящего солнца выхватывают из тени деревьев голубые оградки и кресты. Сейчас они почти все занесены снегом.

— Я утром смотрю на хозяина своего и разговариваю с ним, поминаю. Вон, отсюда видно его памятник, — стоя у окна, указывает на могилу мужа Таина Семеновна.

Свадьбы в Вельцах не играют давно, новорожденных детей тоже нет. Из ритуалов востребованы сейчас лишь похоронные.

— Кому-то ведь надо этим заниматься. Я еще молодая была, незамужняя, когда меня баба Тася начала учить. «Ты памятная, проворая (умная), запоминай, в деревне все пригодится», — говорила она.

Таина Семеновна следит, чтобы все было исполнено по правилам старинного обряда. Например, мужчине в карман опускают деньги, чтобы он на том свете откупился, рассчитался за прожитую жизнь. Женщине не кладут ничего, она приходит с молитвой; считается, что ее и так примут.

— Так говорят, а там — бог знает как, — замечает Таина. — Я спрашивала старух, а пошто так дела-

ют. В деревенском музее

Как молоды мы были...

ют. Но они сами не знали: мол, так всегда было принято.

Издавна почти каждая сторона деревенской жизни связана с обрядом. Взять хотя бы скотину, от которой зависело благосостояние семьи. Ветеринаров поблизости не было, привозить — дорого, поэтому старались обходиться своими силами. Ну и «подстраховывались», конечно. В Вельцах до сих пор этим не пренебрегают. «Страховкой» заведует все та же Таина. Например, к ней шли, когда надо было впервые ввести купленную корову или козу в хлев.

— Я захожу спиной и ее задом веду, приговаривая: «Дедушко-соседушко, прими мою скотинку. Как меня принимаешь, так и скотинку мою прими». Привязываю, хлеба ей даю и хлебом ее гляжу, чтобы дедушко-соседушко — мы так домового зовем — полюбил ее. Чтобы его задобрить, в уголочке

оставляю и для него хлеб. Вот говорят – да что там скотина, ерунда, а ведь все непросто. Порой даже бывает другая масть не ко двору, например белые коровы живут, а черные – нет. Видимо, соседушко не любит, не принимает. Когда-то к Таине ехали с подобными просьбами из соседних сел. Сейчас по поводу обрядов, связанных со скотиной, обращаются редко. Мало у кого она есть. Да и у самой Таине остались лишь куры, кролики и коза с козленком. Долгое время она единственная в своей деревне держала лошадь и корову.

– Я неправлялась уже. Я ревела, вернее, выла, когда продала корову. Мне страшно было в хлев входить – кормилицы нет. Осталась лошадь. Думала, с ней-то уж не расстанусь. Она очень понятливая была, я с ней разговаривала. А лошади пьют много, каждый день надо было привести по несколько фляг воды. Одна фляга –

После утренней
доеки

Даже небольшое
хозяйство
отнимает много
времени и сил

40 литров. Зимой – на санках, летом – на тележке или ведрами. Она пила все теплое, поэтому я печку все время топила. Нужно заливать комбикорм, картофельные очистки и многое что еще делать... А я одна... Пришлось и ее продать. А она как чувствовала. Ее выпустили, а она стоит, не бегает, ушами шевелит... Я ее гляжу, а у нее слезы катятся... И я реву... Ей хлеба вынесла, она смотрит на меня и не берет. Обиделась, что я ее продаю.

СУСЛОВ ДЕНЬ

– Храни, милый, бог с тобой, печка! – шепчет Таина, отправляя в огонь одно полено за другим. Таина с раннего утра на ногах, подоила козу, накормила кроликов и кур.

– Сейчас печка прогреется, пироги будем пекчи, – говорит она. – Я в пять встала, тесто повторила. Есть такое поверье – надо пекчи всегда с душой, тогда пироги получатся. А если нет настроения, то лучше не делать, только муку испортишь.

Пироги в Вельцах пекут разные: губники, заспинники, ломотники, рыбники, поливахи... Пекли их по церковным праздникам, которые сейчас в селе отмечают так же, как и во времена прадедов. Советская власть по сути не внесла никаких изменений, да и по форме – тоже мало.

На Рождество по домам ходили ряженые или, как их еще называли, наряжухи. Мужики оде-

вались бабами, а бабы – мужиками, кого-нибудь наряжали чертом либо цыганом и так веселили народ. Кто-то изображал покойника, ему обсыпали лицо мукой и возили по деревне, будто прощались. Заносили в какую-нибудь избу, плакали над ним, причитали, а он вдруг вскакивал и всех пугал.

На Пасху, понятно, красили луковой шелухой яйца, и все ходили по деревне и ими «бились». На Троицу вырубали березки, устанавливали их у крыльца, и они стояли, пока не завянут. И на них каждый старался накинуть платочек. «Кто выше забросит, радовался – что будет лучше жить. К этому все сходились, – рассказывает Таина. – Бог знает, чего ждали, сами не знали чего, но чего-то лучшего»...

Через две недели после Троицы в Вельцах отмечают Суслов день. На этот праздник всегда собирались много народа. За деревней разводили несколько костров и в больших котлах готовили сусло из проросшей ржи, добавляли хмель, и получался напиток типа пива. Его до сих пор варят в Вельцах к Суслову дню, как и белый пшеничный кисель. Обычай привлека-

ет в село не только окрестных жителей, но и туристов.

Раньше на таком гулянье непременно дрались. Местные с приезжими или одна улица с другой. Если повода не было, то его искали. Неважно какой, лишь бы «зацепиться». «Если драки нет, так и праздника нет», – говорили старики. Сейчас обходятся песнями, плясками, частушками под гармошку. В каждом доме застолье. Вечером шли в клуб, сейчас он закрыт, поэтому все выходят на улицу, и веселье продолжается.

Сестры Таина и Валентина в этот день выступают перед односельчанами и гостями. В 1980-е годы они с подругами создали фольклорную группу «Ившушка». Валентина стала ее руководителем.

Бабушкины
пироги самые
вкусные

Рыбник
на подходе

Исполняли старинные народные песни. Тогда в селе было много молодежи и еще были живы люди, которые помнили, что и как пели и танцевали их предки. – Когда я на репетицию собиралась, свекровь – а я сорок лет с ней жила – ворчала: «Видно, не устала, раз пошла плясать!» – рассказывает Таина. – А для меня это было отдушиной, я отдыхала от всего – от семьи, от хозяйства, от детей, от работы. Душой отдыхала.

Сейчас в их фольклорном коллективе пять человек. Группу переименовали в «Частушку», потому что стали больше сочинять и петь сатирические прибаутки и припевки. Темы разные – про любовь, про родное село, про развалившийся леспромхоз, перестройку, выборы... Иной раз актерам говорят: «Не пойте критических частушек, начальство в первых рядах сидит». А они все равно поют. «Пусть слышат!» – говорят.

Костюмы, в которых выступают участники ансамбля, они шьют сами. На ногах – лапти, ведь они были самой ходовой обувью в деревне. Еще в 1960-е годы их надевали на сенокос. Сейчас лапти заказывают в соседнем селе. Изнашиваются быстро. Хорошо, если удается найти спонсоров, готовых оплатить очередную партию, чаще приходится рассчитывать на собственную пенсию.

А недавно Валентина и Таина создали в деревне небольшой музей. Экспонаты для него начали собирать еще в конце 80-х. Сначала кто-то принес ткацкий станок – выбросить было жалко, кто-то – лульку, кринки, чугуны... Тогда решили выделить в клубе краеведческий уголок и старинную утварь уже стали искать специально. Постепенно здание клуба совсем обветшало. Хранить экспонаты стало негде. Сестры искали помещение, и им отдали пустовавший старый дом. Там и разместилась экспозиция. В доме сложена глинобитная печь, есть спальня – ее называют «шумуша». Привезли очеп – обструганную длинную жердь,

на нее повесили зыбку – детскую колыбель. Кто-то передал кованую кровать – такие делали в деревенской кузнице. Только и этот дом требует ремонта.

Кстати, у Таиной на кухне что ни предмет, то раритет. Деревянное корыто – сельница, куда она «сеет» муку для пирогов, – осталось еще от прабабушки, а толкушка и скальна (скалка) – от мамы. Сквороднику тоже уже более ста лет, края у него неровные: такие раньше в деревне сами ковали.

ВСЕ В ЖИЗНИ БЫВАЕТ

Пироги в печке подошли. Валентина принесла попробовать свою выпечку. Она тоже с утра пекла – губники и манник. За чаем с пирогами Таине с Валентиной есть что вспомнить и обсудить.

Я слушаю их разговор и думаю, что, наверное, они, как и их предки, привыкли полагаться только на себя, не зависеть ни от кого, разве что от природы. А под нее крестьяне подстраивались всегда.

– Родители наши были хоть и с четырьмя классами, нас всех воспитали хорошими людьми, – замечает Валентина Семеновна. – И мы так же своих детей учили:

не зарьтесь на богатство, будьте честными, трудолюбивыми, добрыми, сочувствуйте другим людям. Я вот иногда думаю – и похоже моего люди живут. Я еще ничего. Вот сейчас какой мы кризис ощущаем? Мы не ощущаем кризиса. Мы хорошо живем. А чего? Пенсию дают вовремя, в магазинах у нас все есть. В огороде всего наросло, у нас своя еда, какой нам магазин? Хлеб только. А муки возьмем, так и сами напекем, если его не привезут. Или у нас сухарей насыщено, их у меня целая наволочка, перебьемся. Дорогу занесло, а мы воды заранее из колодца принесем. А чего еще надо? Дрова – в сарае. Их много, есть чем печку затопить. Какие у нас проблемы коммунальные? Нет у нас никаких коммуналь-

Два поколения.
Таина Семеновна,
Валентина
Семеновна
и дочь
Таины Семеновны
Катя

На закате

ных проблем! За дом не плотим, только за свет, и то половину, потому что мы – ветераны труда. Газ у нас есть – баллоны. Но им пользуемся только летом, зимой печки топим. Я в ней и варю. Суп поставлю – косточку мяса, картошку покрошу, какой-нибудь крупы или капусты... Капуста тоже своя. В русскую печку отправлю, вон у меня горшок, правда, современный, заслонок поставлю, угли выгребу, и к обеду у меня готовый суп. Никакой не надо микроволновки, ничё. Так же вот и это, останется какая-нибудь каша или макароны, а я молочком залью, яйцо щелну, в печку поставлю, выпну – запеканка готовая, и не надо больше ничего.

– Дороги без ям не бывает, – соглашается сестрой Таиной. – Все в жизни может быть. Вот говорят, дети малые спать не дают, а большие вырастут, сам не заснешь. Так и есть. Пятеро детей, внуков семеро, и все переживаешь, как они. Сердцу не прикажешь... Ой беда! Но это не беда, это жизнь! Время пролетело незаметно, и вот уже под окнами сигнализирует вызванное такси. Я о многом не успела расспросить Таину, но через несколько часов у меня поезд. Я ехала в Вельцы как на самобытный «остров», затерянный в архангельской глухи. Теперь понимаю, что это не так. Вельцы – часть нашей жизни, как и множество других сел и деревень. Но на вопрос: что это – ее глубинная основа или уходящая, архаичная натура? – я так и не получила однозначного ответа. Одно несомненно: люди, которые прожили непростую жизнь, с утра до вечера занимаясь тяжелым физическим трудом, достойны лучших условий. Северный фольклор и поэзия сельской жизни очень притягательны и колоритны, но хотелось бы, чтобы в следующий мой приезд в Вельцы уже были проведены газ, водопровод, обурудована канализация. Чтобы не приходилось старикам из колодца тащить через всю деревню на коромысле ведра с водой, невзирая на мороз или дождь. Все-таки на дворе уже XXI век. ¶

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Прессы по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Прессы по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru